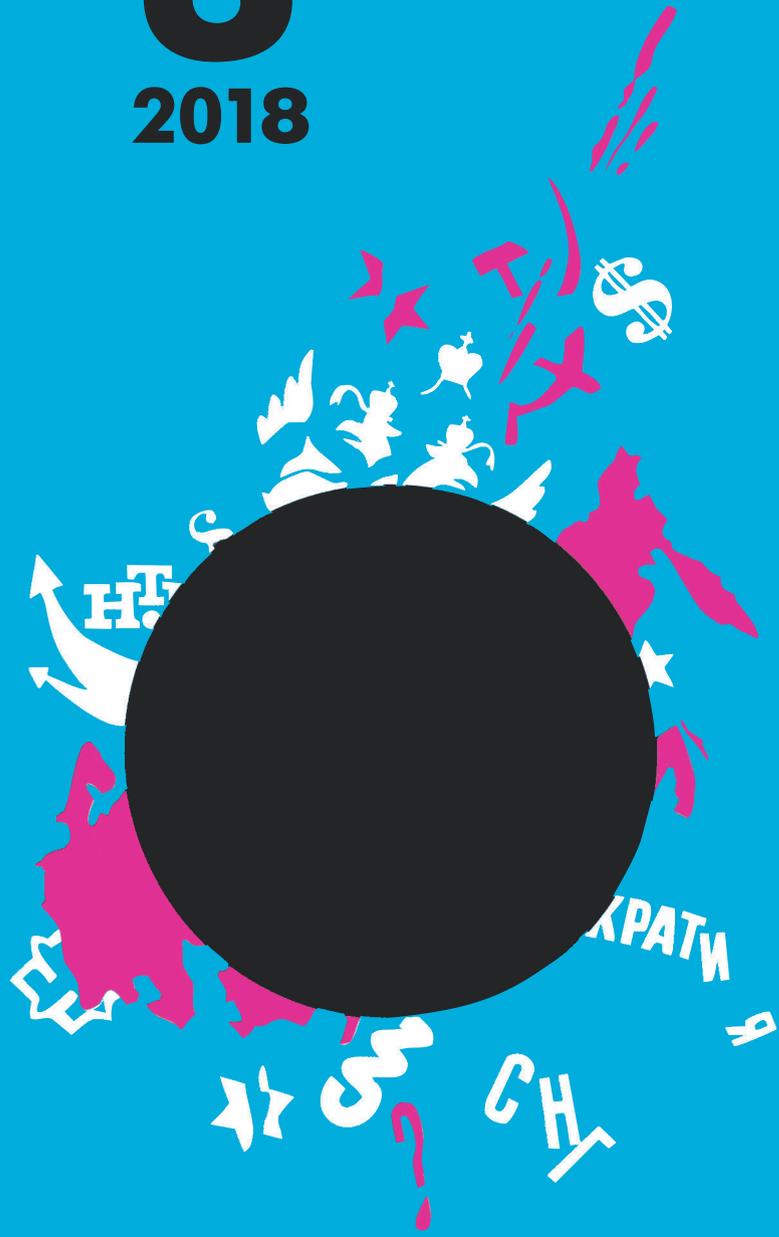

Индекс 39363

3
2018

РОССИЯ XXI 2018 3

РОССИЯ XXI

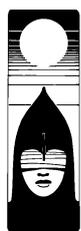
3. 2018 май-июнь

Теория и практика политических игр

Леонтий Бызов

Идейные расколы и президентские выборы 2018 года
(по результатам исследований ИС РАН и ВЦИОМ) _____ **6**

Национальная доктрина

Сергей Орешин

Общекавказская государственность в период революции
и Гражданской войны:
идеи, проекты, попытки реализации _____ **24**

Елена Жбанкова

Для чего и какая физическая культура нужна
пролетариату СССР? _____ **44**

Страницы истории

Исаак Розенталь

О некоторых тенденциях осмысления Первой мировой
войны, революции и большевизма современниками _____ **68**

Кирилл Юдин

«Вредительство» на объектах военной промышленности
СССР (конец 1920-х – начало 1940 годов) _____ **98**

Ярлыки и мифы

Андрей Ранчин

«Левша» Н.С.Лескова и русская
национальная мифология _____ **114**

Актуальный архив

Владимир Печатнов

Неожиданный Аллен Даллес _____ **144**

Редакционная почта

Жорес Медведев, Рой Медведев

Россия через шесть лет _____ **176**

Contents in English look at the page 188

РОССИЯ ХХІ

Редакционный совет

Председатель – Дегоев В.В., доктор исторических наук, директор Центра проблем Кавказа и региональной безопасности, профессор МГИМО-Университета МИД России;

Белова О.В., доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН;

Гриневский О.А., почетный доктор социологии Саутгемптонского Университета (Великобритания), чрезвычайный и полномочный посол в отставке;

Журавлев В.В., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новейшей истории России Московского государственного областного университета, главный специалист «Центра документальных публикаций» РГАСПИ;

Киянская О.И., доктор исторических наук, профессор кафедры литературной критики факультета журналистики РГГУ; ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН;

Либих Андре, профессор истории, Школа международных исследований, Женева, Швейцария;

Мальков В.Л., доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН;

Милюков В.В., доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН;

Панин В.Н., доктор политических наук, профессор Пятигорского государственного лингвистического университета, директор Института международных отношений ПГЛУ;

Розенберг Уильям, профессор истории, Мичиганский университет, США;

Розенталь И.С., доктор исторических наук, профессор;

Фридман Л.А., доктор экономических наук, профессор кафедры экономики Института стран Азии и Африки при МГУ;

Юрганов А.Л., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России средневековья и раннего Нового времени РГГУ

Журнал «Россия XXI» включен
в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Редколлегия

Главный редактор – Кургинян С.Е.;
Бялый Ю.В. (заместитель гл. редактора);
Мамиконян Е.Р. (заместитель гл. редактора);
Каравашкин А.В.;
Ковалев М.В.;
Петрова И.Н.;
Фельдман Д.М.;
Хайлова Н.Б.

Требования к статьям, представляемым для публикации в журнале «Россия XXI»

В журнале публикуются оригинальные научные статьи, посвященные вопросам политологии, истории, культурологии. Предпочтение отдается актуальным проблемным материалам, связанным с современными социальными процессами, изложению новейших взглядов ученых на прошлое и сегодняшний день России.

Направляемые в редакцию статьи должны соответствовать тематике журнала (**см. рубрикатор на сайте**), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям. Содержание статьи должно содержать разделы, касающиеся предмета и метода исследования, состояния объекта исследования на текущий момент и научной новизны работы. В конце статьи необходимо сделать выводы.

Представляемая статья должна включать:

Информацию об авторе (фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание, место работы и должность, телефон и адрес электронной почты для контактов).

Название статьи.

Аннотацию на русском и английском языках (500–900 знаков с пробелами).

Классификацию работы по УДК.

Ключевые слова на русском и английском языках.

Основной текст, включая возможный иллюстративный материал.

Постатейный (нумерованный) библиографический список, оформленный в соответствии с требованиями ВАК РФ.

В начале списка помещаются архивные материалы, затем публикации (по алфавиту).

Для книг указываются *издательства (типографии* – для дореволюционной поры) и *листаж*, для статей – *страницы в издании*.

Для электронных изданий обязательна *дата обращения*.

В тексте и в постраничных примечаниях (после содержательной части) ссылка дается в квадратных скобках:

Объем статьи, включая библиографический список, от 20 до 60 тысяч знаков с пробелами. Публикация большего объема возможна в нескольких номерах журнала.

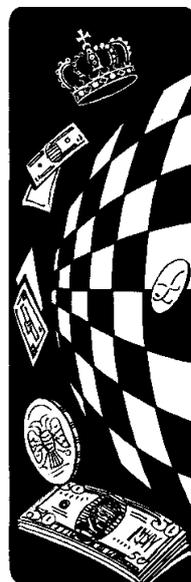
Статья представляется в редакцию на электронном носителе (MS Word).

Величие народа не измеряется его
численностью, как величие человека
не измеряется его ростом; единственной
мерой служит его умственное развитие
и его нравственный уровень.

Виктор Гюго

В душе каждого человека находится
миниатюрный портрет его народа.

Густав Фрейтаг

Леонтий Бызов

ИДЕЙНЫЕ РАСКОЛЫ И ПРЕЗИДЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ 2018 ГОДА

(ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ИССЛЕДОВАНИЙ
ИС РАН И ВЦИОМ)*

УДК
324

В статье рассматриваются состоявшиеся в марте 2018 г. выборы президента РФ через призму основных ценностных расколов общества, активно проявившихся в период 2012–18 гг. На основании данных мониторинга института социологии РАН и исследований ВЦИОМ, строится шкала консерватизм-либерализм, выделяется несколько группировок. Автор статьи показывает большую стабильность (инерционность) основных идейно-ценностных показателей за последние 20 лет и делает вывод, что формирование нынешнего полумобилизационного политического режима с консервативной системой ценностей опирается не столько на фундаментальные перемены в системе ценностей, сколько на сложившуюся политическую конъюнктуру. Данный режим уже подвергается и будет подвергаться дальнейшей политической эрозии, что освобождает место для появления в стране новых политических и общественных субъектов, в первую очередь на низовых этапах политического процесса.

The article deals with the presidential elections held in March 2018 through the prism of the main value divisions of the society, which were actively manifested in the period 2012–18. based on the monitoring data of the Institute of sociology of the Russian Academy of Sciences and VTSIOM research, a scale of conservatism-liberalism is built, several groups are distinguished. The author shows greater stability (inertia) of the main ideological and value indicators over the past 20 years, and concludes that the formation of the current semi-mobilization political regime with a conservative value system is based not so much on fundamental changes in the value system, but on the prevailing political situation. This regime has already been and will continue to be subjected to political erosion, making room for the emergence of new political and social actors in the country.

Ключевые слова: президентские выборы; ценности; стабильность; инерционность; консерватизм; либерализм; политические системы.

Key words: presidential elections; values; stability; inertia; conservatism; liberalism; political systems.

E-mail: leontiy13@mail.ru

* Полный текст результатов исследований будет опубликован в монографии «Библия политических рисков», ВЦИОМ, 2018.

Выборы 2012 и выборы 2018 Любые выборы, особенно в современной России, – явление в значительной степени привходящее, детали которого забываются современниками через сравнительно небольшое время. Кто, например, сейчас вспоминает «феномен М.Прохорова» в кампании 2012 года? Когда миллиардер, решивший поиграть в большую политику, неожиданно набрал около 8% голосов? И исчез из большой политики, сознательно или бессознательно обнулив протестный потенциал среднего класса мегаполисов? Также и сейчас неизвестна будущая судьба «феномена Собчак», столь ярко «продефилировавшей» в кампании 2018 года. Президентские выборы в современной России – это форма ритуальной легитимации власти, а не механизм ее смены. Поэтому и выборы 2018 года – это лишь в очень косвенной форме отражение общественной жизни, ее основных трендов и их динамики. Главная борьба ведется в сферах, скрытых от глаз общественности. Тем не менее что-то, пусть в преобразованной форме, эти выборы отражают. Внешне две последние избирательные кампании похожи друг на друга как братья-близнецы, за вычетом малозначительных деталей. Но кто рискнет утверждать, что наша страна в 2018 году мало чем отличается от России 2012 г.? Тот же «новоизбранный» старый и всем известный президент, тот же В.Жириновский и еще немало знакомых лиц, но между двумя этими датами лежат Крым, Донбасс, новая «холодная война», санкции и контрсанкции, новый консенсус и новые расколы. Кризис и «вставание с колен». Новые форм протестной активности. Именно поэтому, говоря о политическом контексте выборов 2018 года, стоит вспомнить те выводы и гипотезы, которые мы сформулировали 6 лет назад и которые время либо подтвердило, либо опровергло. Вот что мы писали в 2012 году: «Протестная активность общества вплоть до конца осени 2011 г. не превышала обычных показателей, равно как и индексы социального самочувствия. Но сразу после парламентских выборов она не только выросла, но и обрела новое политическое качество, а казавшееся монолитным «путинское большинство» дало трещину» [8, с.1–22; 2, с.15–23]. Так это и произошло, но тогда оказалось не тенденцией, а краткосрочным явлением. Общество на годы вступило в фазу охранительной реакции на общественные потрясения, и протестная активность оказалась свернута. Но и тогда поддержка россиян власти связывалась скорее с инерцией, негативным образом оппозиции, боязнью перемен, а не с позитивным восприятием самой власти как таковой. На вопрос о

том, идут ли дела в стране в правильном направлении, в ноябре 2011 г. положительный ответ давали 24% опрошенных (полностью или скорее согласны), а отрицательный – 30%. За 2013 г. эти показатели немного ухудшились, хотя негативный баланс оценок продолжал сохраняться (27% против 22%). Однако «после Крыма» численность «оптимистов» сразу выросла более чем вдвое – до 75%. Страна вступила в мобилизационное состояние массового сознания. Аналогичные тенденции – постепенного снижения уровня доверия к власти как основного тренда и «крымской аномалии» как резкого повышения ее легитимности – отмечали и другие исследователи общественного мнения, в частности Л.Гудков [5]: «В этот период в обществе накапливалось огромное раздражение властью, шел устойчивый, казалось бы, необратимый процесс ее делегитимизации. После присоединения Крыма все социологические показатели резко устремились вверх...». В новых условиях «после Крыма» недовольство властью сконцентрировалось в достаточно локальной группе «русских западников», сторонников европейского выбора, эта группа относительно невелика по объему. Ее ядро – те, кто готов последовательно поддержать на выборах лозунги европейского выбора, – составляет не более 7% (ВЦИОМ, март 2018 г.), а периферия, частично разделяющая европейские ценности, – еще 15–20%. 78% набранных В.Путиным голосов, по крайней мере наполовину, выглядят своего рода авансом. К национальному лидеру у россиян накопилась масса претензий, что никак не сказывается на результатах выборов. «Ядро» поддержки президента составляет 45%, по тем же данным ВЦИОМ, это те, кто поддерживает В.Путина и полагает, что «он уже многое сделал для страны и сделает еще многое», а 48% готовы были поддержать президента потому, что не видели иной реальной кандидатуры. Как отмечает тот же Л.Гудков, «отношение к Путину двойственное: да, как говорят наши респонденты, он восстановил авторитет России как великой державы, он решительный и опытный политик, у него нет, как мы видели, реальных конкурентов. Но, с другой стороны, вне сферы внешней политики его достижения не столь уж велики или их просто нет. Он не добился успеха в экономике, доходы людей падают; проблема коррупции – одна из самых острых; мира, справедливости и стабильности, безопасности нет ни на Северном Кавказе, ни внутри страны» [4].

Выборы-2018 прошли под знаком мобилизации общественного мнения вокруг В.Путина, и это произошло, несмотря на рост недовольства россиян негативными процессами в экономике, социальной сфере, нарастающей коррупцией. Кроме «ядра» сторонников в 45%, за В.Путина

ИДЕЙНЫЕ РАСКОЛЫ И ПРЕЗИДЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ 2018 ГОДА

проголосовала и его «периферия», во многом потому, что не видела альтернативы национальному лидеру. Огромную роль в пользу нынешнего президента сыграла тяжелая внешнеполитическая обстановка, угроза войны, на фоне которой внутренние трудности отходят на второй план. В то же время общественное мнение четко отделяет В.Путина от других ветвей и этажей власти, в отношении которых оно не опасается высказывать серьезное раздражение и недовольство. Интересно, что данные опроса ИС РАН уже после мартовских выборов продемонстрировали, что показатели доверия к президенту – 69% при 17% недоверяющих – полностью вернулись к ситуации до начала избирательной кампании, эффект от мобилизации достаточно быстро сошел на нет. А по данным ВЦИОМ, за месяц после выборов рейтинг В.Путина потерял в весе 7 пунктов и упал до уровня 48% (он, очевидно, считался по иной методике). Мобилизация оказалась успешной. Но краткосрочной. Наивная вера в В.Путина, способного решить любой вопрос, снижается, и это не может не отражаться и на показателях доверия к нему.

Изменились ли ценности россиян?

Но наша задача – все же показать, что из фундаментальных социологических показателей изменилось за последние 6 лет. Ведь политические лидеры и симпатии к ним общества уходят и приходят, а основные, реперные показатели жизни общества остаются. Такими показателями, на наш взгляд, являются политические установки. Как видно из следующей таблицы, как минимум начиная с 2001 года, а фактически раньше, с середины 90-х, ничего экстраординарного в этой сфере не происходило. Общество по-прежнему, несмотря на мобилизационное состояние, деполитизировано и не желает отождествлять себя ни с левыми, ни с правыми, оно выступает за сильное государство и сильную власть. Это не означает, что в стране нет левых, русских националистов, либералов – нет, они есть, и они выявляются через ответы на содержательные вопросы, а вот откликаться на соответствующие политические «ярлыки» готовы немногие. Об этом ярче всего говорит то, что более 75% опрошенных россиян на вопрос социологов в октябре 2017 г. (исследование Мониторинга ИС РАН) не смогли или не захотели отнести себя к числу приверженцев ни одного определенного идейно-политического течения. 43% опрошенных вообще предпочли себя не считать сторонниками каких-бы то ни было идейно-политических течений и 14% выступали за «сочетание различных

идей»; 20% затруднились ответить. Подобная неготовность общества к доктринальной самоидентификации в идейно-политической плоскости и его видимое равнодушие к соответствующему дискурсу безусловно контрастирует с ожесточенностью полемики в публичном пространстве. Тональность этой полемики задают радикалы, сами по себе имеющие малочисленную поддержку, а остальной, скорее конформистской, части общества эта полемика навязывается. Именно поэтому наблюдаемый сегодня общественный раскол нам представляется во многом искусственным, чем-то вроде мыльного пузыря, старательно надуваемого с целью поддержания массового сознания в состоянии мобилизации.

Динамика идейно-политических предпочтений россиян, 2001–2017 гг., %.

Идейные позиции	2001	2011	2017
Относят себя к либералам, сторонникам рыночной экономики	7	5	5
К сторонникам коммунистов	12	12	8
К сторонникам обновленного, реформированного социализма (например, к социал-демократам)	4	6	6
К приверженцам самостоятельного русского пути развития	6	6	6
Стоят за сочетание различных идей, избегая крайних и радикальных	16	17	14
Не являются сторонниками никаких идейных течений	39	41	43
Затруднились ответить	16	13	20

Даже те, кто по совокупности своих взглядов и ценностей скорее примыкает к либералам, не хотят называть себя либералами. Так, по своим ценностям в той или иной форме к либералам можно отнести 20–25% населения страны, а идентифицируют себя как либералов меньше 5%. Еще меньше готовы голосовать за политические партии и кандидатов либеральной направленности (на выборах нынешнего года К.Собчак и Г.Явлинский вместе набрали менее 3%). То же самое касается и других общественных течений. Численность тех, кто относит себя к либералам, снижается от 7% у молодежи до 2% среди самой старшей возрастной группы (больше 60 лет), а доля сторонников коммунистов, напротив, возрастает от 3% до 11%. «Раскол? – спрашивает в связи с этим руководитель Центра комплексных социальных исследований Института социологии РАН Владимир Петухов. – Ни в коем случае. Налицо согласие переходного типа. Все понимают, что коней на переправе не меняют. Это промежуточная ценностная среда. В не до конца устоявшемся обществе "плавают" и система ценностей, тяготеющая к традиционности, но готовая меняться» [9].

ИДЕЙНЫЕ РАСКОЛЫ И ПРЕЗИДЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ 2018 ГОДА

Чтобы не пользоваться ярлыками идеологических наклеек, остановимся на базовом наборе ценностей того этапа жизни общества, который связывается с «эпохой Путина», точнее с тем ее периодом, когда она только еще начиналась. В общих чертах это следующие ценности:

- *сочетание относительно демократического устройства системы (особенно важны индивидуальные свободы – выбор профессии, заработок, перемещения, включая выезды за рубеж, свобода информации и политических взглядов, менее важна политическая надстройка: выборы, многопартийность) с порядком и сильным государством; в русле этой парадигмы можно назвать и неприкосновенность личной жизни, в которую не должно вмешиваться ни государство, ни общество;*

- *жесткая, скорее антидемократическая зарегулированность публичной политической жизни;*

- *сочетание рыночной экономики, особенно на ее «микроуровне», с усилением роли государства и придания ему социальных функций;*

- *сочетание скорее прозападных ценностей в обыденной жизни (идеалом служит массовое потребительское общество западного типа) и жесткой, неуступчивой внешней политики, обеспечивающей национальное достоинство россиян;*

- *отказ от революционного насилия в пользу постепенного реформирования.*

Понятно, что из этого консенсуса уже в «нулевые» выпадали наиболее радикально настроенные левые и националисты различного толка, а также меньшая, но наиболее радикальная часть либералов. С этими ценностными идеологемами выражали в разное время согласие в среднем до 80% населения России. Избиратель прощал «партии власти» и невнятную социальную концепцию, и противоречивую идеологию, и номенклатурное лицо ради сверхзадачи, с которой в его глазах связана путинская «партия власти», – объединить общество, восстановить государственную субъектность. «Путинская эпоха» в идеологической плоскости представляла собой смесь самых разных идейных доктрин. Она возникла в качестве реакции на неудовлетворительные итоги скорого внедрения демократии в 90-е годы. Эту смесь в ряде работ мы назвали «консенсусной метаидеологией» [3, с.14–23]. Критика демократии образца 90-х, ставшая лейтмотивом многих политико-идеологических высказываний эпохи Путина, вполне совпадала с мнениями и оценками большинства россиян. Согласно исследованиям ВЦИОМ в тот период почти половина опрошенных (49%) считали, что полноценная демократия в России так и не состоялась. Простые люди в «демократической» России остаются безгласными и бессильными повлиять на власть, их мнение никак не влияет на принятие решений. То есть дело не в самой

демократии, а в том, что ее исполнение в России оказалось выхолощенным, неполноценным. Альтернативных точек зрения, согласно которым «демократия вообще не походит для России», и близкой к ним, что «Россия не созрела для настоящей демократии», придерживались, соответственно, 16% и 14%, то есть в сумме около 30%. Между тем на еще более прямой вопрос об особенностях российской демократии 80% опрошенных выражали в целом негативное к ней отношение, заключающееся в том, что «эта демократия мало влияет на нашу повседневную жизнь, все равно нами правят те, у кого больше денег и связей». По сути, речь шла о том, что в России создана не столько демократия, сколько ее фасад, с такими формальными атрибутами, как избираемые населением президент, Государственная Дума, органы представительной власти на местах, многопартийность, но этот фасад никак не влияет или в малой степени влияет на повседневную жизнь граждан, не видящих путей защиты своих реальных интересов. Фасадная демократия является лишь ширмой, за которой скрывается весьма антидемократическая реальность нашей жизни. Социал-консерваторы – это то, что мы сегодня называем консервативным большинством, – составляли в 2012 г. 68% (сейчас не намного больше – около 70%). Из них треть была настроена скорее оппозиционно, а 2/3 – скорее лояльно. Либералы составляли 23%, и их численность практически за это время не изменилась. В то время большая часть россиян (63%) воспринимала общее направление, по которому идет современная Россия, либо как позитивное, что даст в перспективе положительные результаты, либо хотя бы как частично правильное, а частично – нет. В наибольшей степени этот курс соответствовал установкам умеренных либералов (72% полной или частичной поддержки), но и во всех остальных группах он превышал отметку в 50%. Наиболее низкие показатели поддержки были тогда зафиксированы у радикальных либералов – 54%, не случайно именно эта группа и доминировала на протестных митингах с декабря 2011 г. по март 2012 г., но и в этой группе она превышает половину от общего числа опрошенных.

На одном полюсе общественно-политического спектра находятся консерваторы, самая многочисленная группа, на другом – либералы, как правые (сторонники рынка), так и левые (сторонники социальных приоритетов). Консерваторы поддерживают традиционный образ России – могучего государства, державы с твердой, жесткой властью, способной обеспечить социальную справедливость, которая противостоит Западу и западной цивилизации. Либералы, напротив, ориентированы скорее на минимизацию государства, снижение его влияния на бизнес и гражданское общество, формирование правового общества, в котором бы выше

ИДЕЙНЫЕ РАСКОЛЫ И ПРЕЗИДЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ 2018 ГОДА

ценились демократические права и свободы. При всех различиях, оба эти «полюса» имеют и много пересечений. В частности, нынешняя власть и тот курс, который с ней связан, воспринимается скорее позитивно (в большей степени государственниками, в меньшей степени либералами). И либералы, и консерваторы не готовы поддержать ни «чистый» рыночный капитализм, ни «чистый» плановый социализм; и тех, и других скорее привлекает какой-либо промежуточный вариант, который бы включал в себя и элементы рынка, и элементы социалистической экономики.

Рассмотрим в связи с этим поддержку опрошенными тех или иных лозунгов и идей, определяющих их политические симпатии. Дополним полученные цифры показателями «протестности», которые в данном случае отражают цифры радикального неприятия В.Путина. И это при том, что во всех без исключения группах В.Путин безоговорочно лидирует на фоне других кандидатов в президенты.

Поддерживаемые лозунги (цели развития общества)¹.

Цели	Доля в % от всех опрошенных	Доля «антипутинцев» ²
Самоуправление, развитие гражданского общества, гражданская солидарность	10	15
Сильное и социально ориентированное государство, способное обеспечить социальную справедливость	34	10
Сочетание сильного государства и свободной рыночной экономики	19	6
Ограничение наплыва в Россию приезжих из других стран	19	11
Возрождение страны на основе ее исторических и духовных традиций	26	7
Укрепление оборонной мощи, могущества Российской державы	32	2
Сближение с Европой, странами Запада, современная западная политическая демократия	7	15
Развитие свободной рыночной экономики, бизнеса, конкуренции	14	6

Источник: ВЦИОМ, март 2018.

Из таблицы хорошо видно, что власть в лице В.Путина практически полностью удовлетворяет запрос «державников» разного оттенка, сто-

¹ При ответе можно было выбрать до двух позиций.

² Среди поддерживающих данный лозунг.

ронников укрепления могущества державы. Весьма низкой остается доля «антипутинцев» в группах сторонников свободной рыночной экономики, в том числе и с участием сильного государства, эти группы составляли «костяк» путинского консенсуса эпохи «нулевых». Наибольший уровень «антипутинцев» – по 15% – зафиксирован в группах, скорее тяготеющих к европейским социал-демократическим ценностям, сторонникам социальной справедливости, самоуправления, сближения с Европой и развития политической демократии. Заметим здесь в скобках, что с похожей программой в марте 2018 года выступал Григорий Явлинский, но набрал не 15%, а более чем в 10 раз меньше. Значительно снизилось на «крымской волне» недовольство властями со стороны русских националистов – почти вдвое, хотя и остается относительно высоким. Очевидно, что больше половины националистов, еще накануне «крымской эпопеи» относившиеся резко критично к российским властям, примкнули к мобилизованному властями большинству. 34–35% опрошенных поддерживают идеи социальной справедливости, 30–32% – идеологию, основанную на традициях и могуществе державы («левый и правый уклоны» в составе «консервативного большинства»). Еще 19% занимают промежуточную позицию между консервативными и либеральными ценностями, выступая за сочетание идеи сильного государства и рыночной экономики. И, наконец, менее 7% составляет поддержка лозунгов «европейского выбора», последний показатель сократился с 10–11% в 2008 и 2010 гг. Еще около 6% составляют политически убежденные русские этнонационалисты, сторонники самостоятельного русского пути, место которых в рамках противостояния консерваторы – либералы остается не до конца выраженным, хотя события 2014 г. и подтолкнули данную группу в сторону консерваторов-державников и консервативного большинства в целом. Эти цифры также являются весьма стабильными с начала «нулевых» и никак не отражают специфики нынешнего политического момента. Сразу выскажем свою точку зрения, что причины роста консервативных настроений и ценностей в период с 2012 г. лежат преимущественно в политической, а не социологической плоскости. Страна встретила 2012 год с неплохим социально-экономическим положением, успешно преодолев кризис 2008 года. Цены на нефть продолжали оставаться высокими. Медленно, но уверенно шла экономическая и социальная модернизация, пусть и намного медленнее, чем в самые первые годы «нулевых». Рос и укреп-

ИДЕЙНЫЕ РАСКОЛЫ И ПРЕЗИДЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ 2018 ГОДА

лялся достатком средний класс. Так что же побудило немалое число горожан в мегаполисах выйти на беспрецедентные по тем временам акции протеста? Изменилась система ценностей? Тоже вроде бы нет, она носит исключительно инерционный характер. Однако люди вышли, люди разного социального положения и убеждений, чтобы сказать власти, что они тоже есть и с ними надо считаться. И не видеть в них только объект политических манипуляций. Власть эту протестную активность восприняла как угрозу, и из двух вариантов реакции – широкая политическая реформа, проанонсированная уходящим Д.Медведевым, и пресловутое «закручивание гаек», – выбрала второй ответ. Жесткое столкновение на Болотной площади в мае 2012 года положило начало новому путинскому сроку. Затем последовали достаточно странные и сырые законопроекты: о детях-сиротах, о гей-пропаганде, об оскорблении чувств верующих. Они выполнили свое предназначение, отколов от недовольной либеральной массы как умеренных, так и радикальных националистов, патриотов-державников и левых, заставив демонизированных пропагандой «либералов» выступать критиками этих законов и репрессивных мер (потому что они сами «кошунники и охальники», как выразился один мой знакомый). Потом – резкое ухудшение отношений с Западом еще во второй половине 2013 года, бойкот со стороны западных лидеров Сочинской олимпиады, киевский майдан, переворот в Киеве, воспринятый Россией как негласное объявление войны, присоединение Крыма в марте 2014 года, которое наряду с последующими событиями на юго-востоке Украины зафиксировало состояние новой «холодной войны». Дальше санкции и контрсанкции, война в Сирии, ну и дальше, как говорится, «с остановками по всем пунктам». Россия все больше стала превращаться в осажденную крепость, а власть – в военную, мобилизационную, добиваться замены которой в военное время – предательство. Слова «предатели», «пятая колонна», «либерасты» стали неотъемлемой частью российского политического лексикона. К этому процессу активно подключилась и РПЦ, то устраивавшая «антилиберальные» молебны, то объявлявшая крестовый поход против западных морали и ценностей. Стоит ли удивляться тому, что в этих условиях податливое массовое сознание, даже весьма встревоженное негативными процессами в экономике и социальной сфере, предпочтет проголосовать за власть, и даже если и не за В.Путина, то за другого кандидата (П.Грудинин, В.Жириновский), не выходящего за красные линии по-

открытого консенсуса, а те, кто все-таки немного за них вышел, в сумме получают около 2,5%. Но подробный анализ политических, а не социологических причин консервативной мобилизации – дело политологов и в данном тексте не является приоритетной задачей. Мы занимаемся фундаментальными ценностными факторами. И среди этих фундаментальных показателей – разделение (раскол?) общества на консерваторов и либералов. Остановимся на нем более внимательно.

Говоря об этом расколе, чаще всего оперируют цифрой 86% – максимальным числом сторонников В.Путина, выявленным несколько лет назад. Интересный расчет пользователей сети «ВКонтакте» был сделан питерскими математиками. «...Нами была построена математическая модель политических взглядов пользователей социальной сети ВКонтакте. Программа анализирует страницу пользователя, изучает его интересы и увлечения. В итоге ему присваивается индекс между 0 и 1. Значение индекса ближе к 0 показывает приверженность к консервативным взглядам, ближе к 1 – к либеральным. Ничего сверхреволюционного мы в своих результатах не получили. Не проводя никаких опросов, можно получить электоральную картину по всей стране» [7]. Они получили весьма предсказуемый итог: примерно 20% – это либералы; 79% – консерваторы в небольших городах русской провинции и 30% против 70% – в столицах. Примерно к таким же цифрам мы пришли и в результате репрезентативных опросов. «Консервативное большинство», на которое опирается власть, само неоднородно, и не только с точки зрения его левого и правого сегментов. Так, политически активная и идеологизированная его часть сама составляет в нем меньшинство, своего рода «меньшинство в большинстве», а большинство составляют конформисты, готовые плыть по фарватеру, прокладываемому властями. В обществе снова растет то явление, которое на языке улицы правильнее всего было бы назвать «политическим пофигизмом» – на фоне, напротив, радикализации и политизации разного рода идейных меньшинств. Повышенная экзальтация, связанная с присоединением Крыма, идеями «русского мира», постепенно спадает, хотя мнение людей и не меняется на противоположное. Та же картина, только с обратным знаком, наблюдается и в стане либералов. Но, даже учитывая всю внутреннюю неоднородность как «консерваторов», так и «либералов», следует иметь в виду, что идеи вносятся в повестку дня не «пофигистскими» группами общества, а радикальными флангами, в данном случае – убежденными

ИДЕЙНЫЕ РАСКОЛЫ И ПРЕЗИДЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ 2018 ГОДА

консерваторами, национал-патриотами и столь же убежденными либералами. Итак, большинство, состоящее как из убежденных консерваторов-державников, так и из конформистской части общества, находится примерно в пропорции 30% против 70% [1, с.1–11]. Это консервативное большинство сегодня за действующую власть (в целом, при наличии многих претензий по частностям). Можно утверждать, что это консервативное большинство вместе со «своими» СМИ, в т.ч. основными каналами ТВ, обладают чертами «протопартии». Это протопартия рыхлая, и при усилении политической турбулентности начнет быстро распадаться. Самый последний и яркий пример – события в Армении весной 2018 г., когда никто не вышел в поддержку «партии власти», имевшей конституционное большинство в парламенте. «Меньшинство» же можно охарактеризовать как «либеральную интеллигенцию» или «креативный класс». При том, что численность этой группы составляет по самой максимальной оценке не более 15–17% и она на протяжении долгих десятилетий не может сформировать собственного представительства в партийном спектре, рассыпаясь на несколько маргинальных групп, ее вес в общественно-политической жизни страны остается весьма значительным благодаря высокому уровню образования, владению информационными коммуникациями и наличию «своих» СМИ. Среди либерального меньшинства намного меньше пенсионеров и намного больше студентов, интеллигенции вообще. Среди последовательных либералов 50% имеют высшее или незаконченное высшее образование, тогда как в аналогичной группе консерваторов их 28%.

Группировки по шкале консерватизм–либерализм ³	Доля в %
Последовательные консерваторы	54,0
Непоследовательные консерваторы	25,5
Непоследовательные либералы	13,4
Последовательные либералы	6,8

³ Группировка сделана на основании расчетной переменной, включающей в себя ответы на 5 вопросов из ценностного блока.

Теория и практика политических игр

Образовательный состав (в %) либералов и консерваторов

Доля с уровнем образования	Последовательные либералы	Непоследовательные либералы	Непоследовательные консерваторы	Последовательные консерваторы
Неполное среднее	1	6	5	6
Среднее	22	28	26	26
Среднее специальное	28	34	36	36
Высшее, незаконченное высшее	50	33	31	28

Источник: ВЦИОМ, март 2018 г.,

группировка на основе расчетного показателя публикуется впервые

Мартовское исследование ВЦИОМ 2018 г. зафиксировало примерно 6–7% последовательных либералов (всего, включая непоследовательных и колеблющихся, – 20%), 54% последовательных консерваторов (всего, включая непоследовательных, – около 78–79%). Между либеральным меньшинством и либеральной оппозицией существует определенная корреляционная зависимость, но это не тождественные понятия. Среди либералов уровень оппозиционных, протестных настроений намного выше, чем среди «конформистского болота» и консерваторов, но основная часть либерально ориентированных россиян продолжает пока достаточно лояльно относиться к российской власти. И именно эти группы выстраивали свою стратегию на состоявшихся 18 марта выборах президента РФ. Социология в отличие от электоральной статистики позволяет распределить выбор избирателей по тем или иным группам общества. В группе последовательных либералов только 39% называют телевидение в качестве главного источника информации и 44% – интернет. Тогда как в группе последовательных консерваторов эти цифры – соответственно, 64% и 24%.

Насколько наше общество может быть признано ценностно гомогенным, а насколько расколотым? С одной стороны, либералов и консерваторов разделяет сегодня ценностная пропасть. Радикалы, выступающие за полную смену режима в стране, составляют и тут меньшинство, но их голос слышен громче, так как власть, опершаяся на консервативные круги общества, сама способствовала тому, что т.н. «системные либералы», составлявшие ее опору в «нулевые», стали практически не востребованы. Силы «либералов» и «патриотов» явно неравны, причем это

неравенство не только в политической, но и моральной плоскости. Как в связи с этим пишет Сергей Черняховский, «за именем "патриотизма" – поддержка общества. За именем "либерализма" – общественное презрение. И поддержка определенных элитных групп, видящих свое будущее и будущее своих детей в обретении гарантированного положения в чужой государственной системе. Им нужен коллаборационизм, и его поддерживают извне. Но под именем "либерализма" он, похоже, существовать уже не может, ему нужно новое уважаемое и почитаемое – каким когда-то было и имя демократа, и имя либерала. Отсюда – выгоднее всего тоже стать патриотом. И это относительно легко: просто нужно благо коллаборациониста назвать благом для родины» [11]. Однако у современного патриотизма есть и свои опасные стороны, на которые обращает внимание А.С.Ципко: «Меня пугает не только актуализация проблемы ядерной войны и гибели человеческой цивилизации, но и тот факт, что значительная часть населения современной России довольно спокойно реагирует на разговоры о неизбежной гибели человечества. Это говорит о том, что сложившаяся за четыре года привычка к жизни в осажденной крепости подрывает и без того слабый у нас инстинкт самосохранения» [10]. Не вдаваясь в суть обсуждаемой А.Ципко проблемы, отметим лишь, что России в последние четыре года свойственно настроение экзальтации, контрастирующее со спокойной эпохой «нулевых», когда россияне наслаждались первым приобщением к «потребительскому раю» и обустройством своей частной жизни. И эта экзальтация, идущая во многом против основных трендов формирующегося общества современного типа, насаждается радикалами, прямо или косвенно поддерживаемыми властью.

Рассмотрим в общих чертах стратегию выделенных идейно-политических групп на президентских выборах. Собственно говоря, эта стратегия достаточно невыразительна, ввиду совершенно очевидных политических причин. В.В.Путин парил надо всеми кандидатами, оставляя для них в лучшем случае роль дублеров. Так, для двух крыльев консервативного большинства – социал-патриотического и национал-патриотического – роль подобных дублеров выполняли П.Грудинин и В.Жириновский. Первый из них ненавязчиво оппонировал В.Путину в социальной сфере, но лично в последнего подобная критика никак не могла метить. Второй призывал к более радикальным рецептам во внешней политике, чем мог себе позволить В.Путин. За обоих этих кан-

дидатов частично должен был по расчетам политтехнологов проголосовать дисциплинированный электорат КПРФ и ЛДПР, остающийся им верным вот уже более четверти века. Внешнеполитическая программа Грудина и Жириновского ни на один миллиметр не выходила за «красную линию» крымского консенсуса. Ну а что касается либерального сегмента электората, то он не смог или не захотел оказать значимой поддержки представлявшим его ценности К.Собчак и Г.Явлинскому. По мнению Максима Миронова, «никто больше не хочет голосовать за назначенных властями "либералов"» [6]. До сих пор на эту роль находились люди, полностью лишённые политического чутья. Как будто специально они поддерживали карикатурный образ «либерала», который не понимает, как на самом деле живет российский народ, и которому лишь бы устроить шоковую терапию. «В этот раз протестный электорат сказал громко и отчетливо: "Таких либералов нам не надо". Суммарно Явлинский (1.05%) и Собчак (1.68%) набрали всего 2.7% голосов. Их результат не сильно отличался от результатов заведомых аутсайдеров: кандидатов Титова, Сурайкина и Бабурина, которые в среднем набрали 0.7% голосов каждый. Это и есть реальный процент людей, "клюнувших" на наживку про то, что надо все-таки сходить и проголосовать за кого-то, чтобы выразить свой протест. За кандидата "Забастовка" проголосовало, по моим оценкам, от 10 до 15%» [6].

Со сказанным можно согласиться и предположить, что ближайшие 6 лет пройдут под знаком реформы изрядно запущенного политического пространства и наиболее весомый голос в этом реформировании будет принадлежать «левым», более консервативным или более демократичным силам, которые сегодня находятся в фарватере общественного запроса.

Библиографический список

1. Бызов Л.Г. Анатомия «консервативного большинства». Фонд исторической перспективы, 13 марта 2014 г. С.15–17.
URL: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=267666>.
2. Бызов Л.Г. «Избирательный цикл 2011–12 гг. через призму ценностных и идейных противоречий общества». Часть 1. «Мониторинг общественного мнения», 2013, №2., С.1–13.
3. Бызов Л.Г. «Неоконсервативная волна» в современной России: фаза очередного цикла или стабильное состояние? // «Мир России», 2010; Т.19, №1., С.14–23.
4. Тагаева Л. Глава «Левада-центра»: «Россияне чувствуют, что входят в третью мировую» [Интервью Л.Гудкова] // Интернет-телеканал «Дождь».

ИДЕЙНЫЕ РАСКОЛЫ И ПРЕЗИДЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ 2018 ГОДА

URL: https://tvrain.ru/articles/glava_levada_tsentra_rossijane_chuvstvujut_chno_vhodjat_v_tretju_mirovujju-461694.

5. Гудков Л. Сейчас Россия живет в эпоху безвременья // «Русская планета», 1 ноября 2014 г.,

URL: <http://russkayaplaneta.mirtesen.ru/blog/43574798105/%C2%ABSeychas-Rossiya-zhivet-v-epohu-bezvremeny%C2%BB>.

6. Миронов М. Итоги выборов, или Путин – хромая утка.

URL: <https://thequestion.ru/questions/372761/kakovy-itogi-prezidentskikh-vyborov>.

7. Нейросеть предсказывает результаты голосования на выборах президента Российской Федерации в 2018 году. 15 марта 2018 г.

URL: <https://medium.com/@SkyDigital/нейросеть-предсказывает-результаты-голосования-на-выборах-президента-российской-федерации-в-2018-39fa7618718b>.

8. От плебисцита – к выборам: Как и почему россияне голосовали на выборах 2011–2012 гг. / Ред. В.В.Федоров, ВЦИОМ, М.: Практис, 2013.

9. Емельяненко В. Симпатизируем. Но не всем. Армия, РПЦ и СМИ остаются лидерами симпатий общества [Интервью В.В.Петухова] // «Российская газета» от 26 апреля 2018 г.

URL: <https://rg.ru/2018/04/26/vciom-armiia-rpc-i-smi-ostalis-liderami-simpatij-obshchestva.html>.

10. Ципко А.С. Хочет ли Россия уничтожить человеческую цивилизацию? // Независимая газета, 5 апреля 2018 г.

11. Черняховский С.Ф. Российские либералы начали имитировать патриотизм // РИА Новости.

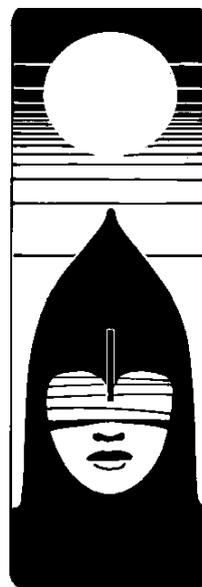
URL: <https://ria.ru/analytics/20180405/1517896563.html>.

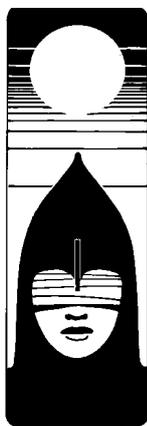
Всякое общество есть система заветов.
Для жизни какого-нибудь государства важно
не то, монархическое оно, республиканское
или аристократическое. Важно, чтобы
политические условности разделялись
большинством граждан. В морали полезны
не сами нормы, которые она выдвигает, но сам
факт, что она выдвигает их.

Поль Валери

Чем больше государство планирует, тем труднее
становится планировать индивиду.

Фридрих Август фон Хайек

Сергей Орешин

**ОБЩЕКАВКАЗСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ
В ПЕРИОД
ГРАЖДАНСКОЙ
ВОЙНЫ:**

**ИДЕИ, ПРОЕКТЫ, ПОПЫТКИ
РЕАЛИЗАЦИИ**

НАЦИОНАЛЬНАЯ ДОКТРИНА

УДК

94(47) 084.3

Статья посвящена вопросам формирования единой общекавказской государственности в период Российской революции и гражданской войны 1917–1921 гг. Распад Российской империи привел к обострению политической и социально-экономической ситуации на Северном Кавказе, в то же время различными политическими силами выдвигались проекты объединения всех народов Кавказа и создания единого государственного образования. В статье анализируются различные модели государственности, которые пытались внедрить на Северном Кавказе как местные, так и общероссийские политические силы, и объясняются причины провала подобных попыток; исследуется место и роль национальных движений народов Кавказа в контексте национально-государственного строительства в послереволюционной России.

The article devotes to the questions of formation of the Caucasian statehood during the Russian revolution and Civil war of 1917–1921. Desintegration of the Russian Empire has led to aggravation of a political and social and economic situation in the North Caucasus, at the same time, the various political forces moved forward the projects of association of all people of the Caucasus and creation of uniform state education. The author analyzes various models of statehood which tried to introduce both local, and all-Russian political forces in the North Caucasus and the reasons of a failure of similar attempts; explores the place and a role of national movements of the people of the Caucasus in the context of the national and state construction in post-revolutionary Russia

Ключевые слова: Северный Кавказ; Российская революция 1917 года; гражданская война; национально-государственное строительство; Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана; Горская Республика; Северокавказская советская республика; Горская Автономная Советская Социалистическая Республика.

Key words North Caucasus; Russian revolution of 1917; Civil war; national and state construction; Union of the integrated mountaineers of the North Caucasus and Dagestan; Mountain Republic; North Caucasian Soviet republic; Mountain Autonomous Soviet Socialist Republic.

E-mail: Oreshin12345@yandex.ru

События Российской революции 1917 года и последовавшей гражданской войны оказали решающее влияние на все стороны жизни российского социума, в том числе и на национальных окраинах бывшей Российской империи. Одним из итогов революции стало преобразование бывшей унитарной империи в советскую федеративную республику. В то же время на окраинах России процесс национально-государственного строительства приобретал особую специфику, обусловленную этническим и конфессиональным составом проживавшего населения, уровнем социально-экономического развития, политическими традициями, культурной спецификой.

Одной из таких окраин был Северный Кавказ – один из наиболее многонациональных районов Российской империи, на территории которого проживали народы, говорившие на различных языках и исповадовавшие разные религии. На протяжении всего имперского периода Северный Кавказ представлял собой только географическое понятие, будучи разделенным по административно-территориальному признаку на Ставропольскую и Черноморскую губернии, Кубанскую, Терскую и Дагестанскую области (последняя, впрочем, до революции относилась к Закавказью).

Идея объединения всех горцев Северного Кавказа и выделение региона в особую административно-территориальную единицу в составе Российской империи разрабатывалась кавказской интеллигенцией (главным образом, студенческой молодежью) начиная с конца XIX века. В качестве предпосылок такого единства указывались общность исторических судеб, религии, традиционной культуры и быта, схожий экономический уклад народов Северного Кавказа. При этом подчеркивалось, что укрепление экономических и культурных связей между горцами Кавказа будет способствовать подъему народного хозяйства, преодолению замкнутости горских обществ, развитию науки, культуры, образования и здравоохранения, общему подъему материального и духовного уровня жизни кавказских народов.

Следует отметить, что сторонники горского единства не выступали с сепаратистских позиций, напротив, подчеркивали необходимость развития и укрепления тесных партнерских взаимоотношений с остальными регионами России на взаимовыгодной основе, отмечая, что только в составе единого государства народы Северного Кавказа смогут достичь высоких успехов в развитии производительных сил и улучшении своего благосостояния.

Еще в 1904 г. возникает Комитет горцев Северного Кавказа, который ставил своей целью развитие просвещения, образования и науки среди коренных народов Северного Кавказа и объединение кавказцев, проживающих за пределами своей родины [29, с.8]. Один из идеологов горского движения В.-Г. Джабагиев, публицист и мыслитель, работавший в Министерстве земледелия, в своих трудах разрабатывает идею автономии Северного Кавказа, однако подчеркивает, что самоуправление кавказских народов не должно «повредить принципу целостности и единства нашего великого Отечества. Кавказ не хочет окончательно разрываться с Россией, которая дала ему уже начатки культурного и промышленного прогресса, да он и не способен к отдельному политическому существованию. Тысячи причин заставляют да и заставят его и в будущем держаться за метрополию. Он хочет только освободиться от русского чиновничества, чуждого ему по духу, воспитанию, крови» [23].

Национальное движение горцев в 1917 году: от Союза объединенных горцев до Горской республики

Падение самодержавия, демократизация режима, пробуждение горцев Северного Кавказа к активной политической жизни подтолкнули кавказскую интеллигенцию к поиску путей

практического воплощения идей северокавказского единства. Вечером 5–6 марта во Владикавказе прошли совещания горской общественности, в ходе которых было объявлено о создании Временного Центрального комитета объединенных горцев – органа, который должен был сплотить всех горцев Кавказа и отстаивать их политические, экономические, национальные и культурные интересы.

Практически все члены ЦК были представителями интеллигенции (при этом половина – юристами), разделявшими либеральные представления и рассчитывавшими, что Февральская революция предоставит возможность провести демократические преобразования на Кавказе, модернизировать северокавказское общество.

Временный ЦК Союза Объединенных горцев повел работу по подготовке выборов на Общегорский съезд, который должен был высказаться по всем ключевым вопросам и выработать линию поведения горцев до выборов в Учредительное Собрание. 1 мая 1917 года I съезд горских народов Северного Кавказа открылся во Владикавказе. На съезд были избраны люди, придерживавшиеся разных политических убеждений, однако в тот момент все они выступали монолитно и сплоченно, утверждая примат национальных интересов над политическим разногласиями.

ОБЩЕКАВКАЗСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Открывая съезд, председатель Временного ЦК Б.Шаханов призвал все кавказские народы «свободно организоваться в союз для закрепления нашей свободы и устройства нашей жизни на разумных, широко демократических началах» [16, с.3–5].

Члены ЦК Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана.
1917 г.

7 мая съезд одобрил политическую платформу и программу Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана – общественно-политической организации, создаваемой для консолидации горского национального движения и представительства интересов коренных народов края перед Временным правительством. По вопросу о политическом будущем страны съезд высказался за установление через Учредительное Собрание демократической федеративной республики, понимаемой как «союз отдельных самоуправляющихся автономных областей с особыми законодательными палатами и выборными правительственно-административными органами, ответственными перед своими палатами, во главе с единой общероссийской палатой, выборным палатой президентом и ответственным перед палатой министерством». Планировалось, что все регионы Северного Кавказа объединятся в Кавказскую

А.-М.О.Чермоев,
председатель ЦК Союза
объединенных горцев,
первый премьер-министр
Горской республики

П.Т.Коцев,
председатель Совета
министров Горской
республики в 1919 г.

федерацию, которая станет отдельным субъектом Российской республики [15, с.65].

Однако уже в середине 1917 г. среди руководства Союза объединенных горцев началось размежевание по вопросу о будущем государственном устройстве Кавказа, что привело к формированию правого и умеренного крыльев в национальном движении. Умеренные (Н.Тарковский, Р.Капланов, З.Темирханов, А.-М.Чермоев, В.-Г.Джабагиев и др.) стояли на платформе I съезда: федеративная демократическая республика.

Хотя все они признавали роль ислама в качестве основной религии горцев, приоритет, по их мнению, должен был сохраняться у светской власти. В то же время постепенно вокруг Н.Гоцинского, избранного муфтием Северного Кавказа, и аварского шейха Узун-Хаджи Салтинского стала возникать группа сторонников построения на Кавказе исламского государства, живущего по законам шариата, – фактически, реанимация Кавказского Имамата, существовавшего в XIX столетии.

19–20 августа на II общегорском съезде в ауле Анди шариатисты предприняли попытку провозглашения Имамата во главе с Гоцинским, но не смогли заручиться поддержкой большинства делегатов [15, с.168]. III съезд горских народов Кавказа, проходивший во Владикавказе во второй половине сентября 1917 года, поддержал курс на создание свет-

ской демократической федеративной республики и автономию «федеративной единицы Кавказских гор». Для разработки проекта Конституции горцев Кавказа была создана особая комиссия.

Идеи о политическом объединении народов Северного Кавказа выдвигались не только представителями горских народов Кавказа, но и лидерами южнорусского казачества. 27–28 июля в Новочеркасске состоялась встреча представителей пяти казачьих войск: Донского, Кубанского, Терского, Уральского и Астраханского, на которой была вы-

ОБЩЕКАВКАЗСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

сказана мысль о необходимости «сплочения казачества на почве взаимной поддержки» и объединения его в Союз. Для разработки положения о союзе была создана особая комиссия [2].

4 сентября представители Донского, Кубанского и Терского казачьих войск встретились в Екатеринодаре. Делегаты подчеркнули, что казаки стремятся увидеть Россию демократической, федеративной республикой с развитым местным самоуправлением, и предложили для охраны завоеванных свобод и обеспечения безопасности создать союз, который являлся бы общественно-политической организацией, призванной защищать интересы казачества [3].

20–25 сентября в Екатеринодаре состоялась конференция представителей шести казачьих войск юго-востока России (Донского, Кубанского, Терского, Яицкого, Оренбургского и Астраханского), в которой также приняли участие делегаты Совета Союза казачьих войск, Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана и Кубанского областного горского исполнительного комитета. Делегаты приняли резолюцию «О федеративном строе Российской Демократической Республики и об образовании Союза Юго-Восточных федеративных областей», в которой говорилось о том, что наилучшим будущим для России является преобразование ее в демократическую республику, государственное устройство которой будет базироваться на «строгих принципах федеративной организации с полным сохранением единства государства». Юго-восточные области России предлагалось преобразовать в отдельную административно-территориальную единицу, которая в будущем должна была стать субъектом Федерации, а входящие в ее состав регионы, населенные казаками и горцами, – образовать Союз «для единения и защиты общих краевых интересов». Главными задачами этого Союза являлись обеспечение порядка и спокойствия на его территории, а также защита политических, земельных, культурно-экономических и национальных прав его участников [12, л.11–17а].

Терский атаман М.А.Караулов составил проект «Основных государственных законов Республики Юго-Восточной», предусматривавший объединение всех юго-восточных регионов страны в отдельную автономную республику в составе Российской Федерации, возглавляемую парламентом, который избирал бы президента и формировал правительство [28, л.98–99].

С целью разработки и принятия уставных документов нового политического образования 16 октября во Владикавказе в Атаманском дворце начала работу конференция представителей казачьих войск и гор-

ских народов юго-восточных областей России. 17 октября участники встречи приняли единогласное решение об образовании «Союза Юго-Восточных областей», а 21 октября утвердили «Союзный Договор Юго-Восточного Союза Казачьих войск, Горцев Кавказа и Вольных Народов Степей». Делегаты поддержали идею учреждения Российской Демократической Федеративной республики «с признанием Членов Союза отдельными ее штатами». Союз должен был гарантировать защиту политических, земельных, культурно-экономических и национальных прав его членов, а также обеспечить «всемерную поддержку других народов и областей», стремящихся к обустройству России на федеративных началах. Каждый член Союза должен был сохранить полную независимость в отношении своей внутренней жизни, ему было гарантировано право «самостоятельно вступать в договоры, не противоречащие членам Союза». Во главе Союза должно было встать Объединенное правительство, министры которого избирались местными исполнительными органами власти по норме представительства: по двое от Донского, Кубанского, Терского казачьих войск, четыре министра – от Союза объединенных горцев (при этом двое – от Дагестанской области и Закатальского округа) и по одному – от Астраханского казачьего войска и калмыцкого народа. Правительство могло вступать в сношения с другими региональными объединениями, а также образовывало представительство при Временном правительстве [7, л.28–28 об.].

Юго-Восточный Союз создавался с целью обеспечения стабильности на Северном Кавказе, однако, как показали события ближайшего будущего, не преуспел в этом начинании. В условиях острейшего политического кризиса, разразившегося в России после Октябрьского переворота, захвата власти в столице большевиками и фактического распада общероссийской государственности, приведших к обострению социальных и национальных противоречий в регионах, лидеры горского и казачьего движений предпринимали попытки создания дееспособной общекавказской государственности. Так, 6 ноября во Владикавказе состоялось чрезвычайное совместное заседание Войскового правительства Терского казачьего войска и ЦК Союза объединенных горцев, где было принято постановление по вопросу о государственной власти. В нем говорилось о том, что вся полнота местной государственной власти на «территории Союза горцев Кавказа» принадлежит «Съезду Делегатов и Центральному Комитету Горцев Кавказа», а также представителям «негорского населения без различия национальности, религии и классов на основе пропорционального представительства», а на территории

Терского казачьего войска – Войсковому кругу и войсковому правительству, куда вошли и представители неказачьего населения [15, с.245].

Между тем договор о создании Юго-Восточного Союза был одобрен всеми сторонами, подписавшими его. Последним это решение приняла Дагестанская область на II областном съезде 22 ноября. Еще 31 октября к Союзу присоединилось Уральское казачье войско. 16 ноября было сформировано Объединенное правительство Юго-Восточного союза, которое размещалось в Екатеринодаре. Его возглавил бывший депутат Государственной Думы, кадет В.А.Харламов. [8, л.46]. 28 ноября объединенное правительство опубликовало свою декларацию, в которой подчеркивалась приверженность идее построения Российской Федеративной Демократической Республики, в которой члены Юго-Восточного Союза должны были получить права отдельных штатов с развитым местным самоуправлением [6].

Однако эта декларация осталась лишь благим пожеланием. Объединенное правительство не получило никаких реальных полномочий. Раздираемые внутренними противоречиями регионы юго-востока России так и не сумели преодолеть местнические тенденции и объединиться. Юго-Восточный Союз существовал лишь на бумаге.

Это побудило терских казаков и руководителей Союза объединенных горцев возобновить консультации с целью создания дееспособной государственной власти, способной преодолеть острейший политический и межнациональный кризис на Северном Кавказе. 1 декабря на паритетных началах было образовано Временное Терско-Дагестанское правительство [22, л.1–2]. 3 декабря Союз объединенных горцев был явочным порядком провозглашен «автономным штатом Российской Федеративной республики», а Центральный комитет – временным правительством. Было заявлено, что «провозглашенная автономия распространяется на всю территорию Дагестанской области, на шесть горских округов и Караногайский участок Терской области, на территорию ногайцев и туркмен Ставропольской губернии», в отношении же будущей судьбы черкесов и карачаевцев было признано необходимым начать переговоры с казачьим правительством Кубанской области, во главе которого стоял атаман А.П.Филимонов [27].

5 декабря Временное Терско-Дагестанское правительство обратилось к жителям края с декларацией, в которой, заявив о принятии на себя всей полноты «общей и местной государственной власти», обозначило главные цели своего существования: «созыв в кратчайший срок

Краевого Учредительного Сейма», сохранение «полного беспристрастия по отношению ко всем без различия национальностям и вероисповеданиям», поддержание порядка в регионе, защита личной и имущественной безопасности граждан и их политических прав [5].

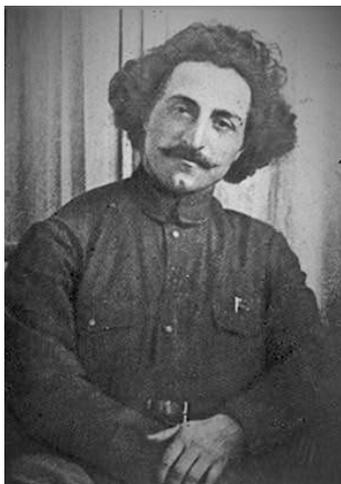
Однако и Терско-Дагестанское правительство оказалось бессильным водворить в регионе мир. Во-первых, оно практически не располагало вооруженными силами, т.к. уставшие от Первой мировой войны солдаты, казаки и горцы расходились по домам и не желали продолжать службу. Во-вторых, правительство так и не смогло консолидировать различные регионы Кавказа, на которые номинально распространялся его суверенитет и урегулировать переплетавшиеся друг с другом аграрный и национальный вопросы. На местах власть Терско-Дагестанского правительства признавалась фактически номинально. Регион все глубже погружался в пучину гражданской войны.

К началу 1918 года Терско-Дагестанское правительство полностью утратило контроль за ситуацией в крае. Ожесточенные межнациональные столкновения вспыхивали на улицах столицы – Владикавказа. Каждый отдел (административно-территориальная единица в казачьих районах Терской области. – *С.О.*), округ, участок, город жил собственной жизнью, действовал на свой страх и риск, стремясь создать вооруженные отряды для защиты своей территории от посягательства со стороны соседей. Ожесточенная гражданская война вспыхнула и на Кубани.

Советская государственность на Северном Кавказе в 1918 году: становление, развитие, крах

Весной 1918 года к власти на Северном Кавказе сумели прийти большевики и их сторонники, предложившие свой вариант национально-государственного строительства в регионе. Идея о необходимости объединения всех советских территорий на Северном Кавказе впервые была высказана еще в конце мая 1918 г. на III Чрезвычайном областном съезде Советов Кубани. В качестве главных причин объединения назывались необходимость координации усилий для успешного противостояния внешней и внутренней контрреволюции, упрочение советской власти на местах, унификация всей системы управления и самоуправления на Северном Кавказе. Выдвигались предложения создать Южно-Русскую Советскую республику, включавшую бы в свой состав территорию от Дона до Главного Кавказского хребта и от Черного моря до Каспийского.

К практической реализации этого замысла приступили вскоре после назначения Г.К.Орджоникидзе чрезвычайным комиссаром юга России. 2 июля 1918 года под председательством Орджоникидзе во Владикавказе состоялся I съезд большевистских организаций Кубано-Черноморской, Терской и Ставропольской Советских республик, на котором было признано целесообразным для организации обороны создать единую республику на Северном Кавказе. 5 июля в Екатеринодаре под руководством Орджоникидзе начал свою работу I съезд Советов Северного Кавказа. В нем принимало участие 365 делегатов, представлявших Кубано-

Г.К. (Серго) Орджоникидзе

Черноморье, Ставрополье и Северокавказскую Красную армию. Представители Терека не смогли попасть на съезд, однако Владикавказ подтвердил свое согласие войти в состав единой республики. Съезд принял решение объединить Кубано-Черноморскую, Терскую и Ставропольскую республику в «единую Северо-Кавказскую Республику – часть великой Российской Советской Социалистической Федеративной Республики». Высшим органом власти вновь созданной республики являлся съезд Советов и избираемый им Центральный исполнительный комитет, в котором должны были быть представлены все отделы, округа и уезды Северного Кавказа, «пропорционально численности населения республики». В перерывах между сессиями ЦИК его функции осуществлял выборный Президиум. Исполнительная власть вручалась Совету Народных Комиссаров, состоявшему из 14 коллегий [14]. Северо-Кавказская Советская республика представляла собой автономную республику в составе РСФСР, образованную не по национальному, а по территориальному принципу, возглавляемую коалиционным большевистско-левоэсеровским руководством, имевшим очень широкие полномочия в организации местного управления и самоуправления, в том числе и право создавать собственные вооруженные силы.

Однако республиканское руководство не смогло создать эффективную вертикаль власти, преодолеть тенденции к регионализации и «самостийности», проявляемые многими местными Советами. Большинст-

во руководящих постов заняли выходцы из иногородней интеллигенции, члены партий большевиков и левых эсеров, как правило, являвшиеся профессиональными революционерами и в силу этого не игравшие большой роли в общественной жизни края до революции. Ни казаки, ни горцы, ни даже значительная часть иногороднего крестьянства не считали их выразителями своих нужд, не признавали их своими представителями, видели в них партийцев, погрязших во внутренних склоках. Наконец, республиканские лидеры не смогли взять под контроль разрозненные «революционные» отряды, формально сведенные в Северокавказскую Красную армию. В них по-прежнему отсутствовала дисциплина, царил неорганизованность, процветали грабежи и дезертирство.

Погрязшая во внутренних распрях и склоках, сотрясаемая мятежами и восстаниями, республика не смогла отразить предпринятый против нее поход белогвардейских вооруженных формирований под командованием генерала А.И.Деникина. К концу 1918 года белые захватили большую часть территории Северо-Кавказской Советской республики. В связи с этим само существование республики как де-юре отдельной административно-территориальной единицы утратило смысл. В декабре 1918 г. в Президиум ВЦИК поступила докладная записка «О реконструкции органов власти на Северном Кавказе», составленная С.М.Кировым и О.М.Лещинским, которая рекомендовала упразднить Северо-Кавказскую Советскую республику. Это предложение было принято, и вскоре республиканский ЦИК прекратил свое существование. На смену ему должен был прийти краевой исполнительный комитет Советов Северного Кавказа, избираемый на съезде Советов, однако, ввиду наступления белогвардейцев, провести его так и не успели [24, с.101].

**Между «красным молотом»
и «белой наковальной»:
северокавказские регионалисты
в период гражданской войны**

На протяжении гражданской войны идеи создания объединенной государственности на Северном Кавказе выдвигались и региональными силами, противостоявшими большевикам. 6 июня 1918 года донской и кубанский атаманы П.Н.Краснов и А.П.Филимонов подписали соглашение «о взаимосотрудничестве и взаимопомощи с целью заключения в дальнейшем союзного договора» [4]. 4 июля в Новочеркасске состоялось собрание представителей казачьих территорий юга России, на котором был выработан проект обра-

ОБЩЕКАВКАЗСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

зования нового Доно-Кавказского Союза. Планировалось, что в этот союз на началах федерации войдут самостоятельно управляющиеся государственные образования: Всевеликое Войско Донское, Кубанское, Терское и Астраханское казачьи войска и Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана. Каждому члену союза гарантировалась полная автономия во внутренних делах, право разработки и принятия законов, регулирующих местную жизнь. Во главе Союза планировалось поставить Верховный Совет, состоящий из атаманов казачьих войск и председателя Союза объединенных горцев, которые избирали председателя Совета. Не реже одного раза в год созывался Сейм представителей, который вырабатывал общегосударственные законы, утверждаемые Верховным Советом. Создавались общая армия и флот, командование которыми осуществлял главнокомандующий, утверждаемый Верховным Советом. Верховный Совет назначал также союзных министров: иностранных дел, военно-морского, финансов, торговли и промышленности, путей сообщения, почт и телеграфов, а также государственного контролера и государственного секретаря.

Временной резиденцией Верховного Совета становился Новочеркасск. На территории Союза действовали единая монетная система, тарифы, кредитные билеты и марки. В дальнейшем в состав Доно-Кавказского Союза планировалось включить Ставропольскую и Черноморскую губернию, Сухумский и Закатальский округа, а также юг Воронежской и часть Саратовской губерний с городами Камышин и Царицын [17, с.29].

Договор этот, однако, не был подписан и ратифицирован. Тем не менее идея объединения продолжала жить. 18–24 ноября Чрезвычайная Кубанская Краевая Рада высказалась за «образование Южно-Русского Союза на федеративных началах». Рада одобрила «Временные Основные Положения об управлении Южно-Русским Союзом», предполагавшие единство действий всех южнорусских правительств. В планируемую федерацию должны были войти Донская, Кубанская и Терская области, Ставропольская и Черноморская губернии, Дагестан, Крым, Грузия, Армения и Азербайджан. Все члены предполагаемого союза пользовались полной внутренней автономией и должны были оказывать друг другу помощь против внешних и внутренних врагов. Носителем верховной власти должен был стать Союзный Совет, образованный из представителей каждого государственного объединения – члена Союза, избираемый на один год. В ведении Союзного Совета находились внешняя политика, вопросы войны и мира, военно-морское законода-

тельство, финансы, денежная система, право взимания союзных налогов, управление стратегически важным транспортом и связью, торговлей и промышленностью, таможня и внешняя торговля, уголовное и гражданское законодательство, право помилования, предоставления гражданства и убежища иностранным подданным. Союзный Совет избирал председателя Союзного правительства и утверждал список министров. Высшая судебная власть принадлежала Сенату, важнейшие решения и приговоры утверждались Союзным Советом [9, л.10].

Командование Добровольческой армии неодобрительно восприняло этот проект, отметив, что оно готово предоставить автономию казачьим областям, но вопросы о федерации могут быть решены только Всероссийским Учредительным Собранием, созданным после победы, а до тех пор верховной властью на Юге России обладал Верховный Главнокомандующий Добровольческой армией.

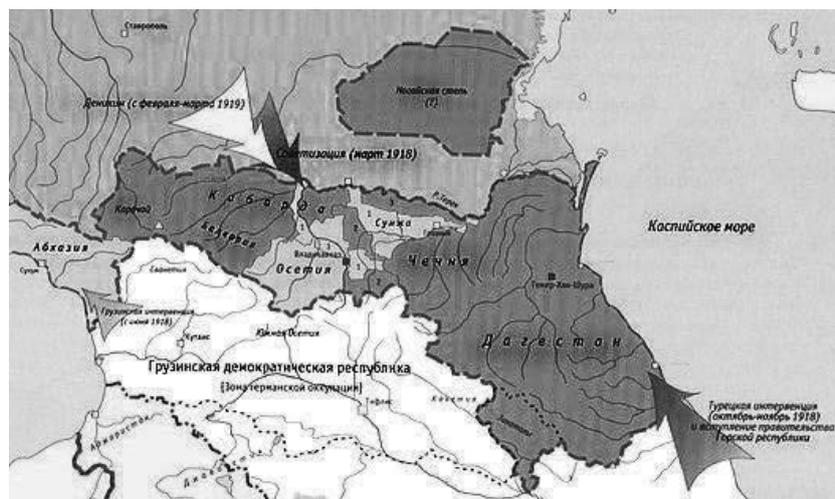
21 февраля 1919 года Кубанская Законодательная Рада приняла решение провести в Екатеринодаре конференцию представителей Дона, Кубани, Терека, Дагестана, Крыма, Армении и Азербайджана для заключения союза на федеративных началах. Это решение вызвало беспокойство генерала Деникина, который не признавал независимость закавказских республик, Горской республики и Крымское правительство. Ему удалось не допустить созыва этой конференции, намеченной на март, однако в апреле председатель Донского Круга В.А.Харламов сумел заручиться согласием терцев и части кубанской политической элиты начать переговоры о возрождении Юго-Восточного Союза, при этом кубанцы предложили не только воссоздать Юго-Восточный Союз в его прежнем составе (Донское, Кубанское, Астраханское, Терское и Уральское казачьи войска, Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана, калмыки, ногайцы и туркмены), но и подписать союзные договоры с Грузинской Демократической Республикой и Украинской Народной Республикой [18].

6 июня Кубанская Законодательная Рада постановила «заключить федеративный союз между южными государственными объединениями», под которыми понимались не только три казачьи области, но и Дагестан, Грузия, Армения, Азербайджан, Осетия, Кабарда, Ингушетия и Чечня. Конференцию было решено провести в Екатеринодаре не позднее 20 июля. Однако Донское и Терское войсковые правительства решили сначала созвать совещание представителей только казачьих войск. Южнорусская конференция начала свою работу в Ростове-на-Дону 12 июня [10, л.16]. 15 июня на рассмотрение делегатов был пред-

ОБЩЕКАВКАЗСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

ставлен проект Союзного акта, предполагавший заключение политического и экономического союза между Доном, Кубанью и Терекком. Тем не менее согласовать окончательный вариант текста договора так и не удалось. Конференция фактически завершилась безрезультатно.

Еще один проект политического объединения отдельных регионов Северного Кавказа в единое целое выдвинули лидеры горского национального движения, вынужденные в начале 1918 года под давлением большевиков перебраться в Грузию. 11 мая в Батуми они приняли декларацию, в которой от имени Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана говорилось, что Союз принял решение на основе Декларации прав народов России отделиться от нее и образовать независимое государство – Республику горских народов Северного Кавказа и Дагестана [26, с.121]. Были определены границы Горской республики. На Севере она проходила по линии Геленджик–Ставрополь–Святой Крест–река Кума, а на Юге – по реке Ингури и Главному Кавказскому хребту [26, с.122–123].

Прокламируемая территория Горской республики в 1918 г. (темно-серый)
и события Гражданской войны на Северном Кавказе

13 мая Горское правительство направило ноту Совету Народных Комиссаров, в которой известило его о том, что Союз объединенных горцев Кавказа принял решение отделиться от России и образовать

независимое государство, простирающееся от Черного моря до Каспийского [26, с.123].

Однако проект Горской республики существовал на протяжении долгого времени лишь на бумаге, т.к. лидеры новоявленного северокавказского государства не располагали практически никаким влиянием и поддержкой в самом северокавказском обществе, поэтому не могли воплотить свою идею в жизнь. В начале ноября 1918 года при помощи турецких интервентов им удалось поставить под контроль территорию Дагестанской области. Своей конечной целью Горское правительство провозгласило построение демократической республики Союза горцев Северного Кавказа. 10 декабря в Баку был заключен союзный договор с Временным военным правительством терских казаков о вхождении казаков и крестьян Терского края в состав Горской республики на правах отдельного субъекта федерации и формировании коалиционного правительства, в состав которого обязательно должны были быть включены представители терского казачества и иногороднего населения [1, с.278].

Горское правительство контролировало территорию Дагестана на протяжении полугода, однако так и не смогло заручиться скольконнибудь существенной поддержкой населения. В конце мая 1919 года Горская республика развалилась практически без сопротивления под натиском Добровольческой армии. Вновь оказавшиеся в эмиграции лидеры горской национал-демократии анонсировали в Тбилиси 3 сентября создание Союзного Меджлиса горских народов Кавказа, который поставил своей целью объединение всех горских народов Кавказа «под единым знаменем воссоздания Горской республики». После победы обещалось созвать Великий Союзный Меджлис горских народов, который должен был принять Конституцию Горской республики и создать органы власти в центре и на местах [26, с.321–322]. Однако Меджлис остался чисто эмигрантской организацией и не смог встать во главе антиденикинского сопротивления.

Между тем лидеры терского казачества не оставляли попыток прийти к соглашению с горцами относительно создания единого органа государственной власти в регионе. 15–21 октября во Владикавказе состоялось расширенное совещание, в котором приняли участие представители администрации главноначальствующего Терско-Дагестанским краем генерала И.Г.Эрдели, Терского казачьего войска и Осетии. Стороны решили создать Терский край как отдельную административную единицу, состоящую из Области Войска Терского, Кабарды и Осетии и

ОБЩЕКАВКАЗСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

«на равных правах образовать местные законодательные учреждения и органы управления и самоуправления». [13, л.1–12]. Однако реализовать этот проект вновь не удалось.

«В стране мусульманской республики быть не может...»: теократическая монархия на Северном Кавказе

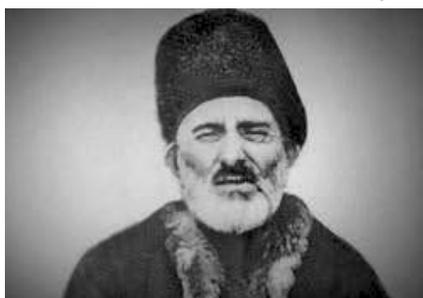
Свой проект создания общекавказского теократического государства, живущего по законам шариата, в ходе гражданской войны пытались реализовать исламисты. Еще в январе 1918 года Н.Гоцинский попытался провозгласить в Дагестане Имамат, но не встретил широкой поддержки. В конце концов Гоцинский признал сначала власть Горского правительства, а в 1919 году поддержал Деникина. Лидером радикального крыла исламистов стал шейх Узун-Хаджи, который обосновался в горах юго-восточной Чечни. В сентябре 1919 года в ауле Ведено он провозгласил создание Северо-Кавказского Эмирата – теократического мусульманского государства под протекторатом Османской империи. Верховным главой кавказских мусульман был объявлен турецкий султан-халиф и его наместник – эмир Северного Кавказа Узун-Хайри-Хаджи-Хан.

Эмир был одновременно светским и духовным главой мусульман и соединял в своих руках всю полноту законодательной, исполнительной, судебной и военной власти. Эмир назначал великого визиря, который формировал правительство – Совет Министров. Законодательную власть, наряду с эмиром, должен был осуществлять парламент – Меджлис депутатов, при этом право быть избранными получили все кавказские мусульмане мужского пола, независимо от национальности. Судебная власть была передана мусульманскому духовенству, вводи-

Свой проект создания общекавказского теократического государства, живущего по законам шариата, в ходе гражданской войны пытались реализовать исламисты. Еще в январе 1918

Нажмутдин Гоцинский,
имам Чечни и Дагестана

Узун-Хаджи Салтинский,
эмир Северного Кавказа

лось шариатское судопроизводство [20, л.17–18].

Однако создать дееспособную государственность и заручиться поддержкой подавляющей части горцев исламистам не удалось. Территория, контролируемая ими, ограничивалась некоторыми горными районами Дагестана и Чечни. После смерти Узун-Хаджи в марте 1920 года Эмират развалился. Осенью 1920 года исламисты под руководством Гоцинского предприняли еще одну попытку создания Имамата, объявив имамом внука Шамиля Саид-бея, офицера французской армии, прибывшего в Дагестан. Но уже весной 1921 года Имамат был окончательно разгромлен Красной армией.

Становление советской модели государственности на Северном Кавказе в 1920–1921 гг.

Одержавшие в начале 1920 года победу на Северном Кавказе большевики также вынуждены были решать вопросы национально-государственного строительства в

регионе. 31 марта РВС Кавказского фронта создал Северо-Кавказский революционный комитет, разместившийся в Пятигорске, который был провозглашен носителем верховной власти в регионе. 8 апреля по решению ЦК РКП (б) организуется Кавказское бюро ЦК РКП (б) – высший партийный орган на территории юго-востока России и Закавказья. Возглавил их Г.К.Орджоникидзе [21, л.14]. 15 апреля РВС Кавказской армии труда был провозглашен высшим краевым органом Советской власти на Северном Кавказе [11, л.66].

22 июня Совнарком приказал распустить Северо-Кавказский ревком, а «общее руководство советским строительством и экономической стороной возложить на Трудовую Армию Северного Кавказа» в лице ее Реввоенсовета, включив в сферу его деятельности также Дагестанскую область [19, л.20]. 17 августа Совет труда и обороны официально передал всю полноту власти на Северном Кавказе Реввоенсовету Кавказской трудовой армии Юго-Востока России (председатель – А.М.Стопани).

Результатом проведенных преобразований стало объединение Кубанской области и Черноморской губернии в Кубано-Черноморскую область, преобразование в январе 1921 года Дагестанской области в Дагестанскую АССР и создание в это же время Горской АССР (ГАСССР), включавшей территорию проживания чеченского, осетинского, ингушского, кабардинского, балкарского и карачаевского народов, а также казаков и иногородних [25]. Одновременно с целью национально-территориального размежевания казачьего и горского населения было

ОБЩЕКАВКАЗСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

принято решение создать отдельную Терскую губернию со столицей в городе Георгиевске, включив в ее состав Кизлярский, Пятигорский и Моздокский отделы бывшей Терской области, Свято-Крестовский уезд Ставропольской губернии и территорию Караногайской степи. Однако уже весной 1921 года началось национально-территориальное размежевание в ГАССР, завершившееся ее упразднением в 1924 году и созданием на ее территориях ряда национальных государственных образований.

Территория Горской АССР в 1921 году

Современные республики Северного Кавказа в границах 1921 г.

Таким образом, попытки создания общекавказского государства в период революции 1917 года и гражданской войны не увенчались успехом. Ни одна из предложенных моделей (теократическая исламская монархия; парламентская федеративная республика; горско-казачье союзное образование) не была воплощена в жизнь. Большевики, одержав победу в гражданской войне, также не возвращались к идее создания единой Северо-Кавказской Республики. Главной причиной подоб-

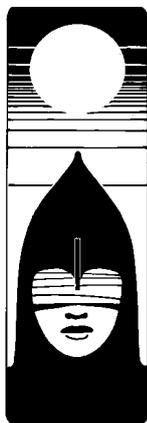
ной неудачи явилась неспособность региональных политических элит (горских и казачьих) выстроить конструктивные отношения друг с другом: предложить компромиссные варианты решения социально-экономических и политических проблем, возникших перед северокавказским обществом; выработать приемлемую модель национально-государственного устройства региона, учитывающую интересы многонационального и поликонфессионального населения края. Попытки достичь соглашения с центральной российской властью (как «белой», так и «красной») также провалились. Тем не менее одним из важных итогов Российской революции стало появление и возрождение национальной государственности многих народов Северного Кавказа.

Библиографический список

1. Борьба за победу и упрочение Советской власти в Дагестане. Под ред. Г.А.Аликберова. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1960. 624 с.
2. Вольная Кубань. 1917. 29 июля.
3. Вольная Кубань. 1917. 6 сентября.
4. Вольная Кубань. 1919. 5 сентября.
5. Вперед. 1917. 5 декабря.
6. Горская жизнь. 1917. 28 ноября.
7. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф.Р-6 (Канцелярия Совета Кубанского краевого правительства). Оп.1. Д.48.
8. ГАКК. Ф.Р-6. Оп.2. Д.3.
9. ГАКК. Ф.Р-6. Оп.21. Д.93.
10. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.446 (Политическая канцелярия Особого совещания при главнокомандующем ВСЮР. 1918–1919). Оп.2. Д.13.
11. ГАРФ. Ф.1235 (Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов). Оп.95. Д.263.
12. ГАРФ. Ф.1799 (Временный Совет Российской Республики. Предпарламент. 1917). Оп.1. Д.15.
13. ГАРФ. Ф.5881 (Коллекция отдельных мемуаров и документов эмигрантов. 1918–1939). Оп.2. Д.248.
14. Известия Пятигорского Совета. 1918. 17 июля.
15. Музаев Т.М. Союз горцев: русская революция и народы Северного Кавказа, 1917 – март 1918 г. М: «Патрия», 2007. 518, (1) с.
16. Первый горский съезд 1 мая 1917 г. Стенографический отчет. Составитель Б.К.Далгат. Владикавказ, 1917.
17. Покровский Г. Деникинщина. Год политики и экономики на Кубани (1918–1919 гг.). – Харьков: «Пролетарий», 1926. – 236 с.
18. Приазовский край. 1919. 28 марта.
19. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф.64 (Кавказское бюро ЦК РКП (б)). Оп.1. Д.5.
20. РГАСПИ. Ф.80 (С.М. Киров). Оп.4. Д.9.

ОБЩЕКАВКАЗСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

21. РГАСПИ. Ф.85 (Г.К. Орджоникидзе). Оп.10. Д.13.
22. РГАСПИ. Ф.354 (Организация «Кермен» (1917–1918)). Оп.1. Д.24.
23. Санкт-Петербургские ведомости. 1905. 1 октября. №236.
24. Сенцов А.А. Рождение Кубано-Черноморской республики (1917 – 1918 гг.). Краснодар: Книжное издательство, 1984. – 175 с.
25. Собрание узаконений РСФСР. 1921. №6. Ст.41.
26. Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918 гг.), Горская республика (1918–1920 гг.): Документы и материалы. – Махачкала: Ин-т истории, археологии и этнографии, 1994. – 438, [2] с.
27. Терский вестник. 1917. 10 декабря.
28. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания (ЦГА РСО-А). Ф.225 (Караулов Михаил Александрович). Оп.1. Д.4.
29. Яндиева М.Д., Мальсагов А.А. Общекавказская государственность: вчера, сегодня, завтра. Назрань – Москва: Ингушский «Мемориал», 2003. – 35 с.

Елена Жбанкова

**ДЛЯ ЧЕГО И КАКАЯ
ФИЗИЧЕСКАЯ
КУЛЬТУРА НУЖНА
ПРОЛЕТАРИАТУ СССР?**

НАЦИОНАЛЬНАЯ ДОКТРИНА

УДК
37.035.7

Весной 1918 года в советской России началась всеобщая военная подготовка граждан, одной из основных задач которой являлась организация физического обучения рабочего класса и крестьянства. Для решения этой задачи была создана стройная теория «советской системы» физической культуры и образованы органы руководства и контроля за развитием физкультуры и спорта в государстве диктатуры пролетариата.

The spring of 1918 in the Soviet Russia saw a universal military preparation of citizens, one of the main aims of which was the organization of physical education of workers and peasants. In order to achieve this aim, the theory of the Soviet system of physical education was elaborated and new administrative and controlling bodies were established to control the development of physical education and sport in the state of the dictatorship of the proletariat.

Ключевые слова: физическая культура пролетариата, военная подготовка, органы управления, воспитание, движение, гимнастика.

Key words: physical education of the proletariat, military preparation, administrative bodies, education, movement, gymnastics.

E-mail: evzbankova@mail.ru

Пролетарский спорт должен быть не индивидуальным, а коллективным. В области спорта необходима борьба с вредным односторонним влиянием профессионализма, специализма и рекордизма типично буржуазного спорта через введение групповых (массовых) состязаний вместо индивидуальных.

(Из материалов дискуссии о физкультуре 1923 года)

С установлением в нашей стране советской власти и с началом формирования государственной политики во всех областях общественной жизни проблема физической культуры в целом не могла остаться в стороне от внимания государственных структур. Важнейшим вопросом было отношение к системе физического образования дореволюционной России и то, как им нужно было распорядиться в новых исторических условиях. Четко сложившейся системы физического воспитания в дореволюционной России не было. Очень неплохо дело обстояло с физической подготовкой в военном ведомстве, как в учебных заведениях, так и в войсках. В других сферах этот вопрос находился в стадии разработки и становления. Безусловно, именно опытом военных в деле устройства физической культуры и нужно было воспользоваться в первую очередь. Особенно важно это было во время ведения боевых действий начавшейся гражданской войны. Широко известен термин Всевобуч (Всеобщее военное обучение трудящихся), введенный декретом «О допризывной подготовке» 22 апреля 1918 г. По этому декрету граждане советской России обя-

Политический плакат Всевобуча

ДЛЯ ЧЕГО И КАКАЯ ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА НУЖНА ПРОЛЕТАРИАТУ СССР?

зывались приобретать навыки, которые могли бы пригодиться в военном деле. В число этих навыков входило обязательное физкультурное обучение. С течением времени дата появления Всевобуча стала считаться датой начала физической подготовки граждан РСФСР. Отметим, что подобный документ, в обязательном порядке вводивший физическую подготовку граждан в государственном масштабе, в истории России появился впервые.

25 мая 1918 года на московской Красной площади состоялся самый первый парад отрядов Всевобуча. Через год в апреле 1919 г. в Москве был созван съезд по физической культуре, спорту и допризывной подготовке [7, с.10]. С этого времени установилась традиция ежегодно во второй половине мая по всей территории Республики праздновать годовщину образования Всевобуча, как «революционного органа, созданного в 1918 г. борющимся пролетариатом для организации своей победы над контрреволюцией» [9, с.2].

Парад Всевобуча в Москве. 25 мая 1919 г.

Идея создать Всевобуч впервые была озвучена на VII съезде РКП(б) и IV Чрезвычайном съезде Советов в марте 1918 года, а юридически это решение было закреплено уже в декрете ВЦИК. В соответствии с декретом каждый мужчина старше 18 и младше 40 лет обязан был пройти курс обязательной военной подготовки без отрыва от производства. Подростки (16–17 лет) и женщины могли также пройти этот курс на

добровольных началах, их обучением занимались военнослужащие и лица, ранее прошедшие службу в армии.

Прохождение обучения делало курсантов военнообязанными. Руководство системой Всевобуча осуществлялось ЦОВВО (Центральным отделом всеобщего военного обучения). Подразделения Всевобуча были созданы при губернских, окружных, уездных, городских и районных военных комиссариатах. Каждое подразделение насчитывало в своем штате около трех–пяти инструкторов.

К концу 1918 г. в РСФСР функционировали около пяти тысяч сельских и фабрично-заводских, более 450 уездных, более 35 губернских и семи окружных отделов Всевобуча, с числом сотрудников-инструкторов более 50 тысяч человек. В Москве и Петрограде обязательная военная подготовка проходила в специально созданных территориальных военных частях Всевобуча.

В подразделениях Всевобуча проводились каждодневные двухчасовые учебные занятия на протяжении восьми недель. За годы гражданской войны в системе были созданы 35 лыжных рот, один конный полк, три стрелковые дивизии, более полусотни кадров стрелковых полков и двух кадров стрелковых дивизий и одна стрелковая бригада, а также некоторое количество отдельных отрядов.

Политический плакат Всевобуча

ДЛЯ ЧЕГО И КАКАЯ ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА НУЖНА ПРОЛЕТАРИАТУ СССР?

В целом за эти годы обучение прошло около пяти миллионов граждан. Более половины РККА на 1919–1920 гг. составляли солдаты, обученные во Всевобуче.

Всевобуч существенно повлиял на качественную и количественную составляющие вооруженных сил, а также развитие спортивного движения и физкультуры в стране.

В 1923 г. повсеместное военное обучение было прекращено.

С этого же, 1923 года, годовщина Всевобуча и в то же время годовщина физической культуры рабочих и крестьян стала отмечаться общереспубликанским военно-спортивным праздником молодежи, проходившим осенью, а позднее – Спартакиадой.

Основателями и руководителями Всевобуча поочередно были П.Марьясин, Н.Подвойский и К.Мехоношин.

Органы управления и контроля физического развития советских граждан Вопрос о специальных органах, которые руководили бы делом развития физической культуры в стране, был поднят Н.И.Подвойским на съезде педагогов еще 18 августа 1918 года.

В августе 1920 г. при Главном управлении Всевобуча в структуре наркомата по военным делам был учрежден Высший Совет физической культуры (ВСФК) – междуведомственная комиссия в составе представителей Всевобуча, комиссариата просвещения (НКП), комиссариата здравоохранения (НКЗ), профсоюзов, РКСМ (Российский коммунистический союз молодежи) и спортивно-гимнастического общества. Помимо ВСФК были созданы губернские и уездные СФК, в задачи которых входило определение программы, методов и форм работы в области физкультуры, а также обязанность согласовывать, направлять и контролировать работу различных ведомств в этой области. Декретом ВЦИК от 27 июня 1923 года ВСФК стал называться Высшим Советом физической культуры при ВЦИК на правах постоянной комиссии.

Основным вопросом из тех, которыми ВСФК должен был заниматься, был вопрос физического оздоровления пролетариата. На заседаниях Президиума ВСФК, председателем которого был Н.Семашко, нарком здравоохранения, в 1921 г. было принято решение: работа должна пойти в двух основных направлениях – оздоровление уже взрослых людей и обучение физической культуре молодежи. Заговорили даже о создании Всероссийской Академии физического образования пролетариата, которая должна была контролировать деятельность институтов физкультуры.

туры, Единой трудовой школы, гражданских ведомств и учебных заведений по подготовке педагогов и врачей.

Политический плакат ВСФК

В ведение ВСФК передавался контроль за деятельностью трех уже существовавших тогда вузов страны по физкультуре, которые в тот момент подчинялись НКЗ. Это были Государственный институт физкультуры в Москве, Институт физкультуры им. П.Ф.Лесгафта в Петрограде и Институт физкультуры в Томске [1, д.6, л.42].

Территориально ВСФК располагался в здании Института физкультуры в Москве [1, д.6, л.3].

ВСФК контролировал издание журналов «Известия спорта» и «Физическая культура». Моссовет имел общий печатный орган с ВСФК – «Вестник физкультуры» [1, д.6, л.28].

В 1923 г. в структуре ВСФК был создан Организационно-технический комитет, который через некоторое время был переиме-

ДЛЯ ЧЕГО И КАКАЯ ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА НУЖНА ПРОЛЕТАРИАТУ СССР?

нован в Научно-технический комитет. Председателем его был Н.Семашко, а заместителям председателя – А.Зискинд.

НТК состоял из следующих основных комиссий:

- *научно-исследовательской,*
- *врачебно-контрольной,*
- *программно-методической.*

При программно-методической комиссии был организован ряд секторов: школьный, дошкольный, клубный, деревенский, домов отдыха, санаториев и курортов, Красной Армии и Флота. Состав комиссий и секторов с течением времени менялся.

НТК был назван консультативным, контролирующим и вспомогательным органом ВСФК по научно-методическим, техническим и организационным вопросам в области физкультуры [3, д.16, л.4].

По положению Научно-технический комитет был создан для организационно-технической деятельности в области гимнастики, спорта и игр в масштабе СССР с выполнением при этом основной линии, намеченной ВСФК, под непосредственным руководством и контролем его Президиума. В круг непосредственных задач НТК входило:

- *разработка совместно с Научно-учебным Комитетом ВСФК и проведение единых для СССР руководящих правил и принципов организации спортивно-гимнастической деятельности;*
- *организация по заданиям или с разрешения ВСФК междугородних, все-союзных и международных спортивно-гимнастических праздников, соревнований, выступлений;*
- *содействие организации спортивно-гимнастической деятельности отдельных учреждений и организаций, входящих в ВСФК (например, НКЗ, НКП, ВЦСПС и др.);*
- *разрешение в качестве высшей инстанции споров и конфликтов в области спортивной практики, могущих возникнуть на соревнованиях;*
- *учет и регистрация достижений в различных видах физических упражнений и учет выдающихся спортивно-гимнастических сил СССР как для подготовки опытом проверенных данных для научной обработки, так и в связи с вопросами участия СССР в международных соревнованиях и праздниках;*
- *наблюдение за организацией и проведением областных и губернских праздников спортивно-гимнастического характера;*
- *организация по заданиям ВСФК всесоюзных совещаний и конференций по организационно-техническим вопросам гимнастики, спорта и игр [5, д.17, л.4].*

**«Советская система»
физкультуры и спорта**

Сориентировавшись в органах руководства развитием физкультуры в СССР, необходимо теперь понять, на какой теоретической платформе базировалась физическая культура в

нашей стране в 1920-е годы.

Деятельность по организации физического воспитания в советской России, а затем и в СССР основывалась на четких, идеологически выверенных высказываниях. В отличие от дореволюционной ситуации, когда делом физического воспитания занимались исключительно энтузиасты-подвижники, а из ведомств всерьез обращались к этому вопросу только военные структуры, организация физического воспитания в СССР была поставлена в рамки общегосударственные. Писались и издавались теоретические работы, проводились конференции и семинары, регулярно устраивались дискуссии в прессе.

При создании теории физической культуры в советском государстве были использованы высказывания Николая Ильича Подвойского – первого наркома по военным и морским делам, члена Реввоенсовета республики, члена ЦКК (Центральная контрольная комиссия) ВКП(б). К примеру, в феврале 1928 г. он говорил о том, что катастрофическое ослабление рабочего класса России в физическом отношении является результатом условий работы и жизни его при царизме, всех тяжчайших бедствий и лишений, перенесенных им во время империалистической и гражданской войн. К тому же необходимость большого творческого напряжения во время строительства социализма пробуждала в широких массах пролетариата инстинкт к физическому оздоровлению и развитию, выражавшийся в тяге активной верхушки этих масс к физкультуре. В результате этой тяги самим пролетариатом создавались кружки физкультуры в рабочих клубах, на фабриках, заводах, рабфаках, школах ФЗУ, в частях Красной Армии [6, д.34, л.1].

По его мнению, физкультура пролетариата должна была строиться в духе его оздоровления, воспитания и разви-

Н.И.Подвойский

ДЛЯ ЧЕГО И КАКАЯ ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА НУЖНА ПРОЛЕТАРИАТУ СССР?

тия. Подвойский настаивал на том, что связь физкультуры с интересами военной подготовки условна и вызвана лишь необходимостью военного времени. Он отмечал, что деятельностью пролетариата в области физкультуры не должны руководить государственные органы, физкультура должна быть делом самих трудящихся. Профсоюзы, РКСМ и специально созданные общественные структуры должны заботиться только о том, чтобы кружки физкультуры создавались по месту трудовой деятельности людей и по их профессиям.

Правильная физкультура должна была идти параллельно подъему уровня общей культуры, опираясь на научные данные социальной гигиены (гигиены в отношении целого народа), биологии, физиологии, психологии, педагогики и на научные основы профессионального труда. Целесообразным считалось применение таких средств физкультуры, как игры, гимнастика, спорт, экскурсии, трудовые процессы в сочетании с рациональным использованием естественных средств здоровья и физического развития: воздуха, воды, солнечного света, движения, отдыха, сна и питания. Позитивное воздействие физкультуры, по мысли Подвойского, можно было свести, примерно, к следующему. Физкультура способствовала поиску и достижению:

- *наилучших способов труда, питания, отдыха и развлечений;*
- *полного мышечного развития, дающего способность производить мускульные усилия большой интенсивности в короткое время;*
- *способности исполнять без усталости максимальное количество работы, способности бороться против болезней, способности сопротивляться холоду и перемене погоды;*
- *ловкости;*
- *развития твердого характера, силы воли, активности, настойчивости, упорства, решительности, хладнокровия, отваги и многих других психофизиологических качеств [6, д.34, л.5].*

Все это в сочетании способствовало формированию гармонически развитого человека с ярко выраженными профессионально-трудовыми качествами.

Главная задача, лежавшая в основе теории физической культуры пролетариата, заключалась в том, что с учетом малокультурности, тяжелой наследственности, зачатками вырождения, наблюдающихся у рабочего класса, необходимо было при переходе к практическому воплощению в жизнь данной теории отдавать предпочтение общедоступным, возбуждавшим симпатии масс и легко ими воспринимаемым средствам физического оздоровления и развития.

Легче всего давались трудящимся массам упражнения, имевшие эмоциональный характер, способные быстро поднимать настроение и даже доставлять своеобразное удовольствие. Таковыми считались, прежде всего, подвижные игры. Гимнастические упражнения были названы образовательными занятиями, так как гимнастика учила человека разумно пользоваться своими двигательными органами. По существу, гимнастика должна была стать предметом школьного образования. В гимнастике гораздо большее значение, чем в играх, имела обязательная методика, что требовало наличия профессиональных педагогов гимнастики: при плохих учителях гимнастические упражнения не только не давали должного результата, но и могли принести непоправимый вред. Но так как в гимнастике мало элементов эмоционального характера, поэтому, с точки зрения теоретиков физкультуры 1920-х годов, она по своему значению для гармоничного развития пролетариата находилась ниже подвижных игр и элементарных спортивных упражнений [6, д.34, л.9].

Так как в пролетарской среде часто встречались отклонения от норм физического развития, особую ценность приобретали некоторые специальные гимнастические упражнения, так называемые корректирующие. В этом смысле, подвижные игры уступали корректирующей гимнастике, поскольку не могли исправить физические недостатки.

Прямой целью физической культуры пролетариата было названо достижение максимума производительности труда. Иными словами, физкультура помогает достичь здорового состояния организма и полного физического развития, выражавшихся в наличии следующих качеств: силы, ловкости, выносливости, трудоспособности, активного, твердого, упорного, настойчивого характера, впрямую необходимых для осуществления трудового процесса. Основным методом физического развития советских трудящихся был назван «метод естественного физического воспитания», который должен был привести к гигиеническим, эстетическим, социальным и техническим результатам.

Все упражнения и методы естественного физического воспитания состояли из:

- *гимнастики,*
- *подвижных игр,*
- *спорта и легкой атлетики,*
- *упражнений в экономических приемах труда,*
- *экскурсий и прогулок.*

ДЛЯ ЧЕГО И КАКАЯ ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА НУЖНА ПРОЛЕТАРИАТУ СССР?

Эти упражнения в соответствии с возрастом образовывали пять основных отделов единой программы физического воспитания. Необходимо было для претворения этой программы в жизнь иметь подбор соответствующих преподавателей физического воспитания, имевших педагогическую подготовку и знавших основные гимнастические системы того времени, в том числе, шведскую, Лесгафта и сокольскую [6, д.34, л.8].

Тезисы советских профсоюзов о физической культуре

Перечисленные идеи являются кратким изложением базовых положений для формирования физической культуры в стране социализма, рассчитанных на длительный период и меняющуюся социальную обстановку в стране. Для начала 1920-х гг., времени активной работы Всевобуча с допризывниками, задачи, стоящие перед физкультурой, сужались до подготовки воинов РСФСР. Тем не менее и в этих условиях уже заговорили о необходимости воспитания гармонически развитой личности средствами физкультуры, находящейся в духовном и телесном равновесии. Для достижения этой цели необходимо было в физкультурные занятия в системе Всевобуча вводить упражнения, доступные самым широким народным массам, при помощи которых будут корректироваться как здоровье, так и общее развитие. Кроме того, массовые упражнения должны способствовать воспитанию в людях дисциплинированности, убеждения, что жизнь индивидуума зависит от коллектива и потому нужно идти на самоограничение ради общего успеха, возвращая в себе уживчивость и тактичность [2, д.6, л.19].

В феврале 1923 г. совещанием при Московском профсоюзном комитете было принято Положение о руководстве работой по физкультуре в профсоюзах. Для руководства и направления общей работы по физкультуре при культотделе городского совета профсоюзов было организовано бюро по физкульту, на которое возлагалась обязанность следить за организацией кружков физкультуры в московских профсоюзах [2, д.6, л.16].

В Положении подчеркивалось, что физкультура не является самостоятельной задачей профсоюзов, а входит в общую систему культурной работы, в частности, клубную, руководит которой совещание при культотделе ВЦСПС, составленное из представителей Всевобуча,

Пролеткульта, НКЗ, МСФК, ЦК РКСМ, Центрального института Труда и наиболее заинтересованных ЦК [2, д.6, л.55].

Готовимся к труду и обороне! Конец 1920-х – начало 1930-х гг.

На партийном совещании профсоюзов, посвященном вопросам физкультуры, проведенном 24–25 мая 1923 г., были приняты тезисы, по которым физическая культура преследовала следующие цели: евгеническую, здравоохранения и улучшения условий труда.

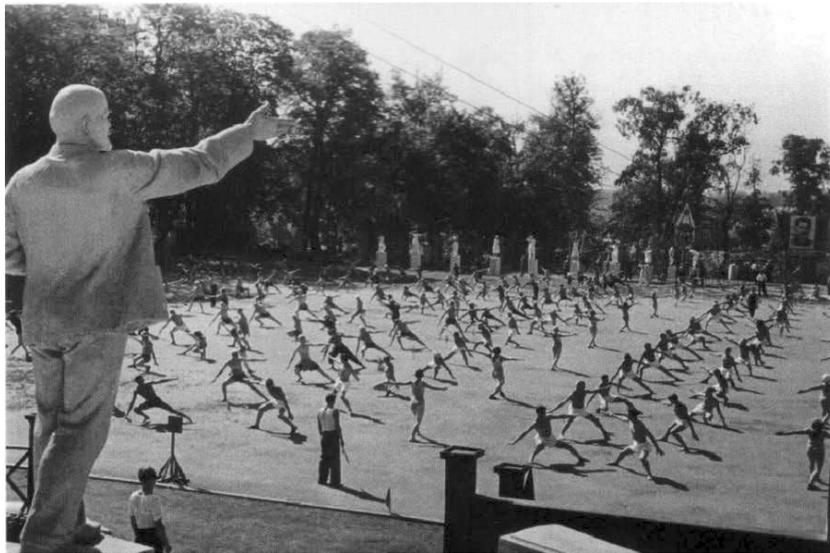
Физкультура в целом называлась комплексом всех мероприятий, преследовавших цель создания гармонической личности в ее поступательном развитии согласно физиологическим данным. «Физкультура в условиях настоящего политического момента в рабочем государстве при неизжитом еще времени уродливого распределения рабочего дня, должна явиться для пролетариата силой, во-первых, оздоравливающей, укрепляющей и развивающей его организм, во-вторых, корректирующей его одностороннее развитие, в-третьих, приучающей, приспособляющей и совершенствующей в полезных навыках, в-четвертых, являющейся средством развлечения и отдыха» [2, д.6, л.1].

Вне всякого сомнения, тезисы советских профсоюзов о физической культуре не могли обойти вниманием ее классовый характер. В них

ДЛЯ ЧЕГО И КАКАЯ ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА НУЖНА ПРОЛЕТАРИАТУ СССР?

физкультура трудящихся была противопоставлена физкультуре буржуазного общества с характеризующим ее определенным уклоном в спорт и гимнастику. В тезисах было объяснено, откуда происходил подобный уклон. По мнению советских профсоюзов, буржуазия была пресыщена, у нее отсутствовал в реальной жизни физический труд, поэтому она гналась за ощущениями, приводившими к появлению профессионализма в спорте (цирковая борьба, бокс и пр.). Даже физический труд являлся в определенные моменты особым видом спорта для буржуазии.

Основным фактором, влияющим на физическое состояние организма трудящегося, в отличие от буржуа, являлись условия труда. Труд для пролетариата всегда был способом существования, поэтому никак не мог стать видом физкультуры. Подготовка к трудовой жизни – одна из основных задач физкультуры трудящихся, и в этом состояло главное ее отличие от физкультуры противоположного класса.

Физкультурпарад в Москве. Конец 1920-х – начало 1930-х гг.

Еще одно важнейшее отличие физкультуры трудящихся от физкультуры буржуазной теоретики советской физкультуры видели в том, что, несмотря на единую научную базу о законах физического существования человеческого организма, они имели разную цель. Целями буржу-

азной физкультуры определялись рекордомания и спортизация, то есть поиски средств и способов показа преимущества одной личности над другой. Физкультура трудящихся должна была основываться на точных научных данных о деятельности человеческого общества, собранных в предшествующих исторических эпохах, имевших целью обеспечение нормального развития человеческого организма и сохранение наиболее оптимальных отправлениях всех его жизненных функций. Кроме того, она должна была беспокоиться о создании нового человека, которому предстояло жить при социализме, нравственный и физический облик которого должен был быть значительно лучше облика человека буржуазного. В противном случае советский спорт мог «превратиться в буржуазное профессиональное рекордсменство, утратить научную основу как средство физической культуры, не достигнуть главной цели – нормального развития организма человека и привести даже к аномалиями (тяжелая атлетика, акробатизм и т.д.). Против старого спорта мы выдвигаем принцип коллективности в спорте и точнейшее проведение мысли, что спорт есть средство физического развития, а не цель» [2, д.6, л.3].

Физкультура диктатуры пролетариата

Если суммировать все положения, принадлежащие как ответственным официальным лицам, мысли которых тут же превращались в аксиому, так и идеи, высказанные в дискуссионном порядке менее значительными личностями, получается целая стройная теория физической культуры, которая должна была утвердиться в СССР.

В понятие «физическая культура» входила совокупность всех тех мероприятий, которые были сознательно направлены к развитию, сохранению и восстановлению нормальной жизнедеятельности человеческого организма применительно к обстановке его социального бытия, и основаны на точных научных данных, опирающихся на биологию, антропологию, физиологию, гигиену и педагогику.

К подобного рода мероприятиям относились: санитарное просвещение, санитарное законодательство, пропаганда и мероприятия по распространению среди широких масс населения идеи физического воспитания и развития молодежи и взрослых, открытие государственных и общественных научных учреждений по физкультуре, специальных школ, курсов и т.п.

ДЛЯ ЧЕГО И КАКАЯ ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА НУЖНА ПРОЛЕТАРИАТУ СССР?

Кроме общих положений о физической культуре будущего социализма существовали также представления о физкультуре государства диктатуры пролетариата, названной физкультурой пролетариата. Она, являясь физкультурой переходного периода от капитализма к социализму, должна была иметь целью:

- *физическое воспитание, укрепление, развитие и оздоровление трудящихся, в первую очередь, пролетарской молодежи;*
- *уменьшение вредного одностороннего влияния профессионального труда на человеческий организм;*
- *общую подготовку человеческого организма к трудовой деятельности;*
- *практическое подведение сознания трудящихся к вопросам личной и общественной санитарии и гигиены;*
- *психофизическую подготовку подрастающего поколения к революционной борьбе и к выполнению боевого долга в Красной Армии, в частности.*

Физкультура была объявлена одной из крупных «ближайших задач пролетариата на пути к созданию новых основ человеческого общества» и не менее важным «действительным средством в его революционной борьбе и строительстве».

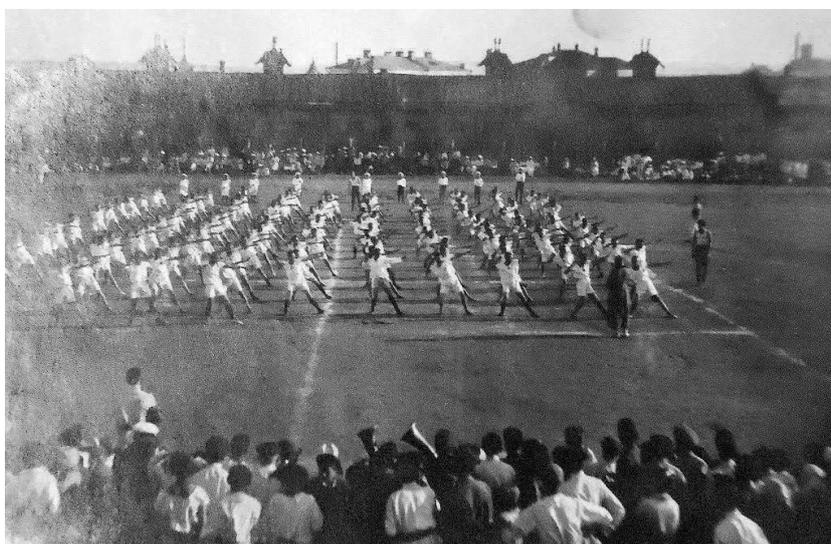
Как тогда объяснялось, целый ряд объективных причин вынудил государство отказаться от системы государственных спортивных организаций, которые создавал Всевобуч, и перевести спорт на начала широкой самодеятельности вовлеченных в него масс трудящихся, оставив за государственными специальными органами физической культуры (Советы физкультуры) общее госу-

Афиша Дня смотра физкультурных сил
Московских профсоюзов в 1928 г.

дарственное и научное руководство и контроль [2, д.6, л.4–6].

Таким образом, все дело физкультуры в РСФСР, а затем и в СССР, было централизовано в руках междуведомственного органа, ВСФК, деятельность которого координировалась и точно определялась ВЦИ-Ком. Идеологическое руководство осуществлялось через партийные и комсомольские органы, которые использовали кружки физкультуры как еще один способ политического подхода к беспартийным массам.

Смотр физкультурников. Конец 1920-х – начало 1930-х гг.

Пытаясь сформулировать идеи, положенные в теоретическую основу физической культуры советского государства, нужно также не забывать о том, что делом физкультуры занимался и наркомат здравоохранения. Известно, что, по мысли наркома здравоохранения Н.Семашко, предполагалось переименовать НКЗ в наркомат здравоохранения и физкультуры [2, д.6, л.5].

На основе положений о том, что физическая культура советского общества должна была кардинально отличаться от физической культуры общества дореволюционного, в 1920-е годы появился термин «пролетфизкультура». Этот термин был придуман Центральным Советом пролетарских обществ физкультуры при МК РКСМ, созданным

ДЛЯ ЧЕГО И КАКАЯ ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА НУЖНА ПРОЛЕТАРИАТУ СССР?

в 1922 г. [2, д.6, л.98]. Он появился на страницах печатных изданий общества «Муравей» – базовой структуры Совета. «Пролетфизкультура» была предназначена для руководящего класса государства диктатуры пролетариата, тогда как просто физкультура предполагала гармоничное развитие и других социальных слоев советского общества. В кратком изложении задачи пролетфизкультуры выглядели следующим образом.

Физкультура, создавая здоровое рабочее население, придавала силу и выносливость не только в труде, но и в борьбе за социальную революцию. Физкультура создавала сильные и психически здоровые характеры, которые должны были справляться с проблемами на тогдашних фронтах – военном и промышленном.

Пролетфизкультура в своих основополагающих положениях была тесно связана с социально-экономическим состоянием страны и бытовыми производственными условиями жизни пролетариата. Она развивала основные черты гражданственности, дисциплины и коллективно-творчества, служа дополнением общего социального воспитания подрастающего поколения, и являлась системой физического воспитания, построенного на принципах марксизма [2, д.6, л.99].

Пролетфизкульт делил упражнения по возрасту, полу и способу производства, пользуясь, в первую очередь, естественными движениями, встречающимися в практической жизни человека: ходьбой, бегом, прыжками, метанием, борьбой, элементами шведской и сокольской гимнастики, играми и трудовыми навыками.

Пролетфизкульты должны были проводить также состязания в труде с целью наилучшего изучения экономии трудовых движений. Пролетфизкультура допускала состязания, но состязания коллективные в противовес профессионализму и рекордсменству.

Система пролетфизкульты отрицала состязание, вызывающее одностороннее развитие и требовала состязания, развивающего одинаково как нижнюю, так и верхнюю часть тела [2, д.6, л.11].

Физкультура трудящихся должна была неизбежно пойти по пути практического сближения гимнастических и спортивных упражнений с трудовыми движениями рабочего в производственном процессе, в целях экономии человеческой энергии по принципам НОТ (научной организации труда). Программа физкультурных занятий должна была быть приспособлена к чисто классовым задачам пролетариата.

Так, подвижная игра, основываясь на движениях трудовых процессов, должна была осуществлять первоначальное трудовое воспитание детей.

В рабочем клубе и в школе фабзавуча предлагалось вводить комбинированную (синтетическую) систему физических упражнений, составленную из элементов и методов шведской и отчасти сокольской гимнастик, ритмической гимнастики Далькроза, которые должны были привести к воспитанию координации движений и укреплению нервно-мышечной системы человеческого организма.

Показательные выступления девушек-гимнасток. Конец 1920-х – начало 1930-х гг.

Теоретики пролетфизкультуры рассматривали ее в сравнении с физкультурой прошлого как цель, а в сравнении с физкультурой социализма как временную меру, которая должна была подготовить людей к жизни в обществе будущего, а с другой стороны, и создавать это будущее. Новая физкультура, по их мнению, должна была привести к одновременному и равномерному развитию костно-мышечной и нервной системы рабочего, но ни в коем случае не должна была становиться самоцелью.

ДЛЯ ЧЕГО И КАКАЯ ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА НУЖНА ПРОЛЕТАРИАТУ СССР?

Эта физкультура должна была одновременно воспитывать естественное (автоматизированное, трудовое), рационализированное и художественное (ритмизированное) движение человека [8, с.12–15]. Иногда подобная физкультура даже называлась новой психофизиологической культурой, название которой как раз и подчеркивало мысль о том, что главная задача – поиск способов формирования новой гармонически развитой личности для жизни в обществе будущего [2, д.6, л.5].

Весной 1923 г. в Центральном клубе Московского Пролеткульта им. М.В.Калинина состоялся доклад-диспут о физкультуре, в котором принимали участие видные деятели того времени в области физкультуры, в том числе Н.Подвойский. На этом диспуте в очередной раз было подчеркнуто, что в эти дни единственным принципом физкультуры должен был быть классовый [12, д.41, л.35]. По мнению участников диспута, идеология и методология физкультуры всегда были классовыми. В пример приводилась сокольская гимнастика, возникшая в Чехии во второй половине XIX в. и широко распространившаяся по Европе накануне Первой мировой войны. Сокольская гимнастика своей парадностью и театральностью организовывала массы на сокольских слетах в духе национально-шовинистического движения. Другим примером выступала ритмическая гимнастика Далькроза, популярная в основном среди художественной интеллигенции Европы в 1910-е гг., которая имела «непосредственную связь с эпохой модернизма и декадентством» [12, д.41, л.35]. Предмет диспута находился в области методологии. В сфере идеологии разногласий не было, участники спора соглашались здесь во всем. В итоге диспута было предложено средствами физкультуры не только развивать гармонического человека, но и учить его целесообразности движений в целом. Для этого, по общему мнению, нужно было в области физкультуры установить два основных типа: активную физкультуру и пассивную физкультуру. Элементами активной физкультуры были названы игра, гимнастика и спорт. Игра основывалась на принципе воспроизведения трудовых процессов, а гимнастика должна была быть построена на принципе экономии движения.

Теоретики советской физкультуры предлагали применять в гимнастике два основных метода: метод массового вовлечения в работу и метод систематической работы. Первый метод обеспечивал бы создание физкультуры снизу, второй – дал бы возможность учитывать раз-

личные ступени развития человеческого материала, быт и научные достижения [12, д.41, л.37].

**Подвижные игры как часть
физического воспитания масс**

Говоря о советской теории физического воспитания, необходимо сказать также несколько слов о теории подвижных игр, о которых много говорилось до революции, когда их считали одними из главных средств физического развития детей. Один из крупнейших русских дореволюционных теоретиков и практиков Н.С.Филитис и в советское время продолжал свою деятельность, став руководителем Института физкультуры в Москве. Он по-прежнему стоял на той позиции, что одной гимнастикой и физическими упражнениями при воспитании детей не обойтись, необходимо вводить в учебные планы трудовых школ подвижные игры.

Н.Филитисом в 1923 г. была составлена, рассмотрена и одобрена ВСФК программа школьной гимнастики, которая была названа автором как «Гимнастика естественных движений». Именно так Филитис назвал сочетание гимнастических упражнений с подвижными играми, которые, по его мнению, и должны были составлять ядро школьной программы по физкультуре.

Филитис в доказательство своей идеи приводил очень интересные рассуждения. Он считал, что любая система физического воспитания для успеха усвоения должна считаться с многовековыми симпатиями масс. Искать указаний к созданию ее нужно, прежде всего, среди любимых народом физических упражнений, находящих свое отображение в обычаях, этносе, выявляющих опыт коллективной личности народа. Этнографические данные указывали, что в обыденной жизни и в праздничных выступлениях всех народов телесные упражнения состояли из игр, индивидуальных и массовых, и тех упражнений, которые, как, например, бег, метание, борьба, были близки по духу к играм и входили в них составными частями. При этом за основную цель физических упражнений признавались связанные с ними духовные достижения. Таким образом, симпатии народа, по логике Филитиса, были направлены на естественные виды телесных упражнений. Этим был указан путь, по которому нужно было идти, чтобы создать соответствующую вкусам советских широких масс систему гимнастики. Она состояла в наблюде-

ДЛЯ ЧЕГО И КАКАЯ ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА НУЖНА ПРОЛЕТАРИАТУ СССР?

нии за естественными движениями и приведении их в определенную систему упражнений, служившую для нормального развития органов тела и подъема духовной деятельности [10, с.10–11].

Филитис предлагал сгруппировать, в первую очередь, детские игры по возрастам и приводил примеры наиболее рекомендуемых игр для школьной программы [11].

Подвижные игры считались важным средством физического развития не только для детей, но и для взрослых. Через подвижную игру можно было организовать отдых рабочих и поднять тем самым их жизнеспособность. Играть – значило изображать борьбу за существование. Спортивные игры должны были быть основаны на движении, проходить на воздухе и солнце, требовать от участников быстроты, ловкости, сообразительности, смелости и в комплексе развивать физически, способствовать улучшению настроения и здоровья [12, д.41, л.38].

Итак, в первые годы советской власти была сформирована система органов, руководящих развитием физической культуры всей страны. Отметим, что произошло это довольно быстро, так как физическое воспитание было названо одной из важнейших задач формирования Красной Армии в период гражданской войны в рамках Всеобщего и послевоенного строительства. Для правильного с точки зрения нового мировоззрения физического воспитания были сформулированы разнообразные варианты основных положений, на которых должно было базироваться дело физкультуры в стране. Одно из самых главных положений заключалось в том, что физкультура – понятие классовое, и поэтому в государстве диктатуры пролетариата, в первую очередь, должна развиваться пролетарская физкультура. Однако она оставалась в русле общечеловеческих установок, придерживаясь, конечно, классовых принципов. Она должна была стать средством оздоровления и отдыха трудящихся. Физкультура 1920-х годов в теории должна была подготовить целые поколения людей к жизни при будущем социализме, обществе, в котором будут жить только гармонически развитые личности. Теория физкультуры при советской власти отличалась стройностью, логичностью, малым количеством несоответствий и даже не столь высокой степенью идеологизации, как это можно было бы предположить. Вопрос о практических результатах внедрения данных принципов физкультуры в жизнь нуждается в дальнейшем рассмотрении и осмыслении.

Библиографический список

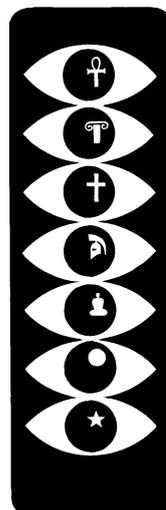
1. ГАРФ. Ф.7576. Оп.1.Д.1.
2. ГАРФ. Ф.7576. Оп.1. Д.6.
3. ГАРФ. Ф.7576. Оп.1. Д.16.
4. ГАРФ. Ф.7576. Оп.28. Д.4.
5. ГАРФ. Ф.7576. Оп.28. Д.17.
6. ГАРФ. Ф.7576. Оп.28. Д.34.
7. Игнатъев Е.В. Всеобуч и физическая культура в прошлом // Физическая культура. 1923. №5–6.
8. Ипполит Соколов. Сближение физкультуры и производства (в порядке дискуссии) // Физическая культура. 1923. №5–6.
9. Кальпус Б. Физическая культура и Всеобуч // Физическая культура. 1923. №5–6.
10. Филитис Н.С. Основы программы школьной гимнастики // Физическая культура. 1923. №3–4.
11. Филитис Н.С. Подвижные игры. М., 1924.
12. ЦГАМО. Ф.880. Оп.1. Д.41.

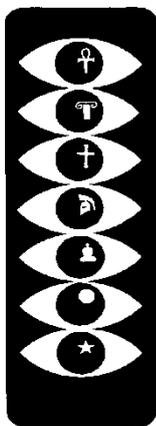
Всё решает человеческая личность,
а не коллектив, элита страны, а не её демос,
и в значительной мере её возрождение зависит
от неизвестных нам законов появления больших
личностей.

В.И.Вернадский

Пусть люди совершают любые ошибки
себе во вред, лишь бы им избежать
худшей напасти – подчинения чужой воле.

Люк де Вовенарг

Исаак Розенталь

**О НЕКОТОРЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ
ОСМЫСЛЕНИЯ
ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ,
РЕВОЛЮЦИИ
И БОЛЬШЕВИЗМА
СОВРЕМЕННОКАМИ**

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК
94(47) “1922 – 1935”

Осмысление современниками переломного периода в истории России и мира, начало которому положила Первая мировая война, имело свои особенности. Выявление их в свете происходящих в настоящее время дискуссий позволяет оценить сделанные тогда выводы, составившие первооснову последующего изучения. В этот ряд включены и предчувствия представителей творческой интеллигенции. Среди вопросов, впервые затронутых современниками, но остающихся научно актуальными, – уровень модернизации России, достигнутый к 1914 г.; место эсхатологии в духовной атмосфере предвоенных и военных лет; соотношение революции и мировой войны; феномен большевизма в связи с войной и др.

Comprehension of the tipping point in history of Russia and the world which the contemporaries of events began with the WWI and had its peculiarity. Identification of this peculiarity in the light of discussions held nowadays allows appraising conclusions that were made by contemporaries of events and formed the basic ground of subsequent studies. Premonitions of the creative intelligentsia representatives are included in the range. The issues that originally were raised by the contemporaries but remain to be actual for the science include the issue of the level of Russia' modernization, the issue of the place and significance of eschatology in the prewar and war years spiritual mood, the issue of the revolution and world war correlation and the issue of Bolshevism phenomenon in its relation to the war and some other questions.

Ключевые слова: историческая память; патриотизм; модернизация; катастрофизм сознания; антибуржуазность; большевизм; культура.

Key words: historical memory; patriotism; modernization; catastrophism of mentality; anti-bourgeoisness; bolshevism; culture.

E-mail: evgeny@rambler.ru

Размышления в связи с «круглым», но скромным на сей раз юбилеем российской революции 1917 г. можно условно разделить на две группы. Это, во-первых, тема наследия революции, об этом речь идет далее в основном попутно, и, во-вторых, обширная группа вопросов, касающихся понимания событий и процессов революционной эпохи. На эту тему высказывался и автор, отсюда некоторые вынужденные самоповторы.

Нулевой цикл историографии и квазипамять

Всякое историческое исследование вторично – в том смысле, что раньше, чем приступят к делу специалисты-историки, события прошлого, еще не ставшего таковым, непосредственно наблюдали и, если могли, фиксировали современники¹. Не всегда, но случалось, что это первоначальное восприятие было первым шагом к попыткам разобраться в происходящем, как-то истолковать его в письмах, дневниках, на страницах прессы, позже в мемуарах. Есть, разумеется, немалые различия между обращенной к более или менее широкому кругу читателей публицистикой со всеми недоговоренностями и полемическими перехлестами и тем, что предназначалось одному лишь лицу – собеседнику на расстоянии, или же записывалось только для себя. Но в дальнейшем и такие исторические источники могут быть признаны – с необходимыми оговорками – историографическими фактами². Это своего рода «нулевой цикл» строительства научного здания.

С учетом особенностей таких свидетельств, привлеченных, конечно, выборочно, и рассматриваются далее некоторые узловые тенденции осмысления периода 1914–1920 гг. людьми того времени, выясняется, что

¹ Ср. близкую, но не идентичную мысль литературоведа Ст.Рассади́на, которую сам он считал почти несомненной: «История в романе – да и в научной работе – есть не первая, а так называемая вторая реальность. Представимая приблизительно и условно, с версиями и домыслами» [43, с.18]. Остается неясным, считал ли автор все перечисленное недостатками, которых лишена «первая («сырая») реальность».

² В последнее время заново опубликованы избранные материалы из прессы данного периода [См.: 39; 40; 45], появился ряд публикаций переписки [50; 53 и др.]. Еще один источник, вошедший в историографическую литературу о Февральской революции, – документальный труд Александра Блока, недавно научно переизданный вместе с дополняющими текст другими источниками и исследованиями [См.: 8, с.362–364].

имело для них приоритетное значение, исходя из их личного и коллективного опыта, из тех или иных идеологических доктрин и представлений.

Позже эти идеи и этот опыт пересматривались, особенно после 1917 года, когда стало сознаваться, что прежние представления, а также привычные аналогии, в первую очередь с Великой Французской революцией, далеко не во всем выдержали проверку российскими реалиями. На протяжении большей части XX столетия существовали параллельно, почти не соприкасаясь, «две России». Полного разрыва с усвоенными ранее основами мировоззрения не произошло ни в Советской России, ни в центрах русской диаспоры. Эти центры стали очагами как развития, так и консервации тех взглядов, с которыми покинули родину эмигранты первой волны.

Хорошо известно, что эмигрантская рефлексия ощутимо повлияла на западную русистику и, начиная с 90-х гг. XX в., на российскую историографию после того, как она освободилась от принудительного ленинцентризма и догматики советских времен, получив, в частности, возможность неограниченно черпать из необъятного резервуара эмигрантской мысли. Правда, историки не всегда считались в должной мере с тем, на какой основе, под воздействием каких специфических факторов (прежде всего ностальгических чувств) складывались отнюдь не консолидированные представления эмигрантов о недавнем прошлом – групповые и индивидуальные [См.: 33; с.121–126, 145–146 и др.]. Эмигрантская мысль, кроме того, отталкивалась от послеоктябрьского опыта «строительства социализма» на родине, оцениваемого в целом отрицательно.

Знание этих факторов не должно заставить пренебречь тем, что было преимуществом развития эмигрантской мысли, – отсутствием государственной цензуры, возможностью, например, лишь за пределами СССР затрагивать среди прочих вопрос о том, в какой мере были реалистичны сталкивавшиеся в рассматриваемый период идеологии, планы, намерения. Это преимущество имел в виду Б.И. Николаевский, когда подчеркивал, что «историк имеет право касаться всех сторон общественной и политической деятельности интересующих его лиц и групп» [28, вып.1, с.155]. Но это значит, что необходимо выяснять каждый раз, приближались ли эмигранты, реализуя этот их интерес, к истине или удалялись от нее.

По-своему воспринимала эпоху творческая, обычно, но не всегда неполитизированная интеллигенция, причем и здесь налицо связь с предвоенным этапом развития культуры, в частности с Серебряным

веком, или культурным ренессансом, согласно устоявшимся обозначениям. Особенности этого взлета элитарной культуры, его противоречивость и самый «воздух символизма», по выражению В.Ф.Ходасевича, также оказали воздействие на отношение к войне, революции и большевизму [См.: 6, с.924–930].

В силу названных обстоятельств оправданно начать не с Первой мировой войны, но рассмотреть вначале предвоенные суждения, оценки, образы близкого и отдаленного будущего, как рисовалось оно современникам до вступления в войну России. Принимая при этом во внимание немаловажную особенность

В.Ф.Ходасевич
Париж, 1920-е гг.

мировой истории, исследованную, в частности, Г.С.Кнабе, – взаимодействие памяти, забвения и преобразования памяти [32, с.3–24]. «Прошлое, – говорил Борис Пастернак, – вне памяти не существует: оно дается нам памятью. История и искусство – дети одной матери: памяти» [23, с.411]. На это обращал внимание и знаток античности Кнабе, вынесший в название своей статьи имя древнегреческой богини памяти Мнемозины – матери всех девяти муз, первая из которых Клио.

Забвение сопровождает процесс обновления человечества, оно неизбежно. Но с некоторых пор забвение и преобразование памяти целенаправленно организуется для изменения культурно-исторического сознания в выгодном правящим кругам направлении – путем воздействия на личность «идеологических, отчасти моральных, отчасти утопических или политико-пропагандистских мотивов», по вненаучным соображениям «полезности» – конъюнктурным и вкусовым. Происходит подмена исследования эмоционально-интуитивистским восприятием. В эпоху постмодерна история все более предстает перед человеком как результат манипуляций, а научное знание дискредитируется.

Память, превращаемая в «квазипамять», монтируется из случайных фрагментов, образов, ориентированных на интересы и страсти. Она желает «избавиться от опеки дотошных историков», в ее построениях «так много лишнего логики и внутренней необходимости, не-серьезного и необязательного, а потому игры, иронии и произвола...», – писал Кнабе. Произвола, пожалуй, больше, чем игры и иронии. В наше время это безусловно так. Всевозможные мифы, внедряемые в постсоветской России в массовое сознание, искажают «связь времен». На этой почве вырастают мракобесие, апология заведомой лжи и просто нежелание знать то, что твердо установлено, – явный откат общества назад посредством, говоря словами Н.М.Карамзина, «народного затемнения»³. Примеров тому предостаточно. Увы, не устаревает давняя истина насчет демонической силы невежества⁴.

Распространено мнение, что на сегодняшний день осталась только официальная, «большая» (?) историческая «наука», ежедневно превращающая главным образом XX век в историю «забвения, искажения, вычеркивания» [58, с.6]. Что также побуждает напоминать забытое и забываемое намеренно.

**Предвоенная Россия:
«намек на полнокровное
развитие»**

Естественно, что изображать досоветскую действительность исключительно в лучшем свете старались сторонники прежней власти.

В СССР приукрашивания и тем более нынешнего сусального изображения имперского прошлого не могло быть в принципе. Толкование исторической закономерности как предопределенности исключало из допущенного анализа предпо-

³ Карамзин имел в виду Министерство народного просвещения своего времени. В советской средней школе, где автор когда-то преподавал, полагалось знакомить учащихся с «основами наук», это внушали тогда учителям и методисты-историки. Другой вопрос, в какой мере и какому количеству учителей удавалось реализовать такую установку, но сегодняшний отказ от нее означает для истории не что иное, как санкционирование произвола «квазипамяти».

⁴ Злободневно звучит речь Ю.Г.Оксмана в Саратове (1956 г.) против «невежества воинствующего, грубо претенциозного, выращенного в столичных инкубаторах, воспитанного годами безнаказанного конъюнктурного лганья и беспардонного глумленья над исторической истиной» [60, т.3, с.216].

сылок революции какие-либо альтернативы. Напротив, в русском зарубежье сослагательное наклонение в размышлениях о прошлом было «нормальным», обусловленным в первую очередь психологическим состоянием людей, ставших неожиданно «бывшими». Им необходим был утешающий образ России, какой она была до всех потрясений. Вольно или невольно они отбирали в своей памяти «приятное и нужное», пытаясь найти тенденции, обещавшие иной вариант развития событий, чем реально состоявшийся.

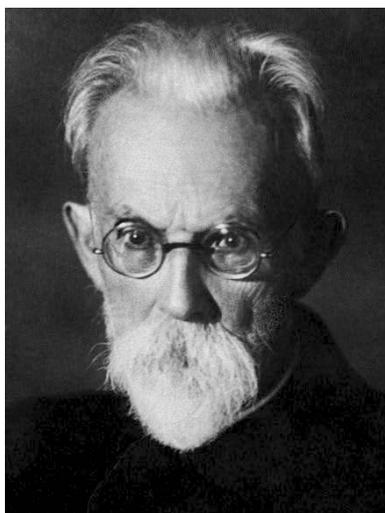
Тем не менее этот поиск не приводил к единообразным выводам уже ввиду различия взглядов и биографий ищущих, ввиду зависимости выводов от информированности, от способности подняться над эмоциями, от добросовестности и от многого другого. Нет оснований видеть во всех эмигрантских характеристиках предвоенной России нечто совершенно эфемерное. Такое, конечно, встречалось. И вне эмиграции тоже: поэту Волошину старая Россия казалась после всех пережитых им ужасов гражданской войны «социально наиболее здоровой из европейских стран», где вообще до 1917 г. «не было ни буржуа, ни классового пролетариата» [17, с.153, 453].

Общей в эмиграции была уверенность, причем небезосновательная, в том, что до войны Россия находилась на подъеме. «Война 1914 г. остановила развитие страны на всем ходу», – писал Н.И.Астров, лидер московских кадетов, инициатор создания Союза городов [22, л.1]. Тональность характеристики предвоенного периода историком и философом Г.П.Федотовым была еще более мажорной. Восьмилетие между первой революцией и мировой войной представлялось ему «самым блестящим мгновением в жизни старой России. Точно оправившись от тяжелой болезни, страна торопилась жить...» [56, с.357]. «Пробужденная в 1905 г. революционная энергия начала... бурно сливаться с созидательным процессом жизни», – вспоминал философ Ф.А.Степун [54, с.64–65]. Процесс «выздоровления» с 1907 по 1914 гг. констатировал и В.А.Маклаков; выздоровление не завершилось, но могло бы произойти, полагал он, и во время войны, когда война на время сплотила всех.

Все деятели, чьи высказывания приведены выше, не обнаруживали, оглядываясь назад, такого же поступательного движения и в политике, где, по словам Степуна, «стояла злая осень», тогда как «в общественности и культуре цвела весна». Правда, историк М.М.Карпович считал эти сравнения импрессионистичными, недостаточными для осмысления межреволюционного периода, он усомнился

в том, что «осень» была такой уж «злой», и настаивал на выяснении «баланса» разнонаправленных тенденций [47, с.126–128].

Тем не менее показательно сопротивление, какое встретила уже в 20-е гг. идеализация дореволюционной правящей элиты «белой молодежью» в русском зарубежье. С доводами против такой идеализации нельзя не считаться и в наше время, когда состав дореволюционной бюрократии и место ее в политической системе самодержавия подвергаются тщательному изучению. Думается, эти исследования, в том числе последнее [52], не отменяют приводимые нами далее (не в первый раз!) старые наблюдения и замечания из дневника академика В.И.Вернадского. В 1924 г. в Париже Вернадский, еще не решивший,

В.И.Вернадский
1940 г.

возвращаться ли в Советскую Россию, обращал внимание на то, что эти эмигранты, ввиду своего возраста, не имеют о царской бюрократии живого представления, «им кажется, что во главе власти стояли люди морально и умственно головой выше окружающего...»

Сам Вернадский, до революции не только ученый и политический деятель, но и член Государственного совета, был убежден в том, что это не так, что и «фантастическая реабилитация Николая II» (в книге С.С.Ольденбурга) искажает истину. Подчеркивая особую роль в истории элит, он вспоминал свое первое впечатление от тех, кого встретил в российской «палате лордов», куда

был избран в 1906 г.; его не могла обмануть «блестящая внешность». «Я попал в дурное общество по сравнению с тем, в котором я обычно раньше вращался: Университет, ученая и земская среда, круг семьи и братства⁵. Это все было и умственно, и нравственно несравненно выше сре-

⁵ Имеется в виду Братство (Приютинское братство, Ольденбургский кружок) – дружеское студенческое сообщество, возникшее в начале 1880-х гг. в Петербурге. Стабильное ядро Братства составили Д.И.Шаховской, В.И.Вернадский, бр. Ф.Ф. и С.Ф. Ольденбурги,

ды Государственного совета...». Имелись и исключения – «люди с именами и с большим внутренним содержанием», в том числе С.Ю.Витте (после отставки) и другие, «но не они задавали тон».

Профессор Д.Д.Гримм, также член Государственного совета по выборам, «был совершенно потрясен циничным нигилизмом этих людей» – бывших высокопоставленных сановников. Такой же в сущности отзыв об «этих господах» оставил еще более осведомленный, благодаря своей биографии, А.Ф.Кони: «...Какой это неисчерпаемый кладезь трусости, лакейства перед тем, что скажут». Такими же представлялись действовавшие перед падением монархии, «да и раньше» министры. «Какой ужасный подбор! Было ясно, что вокруг царя – пустое место...» – причем было ясно не одному Вернадскому и не только его единомышленникам⁶ [12, с.112. См. также: 34, с.108. Ср. 52, с.80–81]. Вернадский, Гримм и Кони, конечно, знали об управленческой опытности «этих людей» в рамках дореволюционной политической системы, но не считали это обстоятельство решающим для исторической оценки – даже после явно неуспешного опыта Временного правительства.

Разносторонне и взвешенно старался охарактеризовать состояние России накануне мировой войны Н.В.Вольский, предвосхитивший исследования конца XX – начала XXI в. Согласно самым осторожным из всех его оценок, уровень модернизации, достигнутый Россией к 1914 г., был «намеком на полнокровное социально-экономическое развитие». Господствующей тенденцией он считал «европеизацию», «преображение страны новым духом», в том числе «благодетельные последствия» первой революции, включая появление «пусть плохого, слабенького, но все-таки парламента», «хоть и поднадзорных» свобод, частичную деполитизацию интеллигенции. Новый демократический ее слой «с какой-то

И.М.Гревс, А.А.Корнилов. Участники Братства стали в дальнейшем видными общественными деятелями и учеными, их встречи продолжались до 1941 г.

⁶ В комментариях к публикации этих страниц дневника Вернадского утверждалось, что его настроение в 20-е гг. характеризует упоминание ультраконсервативной газеты А.С.Суворина «Новое время» вместе с журналом А.И.Герцена «Колокол» как двух сторон экстремизма [12, с.108, 115]. Между тем Герцен в тексте не упоминается. Говоря о замене в СССР «Нового времени» или «Колокола» «Правдой» и «Известиями», Вернадский имел в виду совсем другой «Колокол» – черносотенный журнал, современный и идеологически родственный «Новому времени». Неверно прочитав текст, публикатор дневника приписал Вернадскому свои взгляды.

страстью бросился выполнять полезную работу во всех областях послереволюционной общественной жизни, не гнушаясь ее внешней малостью...», это были и участники в прошлом революции, утратившие крайний радикализм, ушедшие из партий, в которых состояли [66; 13, с.24, 368, 369].

Степун писал, не называя лиц, о превращении иных «грабителей» в «бизнесменов», а профессиональных революционеров в присяжных поверенных. На все это обращают внимание и некоторые современные историки, указывая, что неверно, оценивая итоги первой революции, исходить максималистски из недостигнутых целей. Несмотря на сохранение самодержавия, реальные последствия первой революции говорят о том, что она во многих отношениях закончилась удачно.

Отметим существенную и бесспорную мысль Вольского: при всех позитивных изменениях не было еще в дореволюционной России «зажиточной и во всяком случае не нуждающейся середины общества, широта и численность которой определяет уровень экономического прогресса и благосостояния страны и в то же время является следствием высокого уровня развития производительных сил в этой стране» – социальной середины, «к которой постепенно...подтягивается беднота» [64, с.162–163; 47, с.91–104, 122]. Создание в долгосрочной перспективе и в России такой «середины» («среднего класса») должно было явиться одним из итогов аграрной реформы Столыпина. Указывалось на повышение культурного уровня предпринимательской среды перед войной. Но отмечавшие это с оптимизмом, в частности, единомышленник П.Б.Струве экономист А.М.Рыкачев, не закрывали глаза на «легкомыслие и скарденность» пока что большинства предпринимателей.

Советские историки вслед за Лениным утверждали, что, если бы не началась мировая война, в России наступил бы в 1914 г. «новый 1905 год». Предшествующий войне период именовался без серьезных доказательств «новым революционным подъемом». Никто из эмигрантов, включая левых, с этим не соглашался. Лидия Дан сочла верной оценку Вольским обстановки непосредственно перед войной⁷ и сослалась на тогдашнее общее мнение, видимо, в основном среди меньшевиков, но частично и среди большевиков: «Ни о каком ожидании второй

⁷ Дан Л.О., урожденная Цедербаум (1878–1963) – социал-демократка, меньшевичка, сестра Ю.О.Мартова, жена Ф.И.Дана. Выслана за границу с мужем в 1922 г. В эмиграции в Берлине, Париже, Нью-Йорке. После Второй мировой войны сотрудник секретариата ООН, секретарь Союза русских евреев в США.

или вообще революции не было ни речи, ни мысли... Было очень сильно... предположение, что Россия вступает в какой-то новый период нового органического развития – не революционного, но, несомненно, поступательного, прогрессивного и что-то обещающего... Нет, атмосферы "кануна" не было! Если бы не война – революции избежали...» [27, с.168–170].

**Предупреждения,
предчувствия, надежды**

Вопреки насаждаемой мифологии, многие в России еще до Первой мировой войны считали вероятной ликвидацию в недалеком будущем, тем или иным путем самодержавия и

указывали на риски, связанные с участием в войне, которое могло явиться «фактором ускорения». Совсем не одни только приверженцы революционного пути развития были убеждены в том, что существующий режим и после 1905–1906 гг. остается в своей основе архаичным и в таком виде, без необходимых изменений, в условиях продолжающейся модернизации обречен. «Все мы тогда сознавали, что живем "накануне"», – вспоминал студент Петербургского университета в 1909–1915 гг. Николай Анциферов, имея в виду своих ровесников разных взглядов, и сам вовсе не революционер [2, с.164]. О «политически сознательных людях» Ф.А.Степун писал, что они задолго до войны «жили как на вулкане»: «ясно обозначился неминуемый срыв в пропасть», отвратить который можно было «только радикальными и стремительными мерами» [54, с.164–165].

Такие меры (да и более постепенные) не последовали. В правящих верхах продолжало доминировать традиционалистское представление о власти, и в соответствии с ним не было недостатка в проектах возвращения к положению до Манифеста 17 октября 1905 г. и даже – в духе славянофильства – к допетровской, так называемой «исторической России» с патерналистским неограниченным самодержавием, законосовещательным Земским собором и т.д. [51, с.86–89]. Выяснение исследователями русского консерватизма всех изменений, на которые консерваторы готовы были пойти, не меняет того факта, что их идеалом было – так же, как идеалом монарха, – «тихое и безмолвное житие» России [25, с.245], а не эволюционный, но динамичный прогресс. Разработать единую консервативную модель спасения самодержавия не удалось.

Некоторые историки считают вероятным добровольное превращение последнего самодержца в конституционного монарха, исходя из его слов, выраженных довольно туманно, о реформах после войны – «русский на-

род по своему патриотизму...терпеливо подождет...» [48, с.640–641]. Аргументами в пользу такого предположения могут служить неоднозначность личности последнего монарха и реальная, бюрократическая практика верховного управления, дающая основание усомниться в том, что известный его ответ на вопрос о профессии – «хозяин земли русской» – в точности соответствовал реальному положению вещей. Но слишком много фактов, такой гипотезе противоречащих. Между тем запрос на конституционализм существовал и в среде высшей, но неоднородной бюрократии [52, с.33–36, 40–44 и др.].

Даже если считать убежденность в том, что самодержавие было обречено, заблуждением, невозможно ее объяснить какой-то личной заинтересованностью. Общественное положение тех, кто так думал, слишком различалось. Сходным образом рассуждали, например, два известных и партийно не ангажированных историка разного статуса и научного калибра: профессор В.О.Ключевский, уверенно утверждавший в 1905 г. – еще до 9 января, – что Николай II будет последним царем, а с другой стороны – великий князь Николай Михайлович (двоюродный дядя царя), который в августе 1914 г. предвидел «конец многих монархий и триумф всемирного социализма», ибо тот «всегда высказывался против войны»⁸. И «у нас на Руси, – продолжал он, – не обойдется без крупных волнений и беспорядков... особенно если правительство будет бессмысленно лгнуть направо, в сторону произвола и реакции» [цит. по: 30, с.123–131].

Прикрепить к их выводам ярлык либерализма – значит ничего не объяснить. Ведь предупреждали против участия России в войне как фатального и П.А.Столыпин, который считал условием успеха реформ «20 лет покоя, внутреннего и внешнего», и особенно подробно германofil П.Н.Дурново, как раз стоявший за то, чтобы «лгнуть направо», предлагавший Николаю II не вступать в соглашение с оппозицией [26, с.195–196] (такой политический курс проводился независимо от записки Дурново вплоть до Февраля 1917 г.).

Предупреждал против войны и умеренный либерал Д.Н.Шипов, полагавший, что, напротив, из-за разлада между властью и обществом в России невозможно необходимое для ведения войны национальное единство, а военное поражение чревато распадом государства [62, с.381–382]. И бывший московский городской голова князь В.М.Голицын утверждал,

⁸ Имеются в виду антивоенные решения конгрессов II Интернационала, особенно Штутгартского 1907 г. и Базельского 1912 г.

ссылаясь на уроки мировой истории: «Во всякой войне побеждает тот, у кого дома все в порядке, чей внутренний строй стоит на высоте времени, его условий и потребностей» [57, с.84–85]. Список «провидцев» можно продолжить.

Помимо этих предупреждений в основном политического плана, не рассчитанных на широкую огласку, духовная атмосфера предвоенного времени характеризовалась обилием предчувствий и предсказаний, связанных с культурой модернизма, с негативным отношением к «старому миру», с антибуржуазным синдромом – ментальным неприятием предпринимательства и предпринимателей, презрением к «мещанству» и «пошлости» как выражению буржуазности. Все это оставалось в сознании и подсознании и среднего обывателя, и культурной элиты, и аристократии. Сами предприниматели видели в этом один из показателей отсталости российского образованного общества, не исключая членов партий, представленных в Государственной думе. Например, о дебатах в Думе по экономическим вопросам говорилось, что они – не более чем комбинация «интеллигентской неприязни ко всякой производительной деятельности» и «крестьянской враждебности ко всяким другим формам народного хозяйства, кроме хождения за сохой» [7, с.270–271].

Впоследствии эмигранты, выяснявшие источники непрочности дореволюционного строя, указывали, во-первых, на пропасть, отделявшую народ от образованного меньшинства, и, во-вторых, на раскол внутри этого меньшинства: отсутствие равновесия между политической и творческой интеллигенцией и общих ценностей, которые уважались бы всеми, что давало бы «надежду на что-то похожее на единую, цельную и неразрывную во времени духовную цивилизацию...» [3, с.208–209; 53, с.246–248].

Культурный «ренессанс» начала 1900-х гг. не был прямым результатом экономического подъема, социальных сдвигов и развития общест-венности. Можно говорить о косвенной связи: о возраставшей роли в развитии культуры, в том числе модернистской, меценатов из числа крупных предпринимателей вроде С.И.Мамонтова, о контактах прогрессистской, преимущественно московской буржуазии с представителями научного мира. Но творцов новой культуры не слишком беспокоило непонимание их произведений «профанами», то есть широким кругом читателей и зрителей, они стремились к освобождению культуры «от гнета социального утилитаризма» и объявляли себя независимыми от общественности [См.: 49].

Н.В.Вольский, социал-демократ и позитивист, довольно случайно попавший в эту среду, вспоминал, как, общаясь в течение двух лет с

Андреем Белым и другими литераторами-символистами, «изрядно надыхался» воздухом символизма, «далеко не прозрачным и не озонированным, пропитанным мистическими, теософическими, теургическими и всякими прочими миазмами...» [13, с.17]. Ретроспективно с совершенно иных позиций, но также критично отзывался о «русском ренессансе» Н.А.Бердяев, первым употребивший это наименование. «Одна из самых утонченных эпох в истории русской культуры», отмечал он, протекала «в довольно замкнутом кругу, оторванном от широкого социального движения». Так же, как Вольский, Бердяев писал о «ядовитых испарениях», о разлитой повсюду «нездоровой мистической чувственности». Наряду с «серьезным исканием», все модернистское вошло тогда в «дурную моду», «слишком многие вдруг стали эстетами, мистиками, оккультистами, презирали этику, пренебрежительно относились к науке» [5, с.127–155; 4, с.260–263].

Компонентом указанных Бердяевым «серьезных исканий» был тот прогностический ресурс мистики как индивидуального переживания, интуитивно-созерцательной формы универсального постижения реальности, который признает современная философия [24]. Диапазон предчувствий и предсказаний был широк – от полученных на спиритических сеансах до высказанных философами и поэтами. Но о будущем задумывались и далекие от мистики позитивисты [См. подробнее: 46, с.190–202]. Предчувствовались надвигающиеся катастрофы, потрясения, катаклизмы, и речь шла не об одной России. Так, Андрей Белый, в подвижном сознании которого совмещались ненависть к капитализму и идеал безгосударственности, считал неизбежным «взрыв» всей современной культуры [13, с.28–29, 342–348]. Этот эсхатологический катастрофизм всех оттенков находился в том же смысловом ряду, что предсказания гибели западной цивилизации европейскими же мыслителями.

Занятие спиритизмом, оставаясь данью моде, отвечало потребности проникнуть за горизонт времени. По свидетельству историка Ю.В.Готье, перед войной спиритическим

Андрей Белый
1916 г.

путем «было предсказано все, что после войны будет переживать Россия», а в 1915 г. – что в 1917 г. произойдет революция, царевич Алексей не будет царствовать, император и императрица будут убиты, ни Россия, ни Германия не станут в войне победительницами. «...Впечатление получается большое и внушительное», – записал уже в 1920 г. в дневнике Готье, сам один из участников спиритического сеанса 1915 г. в Крыму. Сообщал он также об участии в таких сеансах писателей и профессоров. Эти сведения он, таким образом, не подвергал сомнению. Правда, нельзя не заметить, что записанное им о царевиче Алексее – почти буквальное воспроизведение слов Ключевского, сказанных им на студенческой вечеринке в «Татьянин день» 12 января 1905 г., созвучных разновременным дневниковым его записям о вырождении династии. Слова Ключевского были, несомненно, знакомы его ученику Готье – и не только ему – задолго до спиритического сеанса 1915 г. [31, т.IX, с.456–457]. Но если говорить не о форме, а о сути слов, то в 1915 г. и позже это было уже общим местом политических разговоров и помимо спиритизма.

Впоследствии интерес к самым известным дореволюционным прогнозам проявляли и в СССР – в свете прошедших первых десятилетий «строительства социализма». Полагалось думать, что эти якобы всецело оптимистичные прогнозы вполне подтверждены советской историей. Были среди интересовавшихся ими литераторы, заставшие Серебряный век, подходившие к их пониманию тоньше и глубже, объясняя происхождение тогдашних предчувствий, характеризуя предреволюционную действительность.

Борис Пастернак писал, что действительность начала века «вся была в переходах, в броженье» «и скорее служила симптомом и знаменьем, нежели удовлетворяла», «все сместилось и перемешалось, старое и новое», отсюда «отдаленное предчувствие главной важности века» – социализма и русской революции [38, с.170]. Примерно так же оценивал предсказания А.Блока (пробиваясь через «невнятицу» его статей) Евгений Шварц, правда, без упоминания «главной важности века», но, вероятно, ее подразумевая: «Через непонятную сегодня речь, сквозь значительность, ключ к которой утерян, вдруг ясность, и простота, и пророческие предчувствия. Не всегда отчетливые, но ведь пророк не гадалка, а переводит с такого языка, на котором нет слов в нашем представлении» [61, с.528].

Нельзя сказать, что в более известной, чем статьи, поэме Блока «Возмездие» предчувствия выражены совсем непонятно. К предсказанным поэтом в недалеком будущем «неслыханным переменам» и «неви-

данным мятежам» вели и «сознание страшное обмана всех прежних малых дум и вер», «и отвращение от жизни, и к ней безумная любовь, и страсть, и ненависть к отчизне» – все, что было тогда в духовном мире интеллигенции. Но предвидение Блока основывалось, как писал он впоследствии, и на конкретных событиях в мире, где «уже был ощутим» – еще до мировой войны – «запах гари, железа и крови». Осуществлялось «возмездие истории, среды, эпохи» [9, т.8. с.296, 305–306]⁹. Характерно, что в 1917 г. Блок находил подтверждение реализма и научности (так!) законченной части «Возмездия» в прочитанных им в это время лекциях В.О.Ключевского [8, с.425].

Блоку не могли быть известны дневниковые записи Ключевского. Но, как видно из них, историк еще в большей степени, чем поэт, выводил свое предвидение из зримых тенденций современности¹⁰. До мировой войны Ключевский не дожил, но он предугадал катастрофичность наступающей эпохи и был уверен в том, что «наше будущее тяжелее нашего прошлого», что «пролог XX века – пороховой завод», а «эпилог – барак Красного Креста», что «впредь армии будут нужны только для того, чтобы было кого убивать по законам химии снарядами лабораторий», что династия Романовых «будет прогнана», и это составит «счастье и несчастье России и ее народа», «ей еще раз грозит бесцарствие, смутное время» [31, т.IX, с.378, 380, 405, 442–443]. О социализме ни Ключевский, ни Блок тогда не писали.

В 1915 г. Леонид Андреев оставил запись в альбоме автографов, собиравшихся К.И.Чуковским: «Сейчас только на одном театре идет великая трагедия – это война» [59, с.118–119]. Парадоксально, но общее ощущение трагизма происходящего, громадности бедствия могло на

⁹ Начало первой главы поэмы под названием «Два века», где говорилось о грядущих в XX веке «переменах» и «мятежах», было впервые опубликовано в газете «Русское слово» 25 декабря 1914 г., но, очевидно, было написано раньше, до вступления России в мировую войну. Предисловие к поэме, раскрывающее ее замысел и внешние источники интуиции автора, написано в июле 1919 г. и опубликовано в 1921 г. [9, т.8. с.604].

¹⁰ Записи Ключевского не во всем совпадали с тем, что он говорил, выступая публично. Себя он, вероятно, считал редким исключением в своей профессии. Общее правило, по его мнению, определялось недостатком, присущим данному «ремеслу». У историка, писал он в 1909 г., «нет ни чутья, ни предчувствий», так как он «знает настоящее с тыла, а не с лица»; «отсюда оптимизм историков, их вера в нескончаемый прогресс...» [31, т.IX, с.358]. Ключевский в нескончаемый прогресс не верил.

первых порах совмещаться с надеждами на нечто неопределенно-лучшее в итоге недолгой войны, на «новую жизнь и новое счастье», на «обновление войной»¹¹. «Должно родиться что-то новое, последняя война... Для России она грань совсем новой жизни», – записал в дневнике Михаил Пришвин [41, с.64, 68; см. также: 11, с.23–42]. И в типичном письме молодого врача А.Н.Доброхотовой в действующую армию читаем: «Надвигается какой-то новый век, непохожий на все прошедшее. Да и не может эта чудовищная война не всколыхнуть, не потрясти до глубины народной психики... Что будет? Лучшее или худшее? Думаю и верю, что лучшее, несмотря ни на что...» [35, с.237].

Настроения, подобные этим, вытекали все из той же неудовлетворенности, какую по-своему выражали мыслители и поэты Серебряного века с их «неотчетливым» ощущением взрывоопасности российской и мировой действительности начала XX в. Неравномерная и незавершенная трансформация российского социума и государства повышала общий уровень ожиданий, в том числе надежды на лучшее благодаря «последней» войне. Из всех ожиданий оправдалось лишь предвидение «непохожести» нового века, подлинным началом которого как раз и явилась эта война, разделившая – не хронологически, а по сути – два столетия.

Война и революция

Явилась ли мировая война лишь хронологическим прологом революции в России? В каких отношениях они находятся и насколько последствия войны будут долговременными?

Ответы современников на эти напрашивавшиеся вопросы не отличались однозначностью, к тому же они эволюционировали. В период патриотического подъема после объявления войны, который казался в России, как и в других воюющих странах, устойчивым и всеобщим [См.: 11], внимание наблюдателей поглощали военные действия, взаимоотношения власти и общества, межпартийные отношения, меньше – динамика массовых настроений, но не большевизм в связи с этими настроениями как особая субкультура, а не только одна из политических структур.

Легальная оппозиция долго не замечала большевиков, по крайней мере до возвращения Ленина и его сторонников из эмиграции. В луч-

¹¹ *Надежда, по Владимиру Далю, – это «упованье, состоянье надеющегося ...верящее выжиданье и призыванье желаемого, лучшего...»*

шем случае отмечалось, что эта леворадикальная группировка «на ущербе». Например, все это время на страницах журнала «Русская мысль» ни большевики, ни Ленин вообще ни в каком контексте не упоминались. Известный публицист А.С.Изгоев, входивший в редакцию журнала, в своих публикациях даже не вспоминал свой же прогноз, сделанный накануне войны на одном из заседаний кадетского ЦК, – о том, что «в случае войны и сопряженных с ней потрясений» расстановка политических сил кардинально поменяется и «на гребне волны» будут «крайние левые, которые первыми утопят кадетов, а затем и меньшевиков» [42, с.283].

«Забычивость» Изгоева объяснима: леворадикальных лидеров, включая Ленина, пока что отделяла от России линия фронта, у большевиков не было ни легальных газет, ни думского представительства; приговор арестованным депутатам-большевикам к ссылке в Сибирь на вечное поселение не встретил в рабочей среде сколько-нибудь заметных протестов. Социал-демократы всех стран стали националистами, писал тот же Изгоев. На этом фоне большевики казались исключением из правила, а идеи Ленина – неспособными найти сторонников.

Связь между начавшейся в феврале 1917 г. революцией и войной, конца которой не было видно, либеральные аналитики вполне осознали после прихода большевиков к власти, однако расставляя по-разному акценты. То, о чем кое-кто предупреждал перед войной, теперь подтвердилось на деле, особенно в отношении настроений и устремлений народа. Приоритеты народного сознания выявились в экстраординарных условиях наглядно. Они оказались иными, чем думало большинство образованного общества до и в начале войны.

Уже в середине 1918 г. автор статьи в сборнике «Из глубины» С.А.Аскольдов¹² писал, что «война составляет с революцией одно неразрывное целое, она расшатала все привычные народу навыки, формы сознания и государственность». Народу «нужна была только земля, власть и связанные с достижением этой власти материальные блага, более же всего освобождение от тягот войны». О земле говорилось как бы между прочим, о том, что «расшатывание» началось еще раньше,

¹² Аскольдов С.А. (наст. фам. Алексеев) (1870–1945) – философ, химик, член Петербургского религиозно-философского общества, профессор Петроградского университета и Ленинградского технологического института. В 1928–1935 гг. в ссылке, затем жил в Новгороде, где в период немецкой оккупации участвовал в антикоммунистической пропаганде. Умер в Потсдаме.

речи не шло [29, с.20, 38, 45, 48]. Н.И.Астров позже писал о том, как «сметенный на линии фронта вооруженный народ ринулся грабить и растаскивать свою собственную страну. Обозленный лживой агитацией, он топтал и уничтожал ту культуру, которая была чужда ему внешне и внутренне... Веками культивированное бесправие создало реакцию на него в виде революционного погрома» [22, д.27, л.2]. Становится бесспорной мысль о том, что именно мировая война вызвала в народе «озверение». Большевизм, с этой точки зрения, – «прямое наследие и продолжение войны» [29, с.100].

Это мнение закрепилось среди либералов и социалистов разных оттенков в русском зарубежье, причем оно углублялось. Придерживались его и некоторые деятели, оставшиеся в России. Даже для «лучших людей», – записал в своем дневнике в середине 1917 г. В.М.Голицын, – все, что произошло с момента Февральской революции, явилось «полным сюрпризом», стало результатом «поголовной слепоты по отношению... к царствовавшему у нас режиму – с одной стороны, и к народному самосознанию и движению народного духа – с другой». Голицын отмечал: «Многие у нас учитывали неизбежность переворота, но сколько наивного, ложного, предвзятого было в суждении о нем, в уверениях о том, что народ не подготовлен, не дорос до понимания потребностей времени и своих собственных. Показал он теперь, что вырос, но совсем в другом направлении, для нас неожиданным» [18, с.22–23].

Созвучна этому мысль В.А.Маклакова. Он подчеркивал и также самокритично ошибочность предположений, будто главными и неизменными ценностями «мужицкой массы» в отличие от ценностей интеллигентских были Бог и Царь. Между тем «она бросила их не хуже нашего», легко отвернувшись от монархии и не придав особого значения издевательствам над церковью и святынями [53, с.119]. В соответствии с этим Ф.А.Степун справедливо указывал на то, в чем ультрареволюционеры и, прежде всего, большевики превосходили все другие партии, – «внутреннее понимание зудящего "невтерпеж" и окончательного "сокрушай"» [55, с.231].

В эмиграции падение монархии, которое приветствовалось в феврале 1917 г. едва ли не всеми как безусловное благо, больше не воспринимается изолированно от всего, что за ним последовало. Осознается, что именно Февраль, неотделимый от войны, явился началом катастрофического процесса. «Февральскую революцию нельзя отделить от первой войны и от октября... Мировое крушение (не нахожу лучшего слова) началось – особенно для России – в день объявления мировой войны» (М.А.Алданов) [1]. «Если бы не война – не было бы Февральской рево-

люции. А без нее не было бы и октябрьской. А не будь ее и зародившегося в чреве ее тоталитарного государства,... – последующая история мира была бы иной». В этой цепи событий «решающим звеном является октябрьская революция» (Н.В.Вольский) [63, с.10–11].

Высказывались и взгляды, не нашедшие поддержки. Марк Вишняк¹³ утверждал, что «Ленин родился с войной и под влиянием войны...» [16, с.166, 167]. Этот ошибочный взгляд на генезис большевизма был полемически направлен против указания на Чернышевского как предшественника Ленина. Эсер Вишняк возмущался тем, что Чернышевского «унижают» сближением с Лениным. Защищая Чернышевского, он защищал себя и свою партию от обвинений в том, что и эсеры внесли вклад в подготовку Октября. «У нас много грехов, – отвечал Вишняк на такого рода обвинения еще раньше, – но никогда, ни до, ни после не чувствовал себя созвучным большевикам, их идеологии, их успехам... К большевистской революции ни словом, ни духом не причастен... А революцию представлял себе – приблизительно, конечно, в ее февральском стиле, а никак не в октябрьском» [20, л.10, 35. См. подробнее: 47, с.311–325].

Главным оказывалось субъективное предпочтение: нельзя-де сливать «Март и Октябрь в общую массу, или "глыбу", в некое поприщинское "Мартобря"» [15, с.5]¹⁴. Октябрь мог противопоставляться и «правильному» Февралю, и революции 1905–1907 гг., в противоположность трактовкам советских историков, которые, следуя Ленину, преувеличивали связь и, вследствие этого, черты сходства между революциями (1905 год – «генеральная репетиция Октября» и т.д.). Это приводило к недооценке значения экстраординарной обстановки, в какой проходил революционный процесс в 1917 г., массовых настроений, влияния фактора продолжения войны, недалёковидности власти. В эмиграции отношение к революциям имело иной оценочный знак – также с указанием на сходство, но без идеализации.

¹³ Вишняк М.В. (1883–1976) – правый эсер, юрист, в январе 1918 г. секретарь Учредительного собрания. С апреля 1919 г. в эмиграции во Франции, с 1940 г. в США. Секретарь Российского общества защиты Лиги наций, в 1920–1939 гг. соредатор журнала «Современные записки», в 1937–1939 гг. секретарь журнала «Русские записки». Сотрудничал в нью-йоркском «Социалистическом вестнике».

¹⁴ «Мартобря 86 числа» – так «датировал» одну из своих записей Поприцин, герой повести Н.В.Гоголя «Записки сумасшедшего». Февральская революция произошла в марте по новому стилю, еще не введенному тогда в России.

В.И.Вернадский, говоря в 20-е гг. об «огромных ужасных последствиях» мировой войны, ставил на первое место изменение психологии, «культ военщины» и «диктатуру полицейского государства» [12, с.109]. На это обращалось внимание и раньше, в том числе социалистами – оппонентами большевиков, считавшими себя настоящими марксистами. Они квалифицировали эволюцию идеологии и практики большевиков в сторону милитаризма как отступление от марксизма, «окопноказарменный квазисоциализм». Это, писали они, результат того, что сторонники Ленина стали опираться в первую очередь не на пролетариат, а на маргинальную часть общества – разлагающуюся армию, на анархическую стихию. Их квазисоциализм основан, утверждал Ю.О.Мартов, на подавлении личности и опрощении всей жизни. Большевики использовали всеобщую жажду мира (декрет о мире был принят на II Всероссийском съезде Советов единогласно), но они превращаются если не в солдатскую, то в рабоче-солдатскую партию с соответствующей тактикой, о чем писал бывший большевик А.Богданов [См.: 10].

Ю.О.Мартов
Париж, начало XX в.

В СССР все это не было принято подчеркивать. Лишь к 20-летию Октября вспомнили, как Ленин говорил о символической фигуре «человека с ружьем», назвали так кинофильм, но никакие обобщения, подобные приведенным выше и выводящие советский тоталитаризм из особенностей войны и революции, не допускались. Определенное осмысление этих сюжетов происходило на западном материале, в связи с антифашистской пропагандой до заключения договора с Германией 1939 г. Разумеется, исключалось при этом сопоставление «антагонистических» режимов по любым параметрам и тем более нахождение каких бы то ни было черт сходства.

По наблюдениям Н.А.Бердяева (в том числе на посещавшихся им в 1916 г. межпартийных собраниях в Москве), из Первой мировой войны вышел «новый антропологический тип, в котором уже не было доброты, расплывчатости, некоторой неопределенности очертаний прежних рус-

ских лиц». Этот тип не имел «ни малейшего сходства с лицами старой русской интеллигенции, готовившей революцию». Война «дала большевистские кадры», у которых «воля к могуществу оказалась сильнее воли к свободе» [5, с.151, 203, 211, 214, 215]. Количественные данные дополняют это наблюдение: в 1917 г. рядом с Лениным не было почти никого из его окружения в 1903 г.; большевики-руководители были гораздо более молодыми, чем, например, у кадетов; только каждый пятый имел высшее и каждый четвертый – неполное высшее образование.

Переворот или революция

Необходимость выбора между двумя обозначениями захвата власти большевиками – таков на сегодняшний день итог столетних приключений исторической памяти о революции, предмет, как ни странно, дискуссий. Но, быть может, это всецело дело вкуса – что звучит приятнее? Или идеологических предпочтений? В любом случае не обойтись без рассмотрения предлагавшихся и предлагаемых обоснований выбора.

Необходимость выбора между двумя обозначениями захвата власти большевиками – таков на сегодняшний день итог столетних приключений исторической памяти о революции,

Журнал «Еж». 1928 г.

В 1928 г. в ленинградском детском журнале «Еж» был напечатан рассказ Николая Олейникова¹⁵ «Учитель географии». Герой рассказа Иван Иванович Зуппе, преподававший в Смольном институте, заснул летаргическим сном и, проснувшись через 11 лет, никак не мог понять, где он находится. По-прежнему есть Смольный, но без благородных девиц и приятельницы-директрисы, хозяин дома – некий Жакт и т.п. В смятение приводит его ответ на вопрос, по какому случаю шествуют демонстранты с красными знаменами: «По случаю Октября. – Какого Октября? – Да Седьмого ноября». После чего «Иван Иванович побледнел и схватился за голову». Дело кончается тем, что бывшему учителю снисходительно обещают место почтальона, если он выучит новые названия городов и улиц, – «история теперь другая и география другая» [44, с.125–130].

Исходный вопрос о революции или перевороте, конечно, серьезнее вопросов Ивана Ивановича. Но стоит обратить внимание на дату пересказанного выше образца зарождавшейся публицистики для детей, рассказ отвечал моменту. Современники – и организаторы восстания в

Н.М.Олейников.
1924 г.

Петрограде, и его противники – употребляли вначале оба термина как равнозначные (впрочем, в отношении Февральской революции тоже). Зная биографию автора рассказа, можно не сомневаться, что Октябрь для него, как и для собеседников Ивана Ивановича, – событие с необратимыми результатами и постольку революция. К концу первого послеоктябрьского десятилетия новая власть, остановившись на «революции» как единственно допустимом обозначении, завершила свою легитимизацию. Выбор определило истекшее время, слово надолго превратилось в неприкосновенный фетиш.

Та же цель преследовалась изобра-

¹⁵ Олейников Н.М. (1898–1937) – писатель, журналист, математик, участник объединения ОБЕРИУ, редактор журналов «Еж» и «Чиж», организатор радиопередач для детей. Арестован по обвинению «в участии в контрреволюционном троцкистском подполье вместе с С.Я.Маршаком». После пыток расстрелян.

жением мнимого штурма Зимнего дворца в фильме С.М.Эйзенштейна «Октябрь» – в том же году. Растиражированное художниками, оно воспринималось несколькими поколениями зрителей как сумма документальных кадров. Юбилейными были по сути и «Двенадцать стульев» И.Ильфа и Е.Петрова (1928 г.), и они сатирически утверждали необратимость истории (недаром русские эмигранты, прочитавшие роман, находили его смешным, но все же большевистским). Ни Олейников, ни его друзья, выросшие после Октября, не мыслят в 1928 г. иной действительности, кроме советской, но не могут представить и все последствия Октября, которые определяют судьбу страны и их самих – поэтов-«обериутов», раньше других почувствовавших абсурдное в окружающей действительности.

Историки (не все!) решили в конце концов, что Великая российская революция, начавшись в феврале 1917 г., продолжалась до конца гражданской войны. Если формула приживется, все равно оттенок прежнего возвеличивания останется: «великая» традиционно означает в России нечто грандиозное по значению, не просто большое по размеру. Можно, несмотря на неудобство, по-прежнему называть два эпизода внутри протяженной Великой революции двумя революциями. Но можно рассматривать их и как два переворота. Ведь отдельные события в ходе Великой Французской революции не называют революциями – ни взятие Бастилии, ни свержение монархии, ни якобинский переворот, ни термидор. Никакой недооценки каждого из перечисленных эпизодов словоупотребление само по себе не содержит, как бы к этому событию ни относиться.

Отношение современников отличается от взгляда историков. Лишь в первые месяцы после Февральской революции отношение к ней как к Великой казалось единодушным [45, т.1], а далее ход событий обнаружил, что единства не было и не предвидится. Октябрьскую революцию стали называть Великой в пику Февральской. Последняя уже не была для всех великой, как вначале, но еще не забылась. В 1922 г. на Пречистенских рабочих курсах в Москве (и видимо, не только там) легально и торжественно отмечали 5-летие Февральской революции с выступлением бывшего меньшевика А.Н.Потресо́ва.

Если же исходить из того, что «революция» – это не просто смена власти, то Октябрьской революцией нужно считать, кроме восстания в Петрограде, все, что за ним последовало. Но в связи с этим возникает ряд дополнительных вопросов. В последнем обобщающем издании

заявляется сразу же, в предисловии, что «революция – это процесс, а не событие» [48, с.5]. Следовательно, то, что произошло в октябре, это событие? Но так думают не все участники издания. Центральный очерк в книге озаглавлен «Октябрьская революция», а расшифровка дефиниции начинается словами «политический переворот...». До какого хронологического и содержательного рубежа продолжалась эта фактически не «октябрьская» революция, если не возвращаться к неопределенности «десяти дней, которые потрясли мир», и «триумфального шествия советской власти»? Какой объем преобразований сюда включать? И только ли реальные перемены или также множество лишь декларированных?

Обратимся к тому, что писали по этому поводу современники за пределами Советской России. В среде эмигрантов имела хождение мечта о новой, антибольшевистской, революции, способной вернуть страну хотя бы к дооктябрьскому положению вещей. Но росло и число тех, кто больше не желал никакой революции на родине. Против стремления меньшевиков-ортодоксов облагородить само это «ужасное слово», употребляя его «на каждом шагу и по всякому поводу, не вдумываясь в его значение», возражал В.С.Войтинский¹⁶. Революция для него, в прошлом участника событий 1905 и 1917 гг., – процесс объективно неизбежный, но нежелательный. Спустя 20 лет он расшифровывал «ужасное слово» без особых эмоций, уравнивая революцию с переворотом. Это – «разрыв непрерывности», все революции «отмечают точки бурного, ускоренного движения... Отсюда и спиральность движения, и качание маятника, и пафос революционных эпох, и кровь и грязь, остающиеся за революционной колесницей» [37, с.246]. Что движение в 1917 г. было бурным, сомнений нет. Но «ускоренное» – это понимали и понимают по-разному. Войтинский, давно не большевик, не мог подразумевать здесь восхождение на более высокую ступень.

¹⁶ Войтинский В.С. (1885–1960) – социал-демократ, сначала большевик, в 1906–1907 гг. председатель Петербургского Совета безработных. С 1909 г. на каторге и в ссылке. В Сибири сблизился с меньшевиками, порвал с большевиками в 1917 г., комиссар Временного правительства на Северном фронте. С 1920 г. в эмиграции в Германии, с 1935 г. в США. Вышел из РСДРП. Работал в германских профсоюзах и в администрации Ф.Д.Рузвельта. Видный экономист и статистик.

Общий взгляд на революции, близкий взгляду Войтинского, подробно развивал П.Н.Милюков в качестве профессионального историка. Он усматривал сходство всех революций, во-первых, в неспособности старого порядка своевременно и добровольно пойти на уступки – при том, что ощущается потребность в крупных преобразованиях; во-вторых, в падении авторитета власти; в-третьих, в том, что народные страсти не могут сразу успокоиться, отсюда крайности всякой революции. Специфические черты российской революции вытекали, по его мнению, из слабости скреплявших общество связей – государственных, социальных и культурных, следствием чего явился как анархизм народа, так и максимализм интеллигенции, а также усиление сепаратистских стремлений.

В распоряжении противников Октября, предпочитавших говорить о «перевороте» (но не отказавшихся и от «революции»), было достаточно

П.Н.Милюков.
1916 г.

фактического материала, убеждающего в том, что большевикам и левым эсерам в Петрограде не понадобилось массового движения, подобного февральскому взрыву. Об этом говорили и свидетельства арестованных министров, почти синхронные событиям в Петрограде, и свидетельства победителей. Октябрь противопоставлялся Февралю не только по содержанию, но и по форме. В отличие от правомерно советского панегирического отношения к Октябрю, у эмигрантов реализация идеи «восстания как искусства», естественно, не вызывала восхищения. Но суждения, имевшие аналитический характер, тоже появились не сразу. Они проти-

востояли советским, начавшимся с мотивировки (прикрытия) большевиками своего октябрьского «выступления» необходимостью предотвратить мнимый «контрреволюционный» «заговор» Временного правительства [45, т.3].

В статье о Ленине, написанной к 15-летию Октября, Вишняк подчеркивал, что Октябрь «не был органическим процессом», он «был сделан», причем «в нарушение законов истории», «с прямым намерением направить ее, не считаясь с прошлым». Это «классический образец удачного переворота, начало нового типа "революций"», осуществляемых «ударными отрядами организованных профессионалов, – украдкой

от широкого общественного мнения, при малом участии народных масс». Столь успешному перевороту суждено было стать в последующие годы и в других странах «объектом завистливого подражания». Ключ к познанию Октября, по Вишняку, в психологии, характере, биографии Ленина, который был человеком одной идеи, одного устремления, изолированным от живой действительности [14, с.382–383, 385].

Трактовка Вишняка была не во всем верной, но главное, что он отмечал, – малое сравнительно с Февралем участие народных масс в событиях 25–26 октября в Петрограде – подтвердил специальным исследованием историк С.П.Мельгунов [См.: 36, с.109–128]. Не потому, что Ленин и большевики были изолированы от живой действительности, как думал Вишняк. Понимал, что это не так, и Вольский, он видел в Октябрьской революции и последующем периоде «восстание бедноты, стремившейся все поделить, все поравнять, равняясь на свой крайне низкий уровень жизни. Восстание степи против оазисов богатства» [67].

Если все же среди мыслящих эмигрантов стало общепризнанным, что Октябрьский переворот – дело немногочисленных групп и прежде всего Ленина и Троцкого, то понятно, почему в поле зрения долго находился вопрос, можно ли было переворот предотвратить. Почему не был осуществлен превентивный разгром большевиков? Почему Временное правительство своевременно не вывело Россию из войны, опередив большевиков? Ответ сводился к тому, что деятели, пришедшие к власти в результате Февральской революции, были не способны ввиду своей моральной природы к таким превентивным действиям, к «заговору» против вооруженного восстания большевиков, подготовку которого те не скрывали [45, т.3, с.205–207]. О «февральской демократии» как политическом классе писали, что она представляла собой «студень», состояла из людей, воспитанных на отвращении к насилию, их отличала «огромная моральная сила и полная с точки зрения государственной немощь» [64, с.10–11]. Эту немощь самокритично признавали и некоторые деятели «февральской демократии». Так, И.Г.Церетели видел ее «грех», «основную ошибку» «в неумении использовать свое положение, чтобы... разрешить проблему действенной и сильной революционной власти...» (правда, в проблеме причин «неумения» Церетели не вдавался) [28, вып.2, с.50].

Не случайно идея твердой власти не встречала отторжения и в лагере противников большевиков. В ограниченном смысле они отдавали большевикам должное: узурпаторы хотя и не сразу, но ликвидировали фактическое безвластие в стране, существовавшее при Временном правительстве, вернув государству монополию на насилие [19, л.2; 47, с.334–

336, 338–343]. В середине 20-х гг. Вернадский, развивая мысли Бердяева насчет рожденного войной антропологического типа большевика, находил, что большинство новых правителей России «ничтожно и серо», он имел в виду их невысокий в среднем культурно-образовательный уровень, что не являлось секретом. Обойтись без привлечения «спецов» большевики не могли, это Вернадский тоже знал. Но он же подчеркивал, что у большевистских вождей, в отличие от свергнутых ими «временных», имелись качества, позволившие им удержать власть: «воля и энергия работы, моральная беспринципность и жестокость» [12, с.112–113].

И Нина Берберова, лично расположенная к эмигранту А.Ф.Керенскому, полшутя упрекнула его в том, что, будучи премьером, он не держал «на ночном столике» сочинения Макиавелли, – не в пример разным, но успешным политическим лидерам XIX и XX вв. [3, с.350, 364]. Марк Алданов усматривал «рок 1917 года» в том, что «политическая необходимость была психологической невозможностью». Деятели, стоявшие у власти после Февраля, не могли позволить себе заключить мир, а не заключив мир, не удалось бы и «при более счастливых стечении обстоятельств» «спасти свободный строй» [65, л.3].

Те из эмигрантов, кто приближался к пониманию событий 1917 г., были противниками новой революции в СССР как стихийного процесса и новой полосы анархии. Тем более недопустимым считали они делать ставку на внешнюю интервенцию. До определенного момента они возлагали надежды на победу в борьбе внутри ВКП(б) «здорового начала над нездоровым и глупым» [53, с.112–113]. Осмысленным опытом 1917 г. и гражданской войны была продиктована и критика деятельности Троцкого после высылки за границу, его призывов (совпадавших с призывами и тактикой Ленина) к повторению во всем мире русского опыта – к «перманентной» революции и к «мировому пожару», который, считали критики, грозит «спалить всю цивилизацию» [21, л.16 и об.]. Имелась в виду открытая проповедь Троцкого, а не «признания» подсудимых – мнимых троцкистов, террористов и агентов всевозможных разведок на инсценированных процессах 30-х гг.¹⁷. В эмиграции, в отличие от Советского Союза, изолированного от внешнего мира, обвине-

¹⁷ *Воскрешение в наши дни фальсификаций периода «большого террора», очевидно, не является результатом неосведомленности или невежества, раз демонстративно игнорируются все давно доступные документы о том, как организовывался террор, о фабрикации «дел» и реабилитации после смерти Сталина осужденных.*

ния, основанные на «признаниях» «врагов народа», считали, как правило, неправдоподобными.

(Окончание следует)

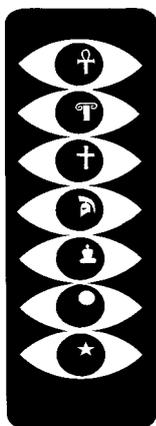
Библиографический список

1. А[брамович] Р. Памяти Е.Д.Кусковой // Социалистический вестник. Нью-Йорк, 1959. №1.
2. Анциферов Н.П. Из дум о былом: Воспоминания / Вступ. ст., сост., примеч. и аннотир. ук. имен А.И.Добкина. М.: Феникс: Культурная инициатива, 1992. 512 с.
3. Берберова Н. Курсив мой: Автобиография / Вступ. ст. Е.В.Витковского; коммент. В.П.Кочетова, Г.И.Мосешвили. М.: Согласие, 1996. 736 с.
4. Бердяев Н.А. Русская идея // О России и русской философской культуре: Философы русского послеоктябрьского зарубежья: Сборник / Сост. М.А.Маслин; отв.ред. член-корр АН СССР Е.М.Чехарин; вступ.ст. М.А.Маслина, А.Л.Андреева. М.: Наука, 1990. С.43–271.
5. Бердяев Н. Самопознание (опыт философской автобиографии) / Подготов. к изд. А.В.Вадимова. М.: Междунар. отношения, 1990. 336 с.
6. Березовая Л.Г. Серебряный век // Россия в 1905–1907 гг.: Энциклопедия / Отв. ред. В.В.Журавлев. М.: Полит. энциклопедия, 2016. С.924–930.
7. Берлин П.А. Русская буржуазия в старое и новое время. М.: Книга, 1922. 308 с.
8. Блок А. Последние дни императорской власти / Сост. С.С.Лесневский, З.И.Перегудова. М.: Прогресс-Плеяда, 2012. 560 с.
9. Блок А. Собрание сочинений в 8 т. / Под общ.ред. В.Н. Орлова. Т.1. Стихотворения. 1897–1904. М.; Л.: Гослитиздат, 1960. 716 с.; Т.3. Стихотворения и поэмы. 1907–1921. М.; Л.: Гослитиздат, 1960. 716 с.; Т. 8. Письма. 1898-1921. М.; Л.: Гослитиздат, 1963. 771 с.
10. Богданов А. Вопросы социализма: Работы разных лет. М.: Политиздат, 1990. 477 с.
11. Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г. Война, породившая революцию. Россия, 1914–1917 гг. М.: Новый Хронограф, 2015. 720 с.
12. «Важно содержание: свобода слова, мысли, веры». Из дневников В.И.Вернадского 1922–1925 гг. / Публ. В.П.Волкова // Исторический архив. 1996. №5–6. С.106–117.
13. Валентинов Н. (Вольский Н.). Два года с символистами / Предисл. и примеч. Г.Струве. М.: XXI век – Согласие, 2000. 384 с.
14. Вишняк М.В. Бескорыстный Герострат // Современные записки. Париж, 1932. №50. С.381–394.
15. Вишняк М.В. Два пути (Февраль и Октябрь). Париж: Annales contemporaines, 1931. 287 с.
16. Вишняк М. Ленин и Чернышевский, ленинизм и народничество // Социалистический вестник. 1959. №8–9.
17. Волошин М. Избранное: Стихотворения. Воспоминания. Переписка / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. З.Давыдова и В.Купченко. Минск: Мастацкая літаратура, 1993. 479 с.
18. Голицын В.М. Дневник 1917-1918 годов. М.: Захаров, 2008. 368 с.
19. Государственный архив Российской Федерации (далее ГА РФ). Ф.10015. Оп.1. Д.192.
20. ГА РФ. Ф. Р-5865. Оп.1. Д.105.
21. ГА РФ. Ф. Р-5865. Оп.1. Д.113.

22. ГА РФ. Ф. Р-5913. Оп.1. Д.27.
23. Гладков А.К. Театр: Воспоминания и размышления / Предисл. И.Ильинского; Послесл. А.Мацкина. М.: Искусство, 1980. 463 с.
24. Гуревич П.С. Мистика как культурная традиция // *Общественные науки и современность*. 1994. №5. С.136–145.
25. Дневники императора Николая II / общ. ред. и предисл. К.Ф.Шацилло. М.: Orbita, 1991. 736 с.
26. Дурново П.Н. Записка [февраль 1914 г.] // *Красная новь*. 1922. №6(10). С.178–199.
27. Из архива Л.О.Дан / Сост., примеч., очерк биограф. Б.Сапир. Amsterdam: Stichting Intern. Inst. voor Sociale Geschiedenis, 1987. 209 с.
28. Из архива Б.И.Николаевского. Переписка с И.Г.Церетели 1923–1958 гг. / Отв. ред. А.П.Ненароков. Вып. 1: Письма 1923–1930 гг. М.: Памятники исторической мысли, 2010. 517 с. Вып.2: Письма 1931–1958 гг. М., 2012. 524 с.
29. Из глубины. Сборник статей о русской революции / Предисл. М.А.Колерова, Н.С.Плотникова. М.: Изд-во МГУ, 1990. 298 с.
30. Измозик В.С., Павлов Б.В. Великий князь Николай Михайлович // *Из глубины времен: Альманах*. СПб., 1994. №3. С.123–131.
31. Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. Т.IX. Материалы разных лет / Под ред. В.Л.Янина. Послесл. и коммент. Р.А.Киреевой. М.: Мысль, 1990. 525 с.
32. Кнабе Г. Вторая память Мнемозины // *Вопросы литературы*. 2004. №1. С.3–24.
33. Ковалев М. Между политикой и идеологией: метаморфозы исторической памяти русской эмиграции 1920–1940 годов // *Россия XXI*. 2012. №3. С.120–149.
34. Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия: История и культурно-просветительская работа русского зарубежья за полвека (1920–1970). Paris: Libr. des cinq continents, 1971. 347 с.
35. Краузе Ф. Письма с Первой мировой (1914–1917) / Отв. ред. Л.А.Булгакова. СПб.: Нестор-История, 2017. 544 с.
36. Мельгунов С.П. Осада Зимнего дворца / Вступит. ст. Ю.Н.Емельянова // *Вопросы истории*. 1993. №1. С.109–128.
37. Ненароков А.П. В поисках жанра. Записки архивиста с документами, комментариями, фотографиями и посвящениями. В 2 кн. Кн.2: Свеча в доме. М.: Новый хронограф, 2009. 360 с.
38. Пастернак Б. Поль Верлен // *Верлен П. Лирика*. М.: Худож. лит-ра, 1969. 190 с.
39. Первая мировая война в оценке современников: власть и российское общество. 1914–1918 гг. В 4 т. М.: Полит. энциклопедия (РОССПЭН), 2014.
40. Потресов А.Н. Рубикон. 1917–1918. Публицистика / Ред.-сост. Р.М.Гайнуллина, А.П.Ненароков, И.С.Розенталь. М.: Полит. энциклопедия (РОССПЭН), 2016. 576 с.
41. Пришвин М.М. Дневники / Сост., предисл. и комм. Ю.А.Козловского. М.: Правда, 1990. 480 с.
42. Протоколы Центрального комитета и заграничных групп Конституционно-демократической партии. 1905 – середина 1930-х гг.. В 6 т. Т.2: Протоколы Центрального комитета Конституционно-демократической партии, 1912–1914 гг. / Сост. Д.Б.Павлов. М.: Прогресс-академия, 1997. 518 с.
43. Рассадин С. Книга прощаний: Воспоминания о друзьях и не только о них. М.: Текст, 2004. 429 с.
44. Рахтанов И. Рассказы по памяти. М.: Детская литература, 1971. 224 с.
45. Революция 1917 года глазами современников. В 3 т. М.: Полит. энциклопедия, 2017. Т.1: январь–май / Ред.-сост. и авт. предисл. В.В.Шелохаев. 351 с.; Т.2: июнь–

О ТЕНДЕНЦИЯХ ОСМЫСЛЕНИЯ I МИРОВОЙ ВОЙНЫ, РЕВОЛЮЦИИ И БОЛЬШЕВИЗМА

- сентябрь / Ред.-сост. А.П.Ненароков. 590 с.; Т.3: октябрь 1917 г. – январь 1918 г. / Ред.-сост. В.В.Журавлев. 663 с.
46. Розенталь И.С. Москва на перепутье: Власть и общество в 1905–1914 гг. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 256 с.
47. Розенталь И.С. Н.Валентинов и другие. XX век глазами современников. М.: Новый Хронограф, 2015. 536 с.
48. Россия в 1917 году: Энциклопедия / Отв. ред. А.К.Сорокин. М.: Полит. энциклопедия, 2017. 1095 с.
49. Семигин В.Л. «Отцы» и «дети» русской литературы // Очерки русской культуры. Конец XIX – начало XX века. Т.3: Художественная жизнь. М.: Полит. энциклопедия, 2016. С.23–137.
50. «Совершенно лично и доверительно!». Б.А.Бахметев – В.А.Маклаков. Переписка 1919–1951. В 3 т. / Общ.ред., вступ.ст., коммент. О.В.Будницкого; предисл. Т.Эммонса. М.: Росс. полит. энциклопедия (РОССПЭН); Стэнфорд: Изд-во Гувер. ин-та, 2001–2002. Т.1: Август 1919 – сентябрь 1921. М.: Росс. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 2001. 568 с.
51. Соловьев К.А. Политическая культура // Очерки русской культуры. Конец XIX – начало XX века. Т.2: Власть. Общество. Культура. М.: Издательство Московского университета, 2011. С.74–160.
52. Соловьев К.А. Хозяин земли русской? Самодержавие и бюрократия в эпоху модерна. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 296 с.
53. Спор о России: В.А.Маклаков – В.В.Шульгин. Переписка 1919–1939 гг. / Сост., автор вступ. ст. и примеч. О.В.Будницкий. М.: Росс. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 2012. 439 с.
54. Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. 2 изд., доп. СПб.: Алетей, 2000. 644 с.
55. Степун Ф. Мысли о России // Новый мир. 1991. №6.
56. Федотов Г. Революция идет // Современные записки. 1929. №39.
57. Хин-Гольдовская Р.М. Из дневников 1913–1917 / Предисл. и публ. Е.Б.Коркиной, примеч. А.И.Добкина // Минувшее: ист. альманах. Т.21. М.; СПб.: Atheneum-Феникс, 1997. С.521–596.
58. Человек в истории / Улицкая Л. и др. М.: АСТ, 2018. 384 с.
59. Чуковская Л.К. Памяти детства. Мой отец – Корней Чуковский. М.: Время, 2007. 288 с.
60. Чуковский К.И. Дневник. В 3 т. / Сост., подгот. текста, коммент. Е.Чуковской. М.: ПРОЗАИК, 2012. Т.1: 1901–1921. 590 с. Т.3. 1936–1969. 640 с.
61. Шварц Е.Л. Позвонки минувших дней / Предисл. С.Лурье, сост. и примеч. Г.Евграфова. М.: ПРОЗАИК, 2014. 591 с.
62. Шенталинский В. Донос на Сократа. М.: Формика-С, 2001. 461 с.
63. Юрьевский Е. Год семнадцатый // Социалистический вестник. Нью-Йорк, 1953. №10–11.
64. Юрьевский Е. О третьей пятилетке // Русские записки. Париж, 1939. №16.
65. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Library and Archives (далее НИА). N.Valentinov Papers. Box 1. Folder 16. Письмо М.А.Алданова Н.В.Вольскому от 6 августа 1954 г.
66. НИА. N.Valentinov Papers. Box 2. Folder 17. Письма Н.Валентинова Л.Хеймсону от 23 января и 7 марта 1961 г.
67. НИА. N.Valentinov Papers. Box 7. Folder 10. Валентинов Н. Довоенная в царское время индустриализация России, ее уровень и основные проблемы.

Кирилл Юдин

**«ВРЕДИТЕЛЬСТВО» НА
ОБЪЕКТАХ ВОЕННОЙ
ПРОМЫШЛЕННОСТИ
СССР
(КОНЕЦ 1920 – НАЧАЛО 1940
ГОДОВ)**

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК

94(47) "1920–1940"

Статья продолжает традиции изучения политического контроля, технологий и механизмов власти, административных приемов и стратегий, использовавшихся сталинским режимом в 1920–1940-е гг. Автор сфокусировал внимание на определенном аспекте – «правом оппортунизме», который рассматривается как государственно-политическое преступление и универсальная идеология, позволявшая осуществлять информационно-когнитивную «диверсию», сегрегацию общества на «своих» и «чужих». Анализируется генезис, сущность этого феномена в политическом дискурсе и историографии, а также деятельность специализированных структур по борьбе с одним из проявлений «правого оппортунизма» – «вредительством» на объектах военной промышленности. По итогам исследования делается вывод о том, что «антивредительская» кампания и применявшиеся в рамках ее методы контрольно-репрессивного давления в их совокупности можно рассматривать как политико-технологический, операциональный и идейно-методологический фундамент сталинской диктатуры и системы управления советским государством.

The article continues the tradition of studying political control, technology and mechanisms of power, administrative methods and strategies used by the Stalinist regime in the 1920s – 1940s. The author focused on a certain aspect – «right opportunism», which is regarded as a state-political crime and a universal ideology that allowed to carry out information-cognitive «diversion», segregation of the society into «one's own» and «others». The genesis, the essence of this phenomenon in political discourse and historiography, as well as the activity of specialized structures to combat one of the manifestations of "right opportunism" – «wrecking» on the objects of the military industry. According to the results of the research, it is concluded that the «anti-damaging» campaign and the control-repressive measures applied in its methods can be viewed as a political-technological, operational and ideological-methodological foundation of the Stalinist dictatorship and the system of governance of the Soviet state.

Ключевые слова: политический контроль, государственная безопасность, «правый оппортунизм», «вредительство», военная промышленность, сталинская диктатура, репрессии.

Key words: political control, state security, «right opportunism», «sabotage», the military industry, stalinist dictatorship, repression.

E-mail: kirill-yudin.hist@mail.ru

Важнейшим системным атрибутом тоталитарных политических режимов, особенно левого, прогрессистско-мобилизационного типа [26], к которому принадлежала и советская/коммунистическая государственность, являлась идеологическая сегрегация общества на «своих» и «чужих». Эта онтологически-конструктивистская установка предполагала выработку четких и в то же время максимально универсальных критериев, позволявших осуществлять верификацию «девиантного» в контексте принятого идейно-политического дискурса поведения с итоговой индексацией «степени враждебности».

К числу таких «экспертных» идеологом, отражавших фактически принятую сталинской идеократической юстицией *презумпцию виновности* (здесь и далее курсив наш. – К.Ю.), относилось и понятие о «*правом оппортунизме*» как масштабном и открытом проявлении «уклона» от «генеральной линии партии» с такой же модальностью. В интегральном выражении все это было возведено в 1920 – начале 1950-х гг. в ранг ведущего государственно-политического преступления. Его особый статус признавался и в поздней советской историографии [22], сохранявшей вплоть до перестроечного периода стандартные концептуальные гипостазы, связанные с «диалектикой» «классовой борьбы». На конкретно-историческом этапе, как отмечал Ф.М.Ваганов, «правый уклон» являлся <...> главной опасностью для судеб социалистической революции и социализма в нашей стране. Вопрос стоял так: либо партия будет и дальше идти по пути, указанному В.И.Лениным, либо *правым оппортунистам* удастся свернуть с этой единственной верной дороги и направить развитие нашей страны в сторону от социализма, что привело бы к нарастанию условий для возврата капитализма» [5, с.4].

По существу, все это являлось вполне соответствующим периоду «брежневского умиротворения» перефразированием с элементами прямой реконцептуализации воззрений И.В.Сталина. Последний уже в 1928–1929 гг. в ходе сбора компрометирующих материалов, а затем и непосредственного инспирирования публичного показательного процесса по т.н. «Шахтинскому делу», а также информационно-политической атаки против Н.И.Бухарина, А.И.Рыкова и М.П.Томского, объявленных главными «правоуклонистами», рассматривал *правый оппортунизм* как прямой путь к «реставрации капитализма». Призвав к решительной борьбе с «правым уклоном и примиренчеством» во всех их проявлениях, Сталин подчеркивал, что «вредительство буржуазной интеллигенции есть *одна из самых опасных* форм сопротивления против развивающегося социализма» [14, с.372, 387–388, 431]. А на XVII

съезде ВКП(б), состоявшемся в январе – феврале 1934 г., кремлевский диктатор еще раз после 1926 г. [15, т.8, с.8] признал фактическое тождество обоих «уклонов»: правого уклона и «левого загиба», – заключавшееся в зеркальном, взаимообратном политическом камуфляже. «Мы всегда заявляли, – говорил он, – что "левые" – это те же правые, маскирующие свою правизну левыми фразами» [18, с.32].

В дальнейшем идеологическая экспрессия неоднократно усиливалась и модифицировалась с учетом текущих требований конъюнктуры, конкретных кампаний/процессов и их агитационно-пропагандистского обеспечения [1], достигнув известного предела на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 г. Выступая на пленуме, И.В.Сталин в своем докладе обозначил шесть «гнилых теорий» о «затухании классовой борьбы», все из которых фактически сводились к различным формам противодействия «социалистическому строительству», т.е. *правому оппортунизму*, наблюдавшемуся со стороны «осколков разбитых эксплуататорских классов», под которыми в данном случае понимались еще не «разоружившиеся» и не разоблаченные «двурушники» с партбилетом из партийно-советского аппарата [9, с.104–107].

Таким образом, к середине 1930-х гг. *правый оппортунизм* превратился в ведущее политическое преступление с самым разнообразным спектром форм «виновности» и потенциальных адресатов, которым они инкриминировались, начиная от «антисоветского скептицизма» – «неверия в дело строительства социализма» и «внутренние силы партии», что приводило к «ликвидаторству и перерождению» [15, т.8, с.75; т.7, с.164, 167, 169], и заканчивая открытыми проявлениями враждебности, связанной с «саботажем», «вредительством» и всем, что уже с 1920-х гг. в уголовном законодательстве относилось к экономической и другим разновидностям «контрреволюции», предусмотренным статьей 58 УК РСФСР [20, с.35–43].

На рубеже десятилетий, 1920–30-х гг., и в течение всего довоенного периода времени, когда происходило утверждение сталинской диктатуры, одним из главных направлений деятельности контрольно-репрессивного аппарата стала борьба с таким проявлением *правого оппортунизма*, как *вредительство*. Образ вредителя как в восприятии сталинского руководства, так и в медиативном выражении постепенно «эволюционировал» от уклониста и саботажника – старого «спеца», использующего свое техническое превосходство для дезорганизации «социалистического строительства», – до троцкиста-террориста, подрывного элемента, представителя «оголтелой и беспринципной банды

вредителей, диверсантов, шпионов и убийц, действующих по заданиям разведывательных органов иностранных государств» [9, с.98].

Особый размах приобрела кампания по выявлению «вредителей», *правых оппортунистов-«практиков»*, на стратегических объектах военной промышленности, которые в преддверии ожидаемого конфликта со странами Запада рассматривались как главный плацдарм «контрреволюционной активности» внутренней «пятой колонны», вынашивающей планы «реставрации капитализма» в СССР.

Первой крупной операцией после «Шахтинского процесса», компрометирующие материалы для обеспечения которой интенсивно собирались по линии двух ведомств: ОГПУ и наркомата Рабоче-крестьянской инспекции (НК РКИ), – стало дело о «заговоре» в самом сердце стратегической отрасли – Главном военно-промышленном управлении (ГВПУ), под протекторатом которого находилось около десятка ведущих специализированных заводов по производству вооружения: Тульский, Пензенский трубочный, Ленинградский трубочный, Мотовилихинский и завод «Большевик». В обвинительном заключении, утвержденном Г.Г.Ягодой 17 июля 1929 г., сообщалось о том, что органами ОГПУ была раскрыта «одна из самых мощных антисоветских группировок, существовавших с момента Октябрьской революции, – контрреволюционная вредительская организация», возникшая в годы гражданской войны в недрах Центрального правления артиллерийских заводов (ЦЕПАЗа) и охватывавшая не толь-

Плакат «Контрреволюционер вредитель». В.Н.Дени

ко ГВПУ, но абсолютно все институциональные компоненты – тресты и предприятия военной промышленности СССР [11, с.119].

Лидером «вредительской организации» был признан бывший генерал, военный инженер и теоретик [6], выпускник Михайловской артиллерийской академии, председатель ЦЕПАЗа, заместитель председателя Совета военной промышленности, помощник начальника ГВПУ В.С.Михайлов (1875–1929), который уже в мае 1928 г. начал давать «признательные показания», подтвердив «проницательность» генеральной линии партии в выявлении соучастников – активистов, составлявших руководящее «контрреволюционное ядро». В него входили член правления Орудийно-арсенального треста Н.Г.Высочанский, член правления Патронно-трубочного треста В.Л.Дымман, член правления Все-союзного треста снаряжения и взрывчатых веществ В.Н.Деханов и старший инженер научно-технического совета (НТС) Ружейно-пулеметного треста (РУЖ) Н.В.Шульга. [17, с.377].

Судя по архивным документам, «дело Михайлова» тщательно готовилось на протяжении двух лет, начиная с 1926 г. Первичный задел был осуществлен спецкомиссией Политбюро ЦК ВКП(б) в составе М.П.Томского, К.Е.Ворошилова и В.В.Куйбышева, а затем процесс расследования форсирован И.В.Сталиным, предпринявшим решительное наступление на «правых оппортунистов». После докладных записок, составленных в начале мая 1928 г. по линии ОГПУ Г.Г.Ягодой, а по линии РКИ начальником Военно-морской инспекции И.П.Павлуновским, Сталин заявил о необходимости срочного рассмотрения на Политбюро этого «очень серьезного и спешного дела» [11, с.50].

Узнавший об инициированной «сверху» репрессивной атаке и уже запущенном следствии против ведущих специалистов его ведомства, начальник ГВПУ А.Ф.Толоконцев попытался опровергнуть претензии, предъявленные военным инженерам со стороны ОГПУ и РКИ. В двух письмах на имя И.В.Сталина в марте и апреле 1929 г. он указывал на искусственный и механистически предустановленный характер обвинений в адрес В.С.Михайлова и др. военных инженеров, связанных с фальсификациями отчетности и умышленным избыточным расходованием и «распылением» средств. Толоконцев убедительно доказывал, что 270 млн. рублей, признанные «преступными тратами» и неправомерно запрошенными со стороны ГВПУ у правительства, на самом деле представляют собой предельно обоснованный и к тому же не только санкционированный РКИ и Президиумом ВСНХ, но и увеличенный до

300 млн. руб. общий сметный прогноз по финансированию. Кроме того, начальник ГВПУ выражал полную уверенность в политической благонадежности своих сотрудников. «Из доклада т. Ягоды, – писал он, – остается то, что инженеры собираются на квартирах, ругают отдельных работников советской власти и партии. Это вполне возможно, но что они обсуждают и предрешают вопросы обороны и оформляют их в коллегии ГВПУ, это неверно. Не менее 80–90% всех постановлений коллегии ГВПУ по протоколам формулируются мною или моими помощниками-партийцами» [11, с.17–18].

Однако это все мало интересовало сталинское руководство, исповедовавшее непреклонную идеологическую телеологию, заключающуюся в данном случае в конкретном информационно-когнитивном эффекте *«тотального правооппортунистического заговора»* – именно так была представлена деятельность антисоветской монархической «касты» военных инженеров, направленная на «систематическое торможение» военной промышленности до ее полной дезорганизации путем комплексного, в полном соответствии со структурой военпрома, технического вредительства, а также организации диверсий и даже террористических актов против членов партии и правительства, планируемых по заданиям польской, немецкой разведок и французского генштаба [11, с.60, 194–201, 205].

Судьба членов «контрреволюционной вредительской организации» решилась летом 1929 г. Всего по делу проходило 90 человек. В.С.Михайлов, Н.Г.Высочанский, В.Л.Дымман, В.Н.Деханов, Н.В.Шульга были приговорены к расстрелу, остальные – к заключению в концентрационные лагеря на разные сроки. «Дело Михайлова» можно рассматривать как первый значительный после Шахтинского процесса эпизод – фактор, после которого, как верно отметил С.А.Красильников, «феномен "вредительства" стал беспримысленным орудием в руках сталинской группировки для дискредитации *правых*» [8, с.50].

25 февраля 1930 г. на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) был утвержден признанный особо секретным документом проект резолюции «О ходе ликвидации вредительства на предприятиях военной промышленности». В нем, помимо «типовых» инструкций по комплексной мобилизации всех структур и их руководителей на восстановление нанесенного «ущерба» от деятельности «правых диверсантов» и усиление «политической бдительности», специализированным структурам – ОГПУ и ЦКК – предоставлялись дополнительные «чрезвычайные полномочия», связанные с постоянным присутствием на заводах представителей этих

Плакат «Ставка интервентов бита!». В.Н.Дени. 1931 г.

ведомств. «ЦК предупреждает, – говорилось в резолюции, – всех работников военной промышленности, что впредь все лица, оказывающие своими действиями сопротивление мероприятиям ОГПУ по ликвидации последствий вредительства, будут привлекаться к судебной ответственности» [17, с.431]. Тем самым объединенному наркомату Рабоче-крестьянской инспекции (НК РКИ) и существовавшей при нем «руководящей фракции» – Центральной контрольной комиссии (ЦКК) – вместе с ОГПУ давался очередной «карт-бланш» на осуществление опера-

тивно-розыскной деятельности по выявлению врагов государства.

1 августа 1933 г. зам. пред. ОГПУ Г.Г.Ягода и начальник Экономического управления (ЭКУ) ОГПУ Л.Г.Миронов представили И.В.Сталину объемную докладную записку, в которой сообщали о раскрытии еще одной масштабной, на этот раз – в оружейно-арсенальной промышленности – «контрреволюционной вредительской и шпионской организации», состоявшей из «немецких национал-социалистов» и бывших царских офицеров во главе с еще одним (по трагикомичному совпадению фамилий) генералом А.И.Михайловым, поставившей целью подрыв боеспособности Красной армии, дезорганизацию производства для «возможного переворота и установления в России *военной фашистской диктатуры*» [11, с.357, 377].

Через год, в марте 1934 г., Г.Г.Ягода, докладывая Сталину о завершении следствия по делу вышеупомянутой «к-р. организации», ее «филиалов», одновременно сообщал о новой волне «шпионажа и вредительства», всплески которых были обнаружены на Тульском оружейном заводе, где якобы действовала «к-р. группа, занимавшаяся шпионской деятельностью по заданию чехословацких разведывательных органов и чехословацкой фирмы "Шкода"». [11, с.408]. В июле 1934 г. было опубликовано обращение ЦК ВКП(б) «Об усилении бдительности на военных заводах», в котором говорилось, что «хозяйственные и партийные руководители наших заводов страдают нетерпимой беспечностью и отсутствием бдительности и не поняли до сих пор, что *опасность войны* есть *совершенно реальная вещь* и первый удар врага направляется и будет направляться на наши военные заводы» [11, с.409]. Тем самым вновь напоминалось об угрозе со стороны «капиталистического окружения», а курс на усиление «политической бдительности» презентовался как необходимость ответа на «вызовы» извне, обусловленные геополитической нестабильностью.

После убийства 1 декабря 1934 г. секретаря Ленинградской партийной организации, одного из ведущих представителей советской политической элиты С.М.Кирова, начался новый этап массовых «разоблачений». На волне запущенного в начале следующего, 1935, года так называемого «кремлевского дела», кампании по проверке и обмену партийных документов, а также серии «московских процессов» 1936–1938 гг. интенсифицировался поиск «контрреволюционных элементов» и на предприятиях военной промышленности.

С осени 1936 г., вскоре после первого жестокого «политического аутодафе», сопровождавшегося медиативным эффектом, связанным с распространением информации о неимоверной опасности, исходившей от фигурантов «антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра» и их «последышей», Н.И.Ежов уже в качестве наркома внутренних дел начал регулярно докладывать Сталину об «успехах» своего ведомства в деле выявления многочисленных «филиалов» «антисоветских организаций», что требовалось для создания картины широкомасштабного заговора. 17 ноября 1936 г. в служебной записке Н.И.Ежов сообщал о том, что управлением НКВД СССР по Азово-Черноморскому краю была вскрыта и ликвидирована «контрреволюционная фашистско-вредительская организация» на снарядном заводе №65 в г. Таганроге, которую возглавлял технический директор завода К.Н.Афонин, вдохновлявший еще 6 человек на «правоопportunистиче-

ские злодеяния», заключавшиеся в «умышленном неправильном планировании производства и искусственном увеличении себестоимости выпущенной продукции». [11, с.414–415].

К концу 1937 г. было завершено «следствие» по делу «контрреволюционной вредительской организации» на оружейном заводе «Большевик» в Ленинграде, ответственность за «подрывную деятельность» которой, вместе с обнаруженной на несколько месяцев ранее «диверсионно-вредительской организацией» на торпедном заводе №181, целиком и полностью возлагалась на «троцкистско-зиновьевский центр» [11, с.431, 527]. В ноябре 1937 г. временно исполняющий обязанности руководителя военной группы Комиссии партийного контроля (КПК) при ЦК ВКП(б) Вишневецкий сообщал о том, что в результате проведенного «вредительства» в танковой промышленности ее руководство пребывает в состоянии полной административно-политической и психологической дезориентации, в которую она оказалась ввергнута после того, как «вскрылось», что единственная опытная база советского танкостроения, завод №185 им. С.М.Кирова, «находился в руках контрреволюционеров, троцкистов и вредителей – агентов иностранных разведок, свивших гнездо под покровительством директора завода Барыкова» [11, с.518].

Весьма колоритной, репрезентативно показывающей, что многие партийные работники превосходно усвоили сталинский стиль и поведенческую стратегию, заключавшуюся в демонстрации политической благонадежности, реактивности в нужной модальности, позволяющей сигнализировать не только о «врагах», но и о реальных проблемах, в том числе и локальной бюрократической инертности и бесхозяйственности, обратить внимание на которые можно было только таким способом, была докладная записка, содержащая хронику «правого оппортунизма», «вредительства» на оборонных предприятиях г. Дзержинска. Как заявляли ее авторы, Ингберман и Равич, «вредительская банда японо-немецких, троцкистско-бухаринско-рыковских агентов вела строительство оборонных заводов с таким расчетом, чтобы к моменту войны не иметь ни одного законченного завода». При этом основной ущерб, как считали спешившие проявить «политическую бдительность» коммунисты, был нанесен «троцкистско-зиновьевско-пятаковской бандой» [11, с.567] в сфере водоснабжения и канализации, которая, в действительности, приходила в упадок в течение не одного десятилетия.

Все это можно считать наглядной иллюстрацией всеобъемлющей политизации повседневности, ее эффективности как метода контроля,

«онтологической режиссуры» и конструирования реальности, подчиненной целям утверждения сталинской диктатуры.

Одной из высших точек, пиком антивредительской кампании 1930-х гг. как непрерывного процесса искоренения «правого оппортунизма» в военной промышленности (если не причислять к этой тематической категории репрессии, кадровые «чистки» в армии, «дело Тухачевского» и других военачальников, что традиционно рассматривается в отдельном ракурсе [7; 13]) стал арест наркома оборонной промышленности М.Л.Рухимовича. В ходе допроса с пристрастием, произведенного сотрудниками ГУГБ НКВД Даганским и Мешиком за месяц до третьего «московского процесса» по делу «антисоветского правотроцкистского блока», в феврале 1938 г. Рухимович не только осуществил акт «саморазоблачения», представив подробнейший отчет о своей «подрывной деятельности» и ведущей роли как вдохновителя и организатора «правого террора», но и предоставил показания на других участников «антисоветского центра правых» и его структурных подразделений – национально-территориальных формирований. В числе главных «террористов-заговорщиков» оказались В.И.Межлаук, объявленный лидером «антисоветской организации» в Госплане, бывший нарком РКИ и председатель ЦКК Я.Э.Рудзутак, которые вместе с К.Я.Бауманом, Я.И.Алкнисом были объявлены членами «латышской организации национально-фашистского типа», связанной с латышской и германской разведками [11, с.586].

Наконец, последней, но не менее мощной, чем все остальные, контрольно-ревизионной «волной», накрывшей промышленные объекты, еще не успевшие оправиться после жесткого мониторинга, протекавшего в рамках «ликвидации последствий вредительства» под эгидой нового наркома оборонной промышленности М.М.Кагановича, стало широкомасштабное расследование причин аварии на пороховом заводе №9 в г. Шостка 26 сентября 1940 г. На данном объекте произошло серьезное происшествие – взрыв боеприпасов, повлекший за собой пожар, унесший жизни 15 человек [11, с.687].

Судя по всему, подлинными причинами этого стало нарушение условий хранения особой продукции (мешков с порохом), что привело к их воспламенению. Однако, как в других аналогичных случаях, сталинское руководство не собиралось ограничиваться лишь только уголовным преследованием и наказанием за халатность. «Дело завода №9» было поручено взять под личный контроль одному из наиболее верных и исполнительных функционеров, входивших в ближайшее окружение

Сталина, Л.З.Мехлису, возглавившему в сентябре 1940 г. наркомат государственного контроля. По линии этого ведомства совместно с НКВД в октябре – декабре 1940 г. проводилась проверка аппарата управления Народного комиссариата боеприпасов (НКБ), где незамедлительно был обнаружен «вредительский контрреволюционный актив» в составе начальника 2-го главного управления НКБ Б.А.Ефремова, главного инженера А.Ф.Черняева и члена технического совета А.Ф.Сидоры, которым вменялся в вину срыв выпуска деталей к авиадвигателям [11, с.660]. Было отстранено от работы и привлечено к судебной ответственности за «антигосударственную практику» все руководство завода им. Свердлова №80 в г. Дзержинске [11, с.656–659].

В январе 1941 г. зам. наркома внутренних дел В.Н.Меркулов и начальник Главного экономического управления НКВД СССР Б.З.Кобулов направили на имя И.В.Сталина итоговую служебную записку, в которой сообщали о том, что авария на заводе в г. Шостка стала результатом деятельности «антисоветской группы», созданной директором завода Л.П.Ивановым и главным инженером Г.Е.Коршиным. Арестованные показали, что «ими систематически нарушался технологический регламент изготовления порохов, вследствие чего пороха производились нестойкие и с плохими баллистическими данными» [11, с.701].

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

Вся военная промышленность, инженерно-технические кадры пребывали в состоянии непрерывного психополитического давления, находились в предельно уязвимом положении, при котором изнурительная трудовая и общая социальная мобилизация усугублялась контрольно-репрессивными атаками, которые носили крайне иррациональный характер, принимали вид «интервенций без правил» [21, с.8], что выражалось в предъявлении необоснованных претензий к работникам военного прома, в большинстве своем добросовестно исполнявшим служебный долг и обязанности.

Проводились не только форсированная индексация степени враждебности, исходящей от *правого оппортунизма* как универсального государственно-политического преступления, распространявшегося и на «чужих левых» – троцкистов и др. категории, но и последовательная дискредитация консервативной идеологии как таковой, неправомерно отождествляющейся лишь с частными политическими формами и экспериментами: фашизмом, национал-социализмом. Проблема не только терминологической демаркации, но и идейной атрибуции правой идео-

логии при длительном господстве и «априорной истинности» левых установок и приоритетов до сих пор остается в значительной степени не проясненной или продолжает подвергаться конъюнктурным искажениям и достаточно вольным дискурсивным интерпретациям [24].

В «антивредительских» кампаниях явственным образом прослеживался циничный прагматизм сталинского режима, связанный с принудительной трудовой мобилизацией и эксплуатацией населения страны. Так, многие фигуранты: активные «шпионы» и «вредители» из оружейно-арсенальной «к-р. организации» были «помилованы» – получили 10 лет ИТЛ за интенсификацию темпов технических разработок и выполнение конкретных заданий для нужд военной промышленности в тюремных условиях и продолжали трудиться в особых бюро, которые, как верно отмечал А.К.Соколов, «стали средоточием развития конструкторской и технической мысли в СССР», поскольку «дамоклов меч обвинения во вредительстве продолжал висеть над каждым работником» [12, с.189].

Все собранные компрометирующие материалы против «вредителей» претерпевали фальсификационную инверсию, были использованы, в свою очередь, для последовательного ниспровержения партийной и чекистской номенклатуры: Г.Г.Ягоды, Н.И.Ежова, личного состава ОГПУ, затем НКВД, которые, как выяснилось в 1936 г., «опоздали» с разоблачением «троцкистско-зиновьевского блока» на 4 года [16, с.682–683].

Выявление «вредителей», обоснование их «виновности» производилось с помощью давно апробированных и продемонстрировавших свою эффективность методов политического контроля, заключавшихся в искусной «инструментализации фактов в репрессивных целях» [3, с.28, 267] при одновременной «криминализации повседневности» [2, с.81], что выражалось в использовании биографических данных, служебно-профессиональных связей и даже сведений о пребывании в условиях «вражеского окружения» и любых соприкосновениях с его «наследством», что рассматривалось в качестве «достаточного основания» для привлечения к партийно-политической ответственности [4; 25].

Борьба с «вредителями», как и другие карательные операции, проводилась при задействовании всех ведущих институциональных инструментов и их информационно-политических каналов, прежде всего, органов государственной безопасности (НКВД СССР), структур государственного (Комиссия советского контроля при СНК СССР, затем наркомат государственного контроля) и партийного/внутрипартийного

контроля, представленного сначала ЦКК, а затем Комиссией партийного контроля (КПК) при ЦК ВКП(б), участие которых подтверждается документально и в историографии [10; 19; 23].

Все это в целом стало надежным политико-технологическим, операциональным и идейно-методологическим фундаментом *сталинской диктатуры* и системы управления, продержавшейся в своих основаниях без существенных изменений вплоть до начала/середины 1950-х гг.

Библиографический список

1. Арнаутов Н.Б. Образ вредителя в газете «Правда» (декабрь 1934 – декабрь 1938) // Вестник Новосибирского университета. 2010. Серия: История. Филология. 2010. Т.9. №1. С.292–298.
2. Блюм А. Администраторы, научные элиты и отношения с властью // История сталинизма: итоги и проблемы изучения. Материалы международной научной конференции. Москва, 5–7 декабря 2008 г. М.: РОССПЭН, 2011. С.78–92.
3. Блюм А., Веспуге М. Бюрократическая анархия: статистика и власть при Сталине. М.: РОССПЭН, 2006. 328 с.
4. Борисёнок Ю., Мозохин О., Шемякин А. Как стать вредителем // Родина. 2012. №12. С.130–136.
5. Ваганов Ф.М. Правый уклон в ВКП(б) и его разгром (1928–1930 гг.) М.: Политиздат, 1970. 285 с.
6. Генерал В.С. Михайлов. 1875–1929. Документы к биографии. Очерки по истории военной промышленности. М.: РОССПЭН, 2007. 424 с.
7. Жарков М.Э. Репрессии в Красной Армии – превентивный удар по военной оппозиции // Общество и право. 2005. № 4(10). С.72–75.
8. Красильников С.А. «Вредительские» судебные политические процессы в СССР в контексте становления сталинского политического режима (конец 1920-х – начало 1930-х гг.) // Сталинизм: идеология и практика. Материалы международной научно-практической конференции, 24–25 сентября 2015 г. Пермь, 2016. С.38–52.
9. Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938. М.: МФД, 2004. 737 с.
10. Никонорова Т.Н. Комиссия партийного контроля при ЦК ВКП(б) (1934–1952 гг.) // Российская история. 2015. №6. С.26–40.
11. Политбюро и «вредители». Кампания по борьбе с «вредительством» на объектах военной промышленности. М.: МФД, 2016. 752 с.
12. Соколов А.К. «Военизация» первой пятилетки (Советская военная промышленность в 1927–1932 гг.) // Труды Института Российской истории РАН. 2008. № 7. С.122–200.
13. Соколов А.С., Еремин И.В. «Дело» Тухачевского: причины, версии (историографический анализ) // Личность. Культура. Общество. 2012. Т. XIV. №1. С.259–265.
14. Сталин И. Вопросы ленинизма. 9-е изд. М.: Партийное издательство, 1932. 406 с.
15. Сталин И.В. Соч. Т.7, 8. М., 1947; 1948. 424 с.; 407 с.
16. Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936. М.: РОССПЭН, 2001. 798 с.

«ВРЕДИТЕЛЬСТВО» НА ОБЪЕКТАХ ВОЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СССР

17. Становление оборонно-промышленного комплекса СССР. (1927–1937). Ч.1. (1927–1932). М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2008. 912 с.
18. XVII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М.: Партиздат, 1934. 716 с.
19. Тепляков А.Г. «Взгляды, которые мы пропагандировали, часто нелепы...». Послевоенная Комиссия партийного контроля при ЦК ВКП(б) против инакомыслия «солдат партии» // Идеи и идеалы. 2017. Т.1. №1(31). С.97–106.
20. Уголовный кодекс РСФСР. М.: Гос. издат. юрид. лит., 1950. 256 с.
21. Хлевнюк О.В., Горлицкий Й. Холодный мир: Сталин и завершение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН, 2011. 231 с.
22. Чигринов Г.А. Разгром партии правых капитулянтов. М.: Высшая школа, 1969. 86 с.
23. Юдин К.А. Внутрипартийный контроль в СССР 1930 – начала 1940-х гг.: идейно-институциональный облик. Иваново, 2015. 295 с.
24. Юдин К.А. Партийно-политический контроль в сталинском СССР и Третьем Рейхе в 1930-х гг.: проблемы истории и историографии // На пути к гражданскому обществу. 2015. №4. С.36–48.
25. Юдин К.А. Репрессивная политика сталинского режима в отношении научно-педагогической интеллигенции в 1930-е гг.: методы и практика // Интеллигенция и мир. 2014. №4. С.56–73.
26. Юдин К.А. Человечество в пути: от «цивилизации бытия» к «цивилизации становления» (размышления о природе коммунистической власти и общества) // Вопросы философии. 2013. №2. С.42–48.

ЯРЛЫКИ И МИФЫ

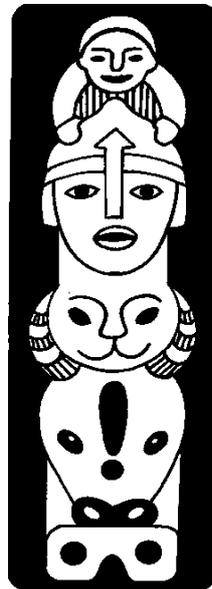
Каждый миф есть одна из версий правды.

Маргарет Этвуд

РОССИЯ XXI 03. 2018

Мифы – это коллективные сновидения,
а сновидения – индивидуальные мифы.

Джозеф Кемпбелл

Андрей Ранчин

**«ЛЕВША» Н.С.ЛЕСКОВА
И РУССКАЯ
НАЦИОНАЛЬНАЯ
МИФОЛОГИЯ**

ЯРЛЫКИ И МИФЫ

УДК
398.1

В статье анализируется рассказ Н.С.Лескова «Левша». Показано, что лесковский рассказ обладает во многом амбивалентной семантикой и что авторская оценка главного героя и России не может быть признана как безусловно позитивной, так и абсолютно отрицательной. Своеобразие трактовки Лесковым мотива противостояния русских и англичан и оппозиции Россия – Англия объясняется полемикой автора с русской национальной мифологией. Доказывается, что идеологическими подтекстами для рассказа являются теория официальной народности и славянофильство, отношение автора к которым окрашено иронией. «Левша» создавался как предостережение против национального самодовольства и чванства, для которых такие идеологические построения могут явиться питательной почвой.

The article deals with N.S.Leskov's «The left-hander» short story. It is demonstrated that the Leskov' story has in many respects the ambivalent semantics and that the author's appraisal of the protagonist and Russia can be recognized neither as unconditionally positive nor as absolutely negative one. Peculiarity of Leskov's perception of the Russians and the British adversarial relationship motive and Russia-England opposition is explained by Leskov's polemics with the Russian national mythology. It is argued that the official theory of national character and Slavophilism served as ideological underlying messages and Leskov's attitude to these messages were colored with irony. «The left-hander» was written as a warning against national complacency and arrogance that may find fertile soil in such ideological constructions.

Ключевые слова: Н.С.Лесков, «Левша», амбивалентность, ирония, русская национальная мифология, теория официальной народности, славянофильство, И.С.Аксаков.

Key words: N.S.Leskov; «The left-hander»; ambivalence; irony; the Russian national mythology; official theory of national character; Slavophilism; I.S.Aksakov.

E-mail: aranchin@mail.ru

«ЛЕВША» Н.С.ЛЕСКОВА И РУССКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ МИФОЛОГИЯ

Как известно, рассказ Лескова «Левша (Сказ о тульском косом Левше и о стальной блохе)», впервые опубликованный в 49-м – 51-м номерах газеты «Русь» за 1881 год (17, 24, 31 октября), вызвал противоречивые и даже взаимоисключающие интерпретации и оценки в критике: «Напечатанный в славянофильском журнале (правильно: в газете. – А.Р.) "Русь", рассказ был воспринят некоторыми как проявление идеологии славянофильского шовинизма. В нем видели стремление непомерно возвеличить неграмотных русских мастеров и показать, как русский человек затыкает за пояс иностранца. Это мнение могло опираться и на слова Лескова из "Предисловия", предвещающего текст рассказа, где автор подчеркивал именно национально-патриотическое содержание легенды, якобы услышанной и записанной им со слов одного старого оружейника <...>. Представители прямо противоположной точки зрения упрекали Лескова в искажении облика русского народа, олицетворением которого является Левша» [12, с.72]. Как полагает Ж.-К.Маркадэ, в отличие от левых и правых изданий, «один лишь либеральный "Вестник Европы" понял настоящий смысл легенды о Левше. Критик решил, что Лесков, принимая славянофильскую теорию об исключительных качествах русского народа, который не нуждается в новых европейских рецептах, в то же время показывает ее ограниченность и зависимость от общественных условий, а также изображает слабые стороны русского гения» [28, с.364].

Что касается семантики образа главного героя, то он, по словам И.В.Столяровой, обычно понимался и понимается как «апофеоз талантности русского человека, который "все может"» [34, с.61]. Сама

Газета «Русь», выпуск №49
17 октября 1881 г.

исследовательница признавала односторонность этого взгляда, однако все же считала, что в лесковском рассказе содержится «лестный для русского национального сознания момент поэтизации фантазии и искренности тульских мастеров» [34, с.62].

Секреты лесковского «сказа»: амбивалентность и ирония Так или иначе, интерпретаторы советского и постсоветского времени обычно стремятся свести смысл произведения к некоему достаточно простому идейному содержанию, обнаруживая в рассказе одновременно воспевание талантливости и самоотверженности простого русского человека и нелюбимую критику российской действительности с ее отсталостью и безразличием к судьбе «малых сих». Совсем не случайно, не только благодаря своим литературным достоинствам, но и по идеологическим причинам, понятый как обличение царизма и прославление простого русского человека в его талантливости и преданности Отечеству, рассказ был включен в советское время в школьный канон. Между тем критики лесковского времени, радикально разошедшиеся в трактовке «Левши» (ультрапатриотическая идеализация России и русских идей или «очернение» Родины и соотечественников), уловили, хотя и не поняли кардинальное свойство не только этого рассказа, но и лесковской поэтики: ее амбивалентность, взаимобратимость оценок в произведениях писателя. Амбивалентность, несомненно, присуща поэтике повести «Очарованный странник»¹. А.М.Панченко обнаружил ее признак и в семантике образа Левши: леворукость мастера и особенно наложение на себя крестного знамения левой, а не правой рукой в свете мифологических представлений характеризуют его как персонажа, связанного с «левым» («изначальным», бесовским) миром². Но роль амбивалентного начала значительнее: оно присуще ряду ключевых элементов в структуре лесковского рассказа. Причем эта амбивалентность выполняет определенную идейную функцию: Лесков полемически обыгрывает, «взрывает» элементы русской национальной мифологии, свойственные, с одной стороны, так называемой теории официальной народности и славянофильству

¹ См.: [26; 33]. Вообще у Лескова часты персонажи-трикстеры, в разной степени обладающие взаимоисключающими свойствами, совмещающие серьезное и комическое [43, p.469; 44, p.19].

² См. трактовку, принадлежащую А.М.Панченко [31].

«ЛЕВША» Н.С.ЛЕСКОВА И РУССКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ МИФОЛОГИЯ

– с другой. Амбивалентность сочетается в лесковском «сказе» с иронией, причем ироническая установка носит почти тотальный характер, а объектом осмеяния оказываются все те же мифологемы, содержащиеся в теории официальной народности и в построениях славянофилов. Попробуем это показать.

В первом, газетном издании лесковский «сказ» сопровождался авторским примечанием³, в котором утверждалось: «Я не могу сказать, где именно родилась первая заводка баснословия о стальной блохе, то есть завелась ли она в Туле, на Ижме или в Сестрорецке, но, очевидно, она пошла из одного из этих мест. Во всяком случае сказ о стальной блохе есть специально оружейничья легенда, и она выражает собою гордость русских мастеров ружейного дела. В ней изображается борьба наших мастеров с английскими мастерами, из которой наши вышли победоносно и англичан совершенно посрамили и унизили. Здесь же выясняется некоторая секретная причина военных неудач в Крыму. Я записал эту легенду в Сестрорецке по тамошнему сказу от старого оружейника, тульского выходца, переселившегося на Сестру-реку еще в царствование императора Александра Первого. Рассказчик два года тому назад был еще в добрых силах и в свежей памяти; он охотно вспоминал старину, очень чествовал государя Николая Павловича, жил "по старой вере", читал божественные книги и разводил канареек. Люди к нему относились с почтением» [10, с.489].

Н.С.Лесков.
Рисунок И.Е.Репина. 1888–89 гг.

³ В отдельном издании 1882 г. оно превращено в предисловие, во 2-м томе прижизненного собрания сочинений (1889) было снято, но вновь восстановлено в отдельном издании 1894 г.

Из этого примечания следует, что «Левша» не авторское творение Лескова, а всего лишь запись народного предания и что, соответственно, за все оценки и мнения отвечает не автор, а рассказчик, старый оружейник. Писатель выступает лишь в роли «регистратора», собирающего фольклорные рассказы. Согласен ли автор или нет с тем, что из борьбы с англичанами «наши вышли победоносно», подковав стальную блоху, остается как будто бы неясным. Однако гордое заявление о «посрамлении» англичан туляками решительно диссонирует с приведенным в основной части рассказа сообщением, что подкованная туляками «нимфозория» перестала танцевать, то есть оказалась испорчена («нимфозория все-таки ни дансе не танцует и ни одной верояции, как прежде, не выкидывает» [17, с.43–44]⁴); по существу, произошла поломка английской диковинки – из-за незнания русскими мастерами физики: как признается Левша, «мы в науках не зашлись» [17, с.50]. «Посрамление» англичан оказывается двусмысленным. Мало того, сделанное Левшой и его товарищами – подковали без «мелкоскопа» мельчайшую игрушку, да еще и на подковках и гвоздиках свои имена выбили – возможно только в сказке, а не наяву: «Стали все подходить и смотреть: блоха действительно была на все ноги подкована на настоящие подковы, а левша доложил, что и это еще не все удивительное.

– Если бы, – говорит, – был лучше мелкоскоп, который в пять миллионов увеличивает, так вы изволили бы, – говорит, – увидеть, что на каждой подковинке мастерово имя выставлено: какой русский мастер ту подковку делал.

– И твое имя тут есть? – спросил государь.

– Никак нет, – отвечает левша, – моего одного и нет.

– Почему же?

– А потому, – говорит, – что я мельче этих подковок работал: я гвоздики выковывал, которыми подковки забиты, – там уже никакой мелкоскоп взять не может.

Государь спросил:

– Где же ваш мелкоскоп, с которым вы могли произвести это удивление?

А левша ответил:

⁴ Текст «Левши» цитируется в редакции 1889 г. Ее отличия от первой, газетной версии в интересующем нас отношении ничтожны и могут не приниматься во внимание. См. о различиях редакций рассказа: [10, с.497–498].

Мы люди бедные и по бедности своей мелкоскопа не имеем, а у нас так глаз пристрелявши» [17, с.46–47].

А.А.Измайлов, автор одной из первых книг о Лескове, заметил: «Тульский виртуоз в соперничестве затмил и посрамил английских искусников, преодолел трудность почти непреодолимую, но от его гвоздиков, какими подбиты ступни блохи, никому ни тепло, ни холодно, – только и всего, что блоха больше не скачет. Гениальность пропала в сущности зря, тогда как, конечно, могла быть направлена на дела великие и добрые. Если "Левша" – комплимент русской талантливости, то комплимент очень сомнительный, со всеми свойствами лесковского ехидства» [15, с.413]. Однако

Иллюстрация к сказу «Левша». «Кукрыниксы». 1981 г.

Однако ехидность «комплимента» заключается не только в том, что тульские мастера совершили нечто изумительное, но ненужное, и не только в том, что талант Левши оказался не востребован в России, вызвав восхищение иноземцев-англичан. Левша с товарищами, подковав блоху, сделали невозможное: искусство русских мастеров совершенно фантастично.

Автор как будто списывает ответственность за эту фантастическую легенду на старого оружейника, в существование коего простодушно уверовали некоторые рецензенты⁵. Литературная мистификация, очевидно, показалась писателю «слишком» удавшейся, из-за чего упрощалось восприятие авторской позиции, и вскоре он признался в заметке «О русском левше (*Литературное объяснение*)»: «Все, что есть чисто на-

⁵ См. о реакции ряда критиков: [10, с.501].

родного в "Сказе о тульском левше и о стальной блохе", заключается в следующей шутке или прибаутке: "Англичане из стали блоху сделали, а наши туляки ее подковали да им назад отослали". Более ничего нет "о блохе", а о "левше", как о герое всей истории и о выразителе русского народа, нет никаких народных сказов, и я считаю невозможным, что об нем кто-нибудь "давно слышал", потому что, – приходится признаться, – я весь этот рассказ *сочинил* в мае месяце прошлого года, и *левша* есть

Иллюстрация к сказу «Левша». «Кукрыникисы». 1981 г.

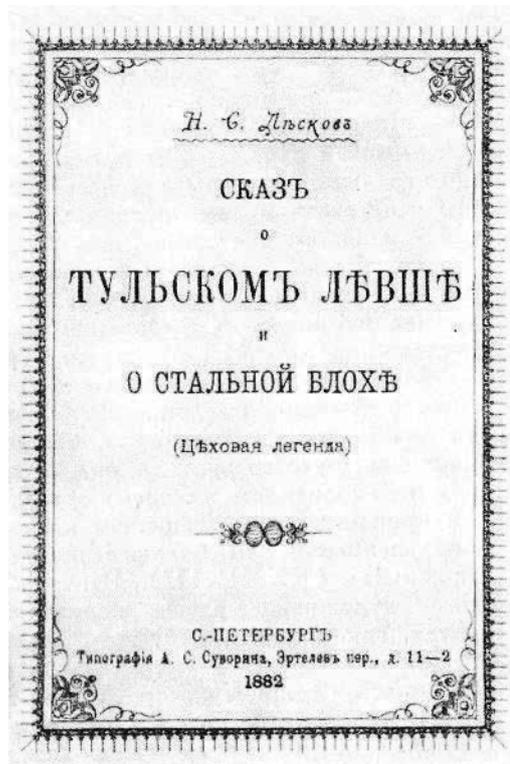
лицо *мною выдуманное*. Что же касается самой подкованной туляками английской блохи, то это совсем не легенда, а коротенькая шутка или прибаутка, вроде "немецкой обезьяны", которую "немец выдумал, да она садиться не могла (все прыгала), а московский меховщик взял да ей *хвост пришил*, – она и села"» [18, с.219–220]⁶. Внушение читателям этого факта было для автора настолько важным, что он кратко повторил свое признание три года спустя в рассказе «Старинные психопаты»⁷ и семь лет спустя в заметке «Об Иродовой темнице (*Письмо в редакцию*)»⁸.

⁶ Впервые опубликовано: *Новое время*. 1882. №2256. 11 июня. Курсив в цитатах здесь и далее принадлежит оригиналу.

⁷ См.: [21, с.449].

⁸ См.: [19, с.242]. Впервые опубликовано: *Новое время*. 1889. №4962. 20 декабря.

Признание Лескова, соответствовавшее действительности⁹, превращало сказовую, «простонародную» форму повествования из записи цеховой легенды в речевую маску рассказчика, надетую на себя самим автором. (Но при этом писатель по-прежнему воспроизводил оценки и мнения человека из народа и «сказ» был ориентирован на поэтику фольклорных преданий¹⁰). Изменилась мотивировка сказа, и если прежде – с учетом примечания/предисловия к «Левше» – порой странные или невразумительные оценки и мнения должны были восприниматься как выражение точки зрения сестрорецкого оружейника (не важно, реального или фиктивного), то, дезавуировав ссылку на фольклорный источник, Лесков превратил такие оценки в более очевидные примеры авторской иронии. Над чем и над кем? По-видимому, с одной стороны, это ирония над «непросвещенным», «темным» сознанием простого народа, видящего в государе Николае Павловиче радетеля за Россию, а все бедствия списывающего на вельмож вроде Чернышева или Кисельворде. С другой – ирония над национальной мифологией,

Обложка 1-го издания «Левши». 1882 г.

⁹ Как показали исследования, никакой «цеховой легенды» о туляках, посрамивших англичан, не существует. См: прежде всего: [23; 11].

¹⁰ См. о «фольклоризации» повествования в «Левше»: [13, с.251].

созданной отнюдь не народом, а властью или образованным обществом, хотя и ориентировавшимися на представления простых русских людей.

Но обратимся к основному тексту рассказа. Начинается он с упоминания о Венском конгрессе держав-победительниц Наполеона: «Когда император Александр Павлович окончил венский совет, то он захотел по Европе проездиться и в разных государствах чудес посмотреть» [17, с.26]. Император Александр I в «Левше» представлен в условном, шаржированном образе космополита, не любящего своих русских подданных, считающего их бесталанными и преклоняющегося перед мастерством иноземцев. Если бы не сопровождающий его истинный патриот атаман Платов (фигура столь же условная), то англичане его бы совсем охмурили. Старшему брату противопоставлен император Николай Павлович: «Государь Николай Павлович в своих русских людях был очень уверенный и никакому иностранцу уступать не любил» [17, с.34]. Он с воодушевлением принимает идею Платова (коего Александр Павлович третировал) найти русских мастеров, которые превзошли бы англичан. В таланты и честность своих подданных новый царь истово верит; он «с радостью говорит: "Я знаю, что мои русские люди меня не обманут"» [17, с.34]. Увидев, что туляки подковали стальную блоху, Николай Павлович удовлетворенно изрекает: «Видите, я лучше всех знал, что мои русские меня не обманут. Глядите, пожалуйста: ведь они, шельмы, аглицкую блоху на подковы подковали» [17, с.46].

Таким образом, в повествовательном пространстве рассказа, не только стилистически, но и идейно отражающем народное сознание, создается незатейливая оппозиция: «космополит» и «западник» Александр Павлович, странствующий по чужим землям, не ценящий русских людей и не верящий в их способности ↔ «патриот» Николай Павлович, убежденный в творческом даре своих подданных.

Однако при внимательном чтении становится очевидно: эта антитеза исполнена авторской иронии. Во-первых, Александр Павлович, хоть и преклоняется перед иноземными мастерами, готов русского мастера, способного проявить такой же талант, наградить дворянством – то есть необычайно высоко продвинуть в сословной иерархии. «Вот если бы у меня был хотя один такой мастер в России, так я бы этим весьма счастливый был и гордился, а того мастера сейчас же благородным бы сделал», – заявляет царь Платову [17, с.28]. А Николай Павлович ограничивается всего лишь крепким царским поце-

луем: «Государь <...> взял левшу, какой он был неубранный и в пыли, неумытый, обнял его и поцеловал» [17, с.46]. При Александре Павловиче патриот Платов получает в конце концов отставку – но ровно таким же образом заканчивается и его служба при Николае Павловиче. Всем верховодят и заправляют при этом якобы истинно русском по духу царе-«патриоте» военный министр Чернышев, не заботящийся об интересах армии, граф из немцев Клейнмихель, не желающий слышать о сострадании к «душе человеческой» [17, с.57], и граф Кисельворде, прототип коего граф К.В.Нессельворде – по происхождению немец, а по вероисповеданию протестант – был министром иностранных дел на протяжении всего николаевского царствования и своей дипломатией поставил Россию в положение политической изоляции накануне Крымской войны. Наконец – и это самое главное – если «Левша» начинается упоминанием о Венском совете – Венском конгрессе государств, победивших Наполеона, в котором Россия в лице императора Александра Павловича играла ключевую роль, то завершается лесковский «сказ» сообщением о событии совсем иного рода – о проигранной Россией Крымской войне, начатой при Николае Павловиче, который несет за позор поражения самую непосредственную вину. Причем проиграна война была племяннику Бонапарта Наполеону III и той самой Англии, перед коей благоговел император Александр. Любовь Николая Павловича к Отечеству и русской «нации» оказывается на поверку пустым краснобайством и чистой имитацией.

Но каков же идейный смысл лесковского «сказа»? Очевидно, им не может быть опровержение неких стереотипов – представления об Александре I как о поклоннике всего иноземного, европейского и о Николае I как о истинном русском патриоте. Во-первых, подобное представление о старшем из венценосных братьев хотя и существовало, но далеко не было общепризнанным, как, строго говоря, и соответствующий взгляд на его преемника на престоле. Во-вторых, полемика с этими представлениями спустя несколько десятилетий после смерти императора Николая Павловича, после «великих реформ», предпринятых его сыном, – то есть в совершенно новой общественной ситуации – выглядела как малоуместный анахронизм. Очевидно, автор «Левши» оспаривал и даже пародировал не такие воззрения, а нечто актуальное.

«Левша» и официальная народность

министром народного просвещения С.С.Уваровым. В программном предисловии к первому номеру новоучрежденного «Журнала Министерства народного просвещения» недавно назначенный министр провозглашал необходимость избирательного приятия плодов европейской учености в соответствии с православной верой и особенностями российской государственности; право отбора и контроля объявлялось прерогативой правительства: «Только Правительство имеет все средства знать и высоту успехов всемирного образования, и настоящие нужды Отечества. С одной стороны облегчая каждому способы к

С.С.Уваров.

Портрет А.П.Брюллова. 1820-е гг.

Одним из предметов для оспаривания и комической трактовки стала, несомненно, так называемая теория официальной народности, созданная в 1830-х гг. николаевским

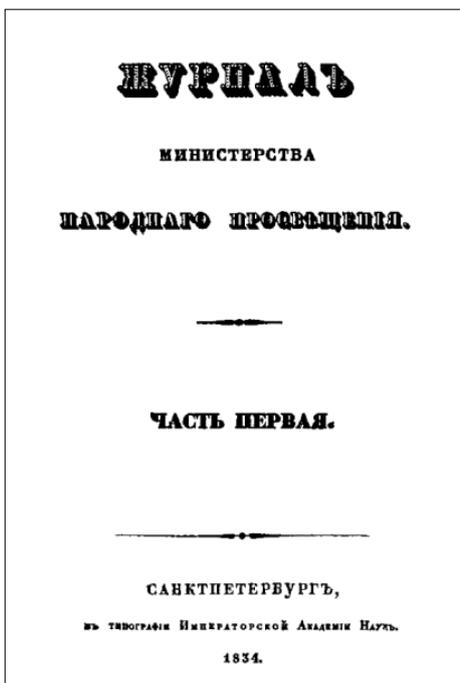
основательному приобретению и совершенствованию полезных сведений, с другой соображая ход новых идей с Верою, учреждениями, обычаями и иными особенностями Государства и наконец с общими успехами его жителей на поприще гражданственности, оно содействует сколько можно более естественному для страны своей и тем надежнейшему, мирному и прочному в ней развитию просвещения; блюдет истинные выгоды народа и предохраняет его от тех нравственно-политических язв, которые, подобно физическим,

только в общем плане Провидения могут быть не бесполезны, но коих и любовь к родине, и даже здравый смысл велят избегать, как незавидной, печальной доли – страдать в поучение другим» [37, с.IV–V].

Уваров считал задачу догнать Европу, преодолеть «отсталость от Европы в успехах просвещения» давно решенной – она уже исполнена Петром I [37, с.V]. Правящий русский царь Николай I объявлялся исполнителем воли Провидения, «иконой» Бога, хранителем православия

и национального духа России: «Ныне другое время: Россия стоит в высокой чреде славы и величия; имеет внутреннее сознание своего достоинства, и видит на троне другого, тем же Провидением ниспосланного Царя – Хранителя и *Веры* ее и *народности*. Отжив период безусловного подражания, она, лучше своих иноземных наставников, умеет применять плоды образования к своим собственным потребностям: ясно различает в остальной Европе добро от зла: пользуется первым и не страшится последнего: ибо носит в сердце сии два священные залога благоденствия, с коими неразрывно соединен третий – Самодержавие» [37, с.V–VI].

В уваровском манифесте Царь объявлялся воплощением Отечества и Отцом нации: «Россия имеет счастье верить Промыслу, Который проявляет себя в великих Царях ее. Тогда как другие народы не ведают покоя и слабеют от разномыслия, она крепка единомыслием беспримерным. Здесь Царь любит Отечество в лице народа и правит им, как Отец, руководствуясь Законом; и народ не умеет отделять Отечество от Царя и видит в Нем свое счастье, силу и славу» [37, с.VI]. Именно Самодержавие – главное понятие в теории Уварова – это вершина триады Православие, Самодержавие, Народность. Как точно обобщил смысл уваровской идеологической концепции А.М.Песков, «ключевые понятия программы Уварова: *Промысел, Царь, Самодержавие, Вера, Отечество, Народ, Народность*. Логика такова: Промысел посылает в Россию Царя; Царь исполняет в своем Отечестве волю Промысла <...>. Народ верит в благую силу Промысла <...>. "Вера Промыс-

Журнал Министерства
народного просвещения, Ч.1.
1834 г.

лу" и взаимная преданность Царя и Народа определяют коренное отличие России от Запада – ее "народность". Россия крепка "единодушием беспримерным"» [32, с.22].

Понятие Народность в уваровской концепции идеологически маркировано: «<...> в основе народности оказываются убеждения. Проще говоря, русский человек – это тот, кто верит в свою церковь и своего государя. Определив православие и самодержавие через народность, Уваров <...> определяет народность через православие и самодержавие. В формальной логике такая фигура называется порочным кругом, но идеология строится по качественно иным законам, и рискованный риторический пируэт оказывается несущей основой всей конструкции новой официальной доктрины. Ход мысли, продемонстрированный Уваровым, имел в высшей степени долговременные последствия для идеологии русской государственности» [14, с.366].

Теория официальной народности с 1830-х гг. стала государственной российской идеологией и сохраняла эту роль вплоть до крушения Российской империи в 1917 г. Для автора «Левши» она была актуальным идеологическим фоном. Между уваровскими постулатами и отдельными мотивами рассказа есть явные соответствия. Император Николай Павлович любит свое Отечество и свой народ, по отношению к которому и выступает в роли отца нации. В рассказе он явно соотносится со своим небесным покровителем святителем Николаем Угодником – одним из самых почитаемых святых в русском православии¹¹. К Николаю Угоднику (к его мценской иконе) отправляются на поклонение Левша и его товарищи, после возвращения из паломничества они и совершают настоящее чудо – подковывают «нимфозорию», не имея «мелкоскопа». Левша предан Отечеству, которое для него, конечно, неотделимо от личности государя: «спору нет, что мы в науках не зашлись, но только своему отечеству верно преданные» [17, с.50]. Местоимение «мы» в данном случае может быть понято не столько как уважительное именование себя (в том числе как посланца от самого царя), сколько как обозначение всей русской нации. (В других случаях под «мы» лесковский персонаж подразумевает именно русский народ, не мысля себя индивидуально, но отождествляя с коллективным целым народа.) Невежество хотя и признается, но как бы искупается преданностью отечеству. Незнание наук в другом

¹¹ См. об особенном почитании святого Николая (Никола) Мирликийского на Руси: [38].

своем высказывании тульский мастер прямо называет типичной для русских чертой: «Наша наука простая: по Псалтирю да по Полусоннику, а арифметики мы нимало не знаем. <...> У нас это так повсеместно» [17, с.49]. Зато Левша горделиво заявляет о превосходстве русских над англичанами в вере: «Наша русская вера самая правильная, и как верили наши правотцы, так же точно должны верить и потомцы». У англичан этот религиозный «шовинизм» вызывает недоумение: «Вы, – говорят англичане, – нашей веры не знаете: мы того же закона христианского и то же самое евангелие содержим». Однако Левшу их контраргумент нимало не смущает: «Евангелие, – отвечает Левша, – действительно у всех одно, а только наши книги против ваших толще, и вера у нас полнее. <...> у нас есть и боготворные иконы и гроботочивые главы и мощи, а у вас ничего, и даже, кроме одного воскресенья, никаких экстренных праздников нет» [17, с.50]¹².

Итак, для Левши отечество определяется через веру, традиции являются нерушимыми, православие – «единственно верная» религия. Конечно, в этих убеждениях выражено простонародное сознание, а не теория официальной народности. Однако «исторический» фон повествования (царствование Николая I, представленного в качестве истового патриота) побуждает читателя проецировать наивные представления туляка именно на систему уваровских постулатов. В таком случае убеждения Левши начинают выглядеть как шарж на официальную мифологию, а Левша – не как реальный русский оружейный мастер, а как комически поданный идеологический конструкт – представитель народа по Уварову. При этом незнание русскими технических наук начинает казаться закономерным вследствие внедрения уваровской программы: зачем русским арифметика, если с ними Бог и науки должны оцениваться мерой Веры?

Уваровская программа утверждала нерушимость и неколебимость России, благодаря реформам Петра Великого догнавшей Европу и не нуждающейся в тотальном усвоении ее учености. Однако николаев-

¹² Замечание о большей толщине русских церковных книг в сравнении с английскими – видимо, наивное указание на большее число священных текстов в православии в сравнении с англиканством – официальной английской религией: если в православии, кроме Священного Писания, почитается и Священное Предание, а в церковном обиходе есть жития святых и другие книги, то у англикан сакральными текстами являются только Писание и молитвенники.

ское царствование, напоминает автор «Левши», закончилось поражением страны, нанесенным ей, в частности, из-за ее технической отсталости¹³.

Что же касается любви, связующей Царя и народ, отеческого отношения государя к своим подданным и заботы о них, то судьба тульского оружейного мастера вопиет против этого постулата Уварова: простой человек в российской государственной системе не ценится и даже презираем. Перед отправкой в Англию Левшу «одежи в парадный кафтан с придворного певчего, для того, дабы похоже было, будто и на нем какой-нибудь жалованный чин есть» [17, с.46]. Это шутовское, «карнавальное» переодевание – выражение бюрократического представления, в соответствии с которым не имеющий чина не достоин никакого внимания и не может представлять государство за рубежом. А человек без «тугамента» вообще перестает существовать в глазах тех, кто облечен властью. Пьяному Левше, вернувшемуся из Англии без документов, полицейские, перекладывая его, раскололи «затылок о парат» [17, с.58]. Для всех он оказывается никому не нужной вещью, обузой: «Его сейчас обыскали, пестрое платье с него сняли и часы с трепетиром, и деньги обрала, а самого пристав велел на встречном извозчике бесплатно в больницу отправить. <...> А левша все это время на холодном парате лежал <...>. Везли левшу так непокрытого, да как с одного извозчика на другого станут пересаживать, всё роняют, а поднимать станут – уши рвут, чтобы в память пришел. Привезли в одну больницу – не принимают без тугамента, привезли в другую – и там не принимают, и так в третью, и в четвертую – до самого утра его по всем отдаленным кривопуткам таскали и все пересаживали» [17, с.56].

«Русский мир» в лесковском рассказе – это страшный мир, напроць забывший о главной христианской заповеди, о которой помнит лишь английский «полшкипер», попутчик героя, – любить «душу человечкину» [17, с.57].

¹³ За комическим объяснением поражения тем, что русские в отличие от англичан, не чистивших ружья кирпичом, «как стали ружья заряжать, а пули в них и болтаются, потому что стволы кирпичом расчищены» [17, с.58], таится совершенно серьезное указание на превосходство противников в вооружении, в частности в стрелковом оружии (штуцерах).

«Левша» и славянофильство Однако «Левша» – выпад не только против теории официальной народности, но и против славянофильства, наиболее значительным выразителем которого ко времени издания «сказа» был И.С.Аксаков, его первый публикатор. Отношения Лескова и Аксакова, по крайней мере к 1881 г., нельзя назвать близкими, между ними были некоторые трения. Аксакову, например, претили насмешки Лескова над духовенством в «Мелочах архиерейской жизни»¹⁴.

Напоминание писателя беречь и любить «человечкину душу» было вполне созвучно воззрениям маститого славянофила, который полагал человечность одним из наиболее важных свойств властителя и в статье, посвященной погребению Александра II, отмечал как главное достоинство убиенного государя доброту; добротой и сострадательностью автор объяснял отмену покойным царем крепостного права: «Именно *человечность* является характеристической чертой Его самодержавного подвига. Никакие обольщения внешней власти не смогли заглушить в нем велений простого, доброго сердца» [4, с.2]¹⁵.

Для славянофилов, в отличие от приверженцев теории официальной народности, государство, в противоположность обществу, «миру», вообще не обладало абсолютной ценностью, и неприглядное изображение писателем властной системы николаевской России редактора «Руси» вряд ли могло оттолкнуть: «Он стоял почти в постоянном антагонизме к управляющим сферам», хотя лишь потому, что «ратовал против *искажения* идеи, воплощаемой властью» [35, с.440]. Как писал Аксаков, «Петербург <...> полон нашей бюрократией, которая давно потеряла чувство народного пульса и, как наемная дружина в государстве, служит тому, кому ей выгодно служить <...>» [5, с.3].

¹⁴ См. переписку Лескова и Аксакова, относящуюся к первой половине 1881 г.: [10, с.499–500; 20, с.667–668; 25; 39, с.215–216].

¹⁵ Эта статья, бесподписная (в отличие от статей и заметок аксаковских сотрудников), как и другие цитируемые ниже (программные и преимущественно передовые) статьи из газеты «Русь», несомненно принадлежит издателю-редактору. Они частично вошли во 2-й том посмертного собрания сочинений публициста (см.: [8, с.419–519]) и в последующие тома. Статья была напечатана до начала работы над «Левшой»: рассказ был написан в апреле – начале мая 1881 г. (см.: [10, с.498–499; 9, с.819]). Отдавая свой «сказ» Аксакову, Лесков, очевидно, учитывал это и другие совпадения своих воззрений с взглядами Аксакова.

В одном из первых номеров «Руси» ее основатель нашел для русской бюрократии крайне резкие слова: «Это целое духовное начало – *условности*, внешности, формальности, отрешенности от жизни, отрицания ее прав в пользу авторитета внешней, принужденной, так сказать головой, ничего вне себя не признающей власти. Это упразднение личной совести, внутренней свободы, живого духа и Бога. "Чиновник" (в том смысле, какой иногда придается этому слову) есть орудие этого начала, без личной души и убеждений» [2, с.3]. Лесковский «сказ», все эти Чернышевы и Клейнмихели выглядят как яркая иллюстрация этих инвектив.

Дальше, однако, начинаются различия. Аксаков связывает мертвящий бюрократизм, высокомерное безразличие административной машины к народу с петровскими преобразованиями, исказившими отношения между народом и властью: «И такое-то начало, которое было чуждо древней Руси <...> попыталась было ввести к нам знаменитая эпоха преобразования, но, слава Богу, ей удалось только придавить, а не раздавить русскую жизнь» [4, с.3]. Публицист-славянофил выступает категорически против государственных, политических преобразований в духе западных либерализма и демократии: «Казалось бы несколько странным: народу, имеющему тысячелетнюю историю, создавшему такое могущественное государство <...> такому народу навязывать политические идеалы, органически выработанные историей, например, Англии! Но наша интеллигенция – там, где дело касается русских народных масс – такими несообразностями не останавливается» [2, с.1–2]. Публицист исходит из мифологического представления о мистическом союзе Царя и Народа («союз мысли и духа Русского царя с Его Землею!..» [4, с.3]) – союзе, которому представительные государственные учреждения могут лишь повредить – не меньше, чем «бюрократическое средостение»: «всякий, кто предлагает ввести какие-либо меры в смысле западно-европейских либеральных учреждений, не только аристократических, но и демократических, искажающих народный образ царской власти; или упрочить или же только "либерально" подновить бюрократическое средостение, воздвигшееся со времен Петра между Государем и Его землею, – *"от духа лестна есть"*, – не от Русского народа и не от духа его...» [4, с.3]. Изъязыны и язвы в отношениях между народом и верховной властью инкриминируются в вину «антинародной» бюрократии. Структура российского общества в трактовке Аксакова в конечном итоге сводится к простой диаде Народ – Царь: «В каждом деле, пристально всматриваясь в наше историческое "здание", мы в сущности увидим лишь две истин-

ные исторические основы, или, выражаясь техническим языком русских плотников, две *державы*, стоящие налицо, твердые как гранит, пережившие века, все невзгоды и все преобразования. Это русский народ и единоличная верховная власть. Чуть ли это не единственный наш прочный устой после тысячелетнего исторического брожения. Эти два начала, две существенные реальные силы, связаны между собою живым органическим союзом, которым и стоит наше государственное бытие. Народ упорно хранил и соблюдал веру в свой исторический идеал верховной власти» [1, с.1–2]. Публицист постоянно, настойчиво повторяет эту мысль, заявляет: «наш исторический инстинкт» верно сказался в понимании, «что только во взаимном союзе русской власти с народом или с Русскою землею лежит залог нашей силы и преуспевания, что как без содействия миллионов умов и сердец сама власть не властна свершить свои начинания, так и оппозиция у нас, добровольно ли или по необходимости возникшая, лишена почвы, а потому и зиждательной, творческой силы, – осуждена на тоску и бесплодное изнывание» [3, с.1].

Русский народ возвеличивается и определяется Аксаковым через преданность Престолу, причем возвеличивание принимает форму национальной гордыни. Как возглашает восторженный славянофил в программной статье на смерть Александра II, это «такой народ-исполин, которому нет равного в мире по любви, по самоотверженной преданности своим Вождям, к венчаным Представителям его исполинства, его единства, его места в истории, его призвания и долга в человечестве!» [6, с.113–114]¹⁶. Сторонникам либеральных государственных преобразований и, шире, русским западникам («петербуржцам») публицист дает отповедь; едва ли не главным аргументом является историческая долговечность, традиционность наличествующих государственных институтов и обычаев: «Они стыдятся форм

И.С.Аксаков
Гравюра П.Ф.Бореля и И.И.Матюшина.
1882 г.

¹⁶ Впервые опубликовано: «Русь». 1881. №17.

своего исторического бытия, не сознавая в тупоумии, что эти формы уже по одному тому хороши, что они свои, а не чужие» [5, с.3].

Суждения Аксакова полностью вписывались в общеславянофильский историософский дискурс, мифологический по своей природе; западная формальная законность противопоставлялась славянофилами внутренней, истинной законности, праву-справедливости, исторически присущим Руси; западные «культ личной свободы», «произвол личности», «эгоизм» понимались как противоположность русскому «христианскому самосознанию», «христианской свободе» как самоотречению и отказу народа от полноты формальной власти в пользу правителя¹⁷.

Для А.С.Хомякова Англия, которую он искренне любил, была воплощением губительных тенденций западной цивилизации и уроком народам: «Из ее примера узнают они, как губительно вечное умничанье отдельных личностей, гордых своим мелким просвещением, над общественной жизнью народов, как вредно уничтожение местной жизни и местных центров, как страшно заменять исторические и естественные связи связями условными, а совесть и дух – полицейским материализмом формы, и убивать живое растение под мертвыми надстройками. Урок, может быть, не будет потерян» [39, с.138]¹⁸.

Славянофилы сближались, по крайней мере внешне, с идеологами официальной народности в признании, что русской науке, русской образованности необходимо развиваться на православных основах. Как писал И.В.Киреевский, «корень образованности России живет еще в ее народе, и, что всего важнее, он живет в его святой православной церкви.

Потому на этом только основании, и ни на каком другом, должно быть воздвигнуто прочное здание просвещения России, создаваемое донныне из смешанных и большею частью чуждых материалов и потому имеющее нужду быть перестроенным из чистых собственных материалов». Он ратовал за «науку, основанную на самобытных началах, отличных от тех, какие нам предлагает просвещение европейское» [16, с.312, 313]¹⁹.

Картина российской жизни, изображенной в «Левше», разительно противоречит положениям славянофильской мифологии. Никакого союза между высшей властью и народом здесь нет. Кроме царского поцелуя, здесь невозможно найти даже чисто символических проявлений

¹⁷ См. об этом: [32, с.44–47]; здесь же подборка цитат из сочинений славянофилов.

¹⁸ Статья Хомякова была впервые опубликована в 7-й книге журнала «Москвитянин» за 1848 г.

¹⁹ Статья Киреевского была впервые опубликована в «Московском сборнике» (том 1, М., 1852).

такой солидарности царя с народом. Лесковский Платов, на словах выказывающий свой патриотизм, в общении с простолюдинами прибегает к физическому насилию или, как минимум, к угрозам. Ездил он «очень спешно и с церемонией: сам он сидел в коляске, а на козлах два свистовые казака с нагайками по обе стороны ямщика садились и так его и поливали без милосердия, чтобы скакал. А если какой казак задремлет, Платов его сам из коляски ногою ткнет, и еще злее понесутся. Эти меры побуждения действовали до того успешно, что нигде лошадей ни у одной станции нельзя было удержать, а всегда сто скачков мимо остановочного места перескакивали. Тогда опять казак над ямщиком обратно сдействует, и к подъезду возвратятся» [17, с.39]. Мастерам, которых называет «подлецами», недоверчивый атаман грозит: «Я вам голову сниму» [17, с.40]. Левшу Платов сажает себе в ноги в коляску «вроде пубеля» – как собаку [17, с.41]. Решив, что мастера его обманули и не выполнили порученного, он «выбежал на подъезд, словил левшу за волосы и начал туда-сюда трепать так, что клочья полетели» [17, с.44]. Недоверие к простым соотечественникам так же присуще атаману, как и склонность к рукоприкладству.

Насилие и произвол исходят не только от власть имущих (от донского атамана до мелкого полицейского чина) и не могут быть списаны на бюрократические эксцессы. У Левши «на висках волосья при ученье выдраны» [17, с.36]; отечественная метода обучения – это те же побои и причинение боли. В Англии же каждый мастер «работает не с бойлом, а с обучением» [17, с.53].

Приверженность персонажей «Левши» христианской вере едва ли не ограничивается обрядоверием (паломничество к Николе Мценскому)²⁰. О «человечкиной душе», о несчастном русском «камраде» переживает европеец-англичанин, но не православные соплеменники тульского мастера.

По словам Ж.-К.Маркадэ, «[п]исатель показывает, в каком невежестве прозябает народ, оставаясь в плену своих обычаев и предрассудков (см. пребывание Левши в Англии, глава пятнадцатая)» [28, с.366]. Православные основы русской образованности – «Псалтирь да Полусонник». (Последняя из двух книг, надо признаться, совсем не согласуется с церковным запретом на гадания.) Арифметика русскому народу неведома. Это англичане работают по науке, руководствуясь рационалисти-

²⁰ Для трактовки Лесковым православия характерно указание на его односторонность. См. об этом: [42]. См. в связи с этим также: [27].

ческим взглядом на мир, а не верой: «Перед каждым на виду висит долбига умножения, а под рукою стирабельная дощечка: все, что который мастер делает, – на долбигу смотрит и с понятием сверяет, а потом на дощечке одно пишет, другое стирает и в аккурат сводит: что на цифирях написано, то и на деле выходит» [17, с.53]. Можно ли на таких основах создавать подлинно русскую образованность, о которой мечтал Киреевский? Правда, сюжет «Левши» как будто бы доказывает, что и без арифметики можно проявить чудо-мастерство – подковать диковинную «нимфозорию». Однако, поскольку в реальности сделать это без «мелкоскопа» невозможно, надо признать, что мотив «одоления» русскими англичан наделен в рассказе жестокой иронией. Не над русскими мастерами, а над национальным самодовольством и чванством, проявления которого автор отыскивает и в народном сознании (отчасти у Левши, еще больше у рассказчика), и в национальной мифологии, конструируемой властью (уваровская теория) и мыслителями и общественными деятелями (славянофильство). Чувство собственного превосходства, «комплекс полноценности» опасны, предостерегает Лесков, завершая свой «сказ» напоминанием о «конфузии», которой закончилась Крымская война.

Вдобавок ко всему – и это главное и самое ужасное – русским в изображении Лескова присущи глубоко вкоренившиеся черты рабского сознания, неразвитость чувства собственного достоинства. Атаман Платов – герой войн с Наполеоном! – смертным страхом боится прогневить государя Николая Павловича²¹, трепещет, думая, что не исполнил его приказ. Левша без обиды сносит таску за волосы от Платова: «<...> [П]ридворные, видя, что левши дело выгорело, начали его целовать, а Платов ему сто рублей дал и говорит:

– Прости меня, братец, что я тебя за волосья отодрал.

Левша отвечает:

Бог простит, – это нам не впервые такой снег наголову» [7, с.47].

Туляки называют себя государевыми «людьми» [17, с.40] – в языке лесковской эпохи это слово еще не потеряло значения 'крепостные, рабы'.

При этом подразумеваемый рассказчик – выразитель народного сознания – воспринимает все, что творится в этом полуабсурдном, горячечно-бредовом мире насилия, страха и презрения, как норму, обыденность.

Трудно не согласиться с трактовкой Э.Л.Безносова: «<...> [П]любящий свой народ, но объективный художник создал неприкрашенный образ

²¹ См. о страхе Платова и о роли этого мотива в рассказе: [8, с.134–135].

человека из народа, восхищающегося и умиляющегося тем, что не может привести в умиление нормального человека. То есть Лесков изображает человека, являющегося носителем сознания, искалеченного веками рабства. Но особенность его изображения заключается еще и в том, что носителем точно такого же рабского сознания оказывается и "мужественный старик" генерал Платов, трусливо прячущий шкатулку и по существу предающий и обрекающий на гибель левшу. Приговор Лескова был суров: в стране, где существует рабство, – рабы все» [8, с.138].

И все же эта характеристика, по-моему, требует некоторых уточнений. Помимо невозможного «одоления» туляками англичан в рассказе Лескова есть еще один амбивалентный мотив – и мотив центральный. Это преданность Левши Отчеству, отказ от щедрых посулов, предлагавшихся британцами²², и попытка даже в предсмертном бреду сообщить секрет, который может спасти русскую армию и принести ей победу. Эта характеристика Левши совпадает с преданностью Престолу и Отчеству как с атрибутом русского народа и в концепции Уварова, и в размышлениях Аксакова. С одной стороны, отказ мастера от выгодных предложений иноземцев как будто бы свидетельствует о недооценке им себя самого, с другой стороны, Левша в отличие от англичан бессребреник, и именно поэтому рассказ о нем был включен Лесковым в 1889 г. во 2-й том собрания сочинений, составленный из произведений, объединенных в цикл «Праведники»²³. В связи с этим любопытно, что именно на страницах «Руси» за несколько месяцев до написания Лесковым своего «сказа» была напечатана статья О.А.Новиковой (урожденной Киреевой)²⁴ «Ирландское затруднение», автор которой, замечая о неготовности англичан жертвовать своими интересами ради бедствующих ирландцев, приводил слова британцев: «"Вы, Русские", замечали мне откровенно Англичане, "любили своих крестьян, и безропотно согласились на серьезные жертвы ради их благосостояния; мы же совершенно иначе относимся к этим неблагодарным Ирландцам. Пусть они сами о себе заботятся. Это не наше дело"» [30, с.9]. На таком фоне еще более очевидной оказывается оппозиция английский прагматизм ↔ русское бескорыстие, выстраиваемая Лесковым.

²² Как отмечает Э.Л.Безносков, мотив искушения лесковского Левши щедрыми посулами иноземцев восходит к былинам, где характеризует такого героя, как Илья Муромец; см.: [8, с.132–134].

²³ См.: [22].

²⁴ Статья подписана инициалами: О.К. Авторство установлено по изд.: [29, с.279].

Левша – настоящий герой, не чуждый, как и другие тульские мастера, чувства собственного достоинства. (Стоит вспомнить, что туляки, оскорбленные подозрением в мошенничестве со стороны Платова, отказываются открыть ему секрет своей работы, рискуя собственными головами, и объявляют, что поведают его только самому государю.) Вместе с тем преданность Левши Отечеству – пример «вручения себя», отношений между человеком и властью, которые со сторонней, внешней точки зрения, с позиции концепции взаимовыгодного «договора», воспринимаются как проявление рабской, холопией преданности. Лесков нащупал здесь кардинальное расхождение между двумя противоположными типами культур, позднее описанное Ю.М.Лотманом²⁵. Героизм Левши, готовность все претерпеть ради Родины представлены Лесковым как специфически русские черты.

Еще одно замечание заключается в том, что Лесков в своем «сказе», как я пытался показать, создал сатиру не столько на российскую действительность (недавнюю, а видимо, в какой-то мере и современную автору), сколько на мифологемы официальной народности и славянофильства. Отсюда отчасти и сгущение черной краски при изображении российской жизни, и сильная добавка краски белой при живописании Англии. Возможно, именно этим обстоятельством вызваны строки в заметке-объяснении «О русском левше»: «Я никак не могу согласиться, чтобы в такой фабуле была какая-нибудь лесть народу или желание принизить русских людей в лице "левши". Во всяком случае, я не имел такого намерения» [18, с.220].

Аксаков, публикуя лесковский «сказ» в своей газете, как будто бы не заметил, что эта вещь «с секретом», пренебрег ее скрытым (точнее, лишь слегка прикрытым) смыслом. Чем это можно объяснить? Отчасти, наверное, широтой взглядов редактора «Руси», а еще – приятием критики Лескова как сурового указания на все те пороки и нестроения (засилье административного произвола и безответственности, гнет «вненациональной» по духу бюрократии, рудименты рабского сознания), которые мешали воплотить в жизнь столь дорогие для публициста начала земского самоуправления и затрудняли приближение к славянофильскому идеалу союза Царя и Народа.

Кроме того, публикация рассказа, в котором с горькой иронией освещался итог Крымской войны, была для Аксакова весьма злободнев-

²⁵ См.: [24].

ной, поскольку совсем недавно закончилась русско-турецкая война 1877–1878 гг., на сей раз победоносная для России. Однако плоды победы оказались более скромными, чем могли быть, для южных славян, за свободу которых воевали русские: причиной была прежде всего позиция Англии, на Берлинском конгрессе 1878 г. поддержавшей Турцию и угрожавшей России войной. Аксаков, не удовлетворенный решениями Берлинского конгресса, выступил в Славянском комитете с речью, в которой обвинял в произошедшем российских дипломатов. Его выслали из Москвы, несколько месяцев он провел в селе Варварине Владимирской губернии, а Славянский комитет в Москве, который он возглавлял, был закрыт²⁶. Положение на Балканах после войны станет одной из главных тем аксаковских статей в «Руси». Напечатание «Левши», в котором в самом неприглядном виде изображалась придворная камарилья, в этой ситуации, помимо всего прочего, могло выглядеть и как прославление новой войны, смывшей позор поражения, и как ответный выпад в адрес сановных бюрократов – новых «Кисельвроде», цинично поступившихся свободой братьев-славян.

Впрочем, печатание «Левши», в котором упоминалась «крымская конфузия», в славянофильской «Руси» придало лесковскому «сказу» дополнительный полемический по отношению к учению славянофилов смысл, автором, возможно, не предусмотренный. А.С.Хомяков, самый известный и влиятельный из основоположников этого учения, в 1854 г. написал два стихотворения, истолковывавших Крымскую войну как почти эсхатологическую битву Добра и Зла, в которой Россия исполняет мессианское назначение. Оба произведения приобрели широчайшую известность. В стихотворении «России», призывая погрязшую в грехах Россию к покаянию для выполнения своей миссии, Хомяков восклицал:

*С душой коленопреклоненной,
С главой, лежащею в пыли,
Молись молитвою смиренной
И раны совести растленной
Елеем плача исцели!*

²⁶ См. об этом: [36, с.99].

*И встань потом, верна призванью,
И бросься в пыл кровавых сеч!
Борись за братьев крепкой бранью,
Держи стяг божий крепкой дланью,
Рази мечом – то божий меч! [41, с.137].*

А в стихотворении «Раскаившейся России» поэт обращался к стране:

*Иди! тебя зовут народы!
И, совершив свой бранный пир,
Даруй им дар святой свободы,
Дай мысли жизнь, дай жизни мир!
В душе любовь, в деснице гром,
Грозна, прекрасна, – ангел бога
С огнесверкающим челом! [41, с.137–138]*

Напоминание Лескова о поражении России в Крымской войне выглядело в славянофильском контексте как указание на так и не совершившееся покаяние России.

Лесков – автор «Левши», естественно, не предлагал в своем трагикомическом «сказе» собственной концепции исторического развития России. Произведение такого жанра для этого никак не подходило. Весь корпус произведений писателя, в том числе и публицистических сочинений, бесспорно свидетельствует, что их автору была чужда приверженность какой-либо определенной системе идей, хотя у него были свои симпатии и антипатии, менявшиеся на протяжении жизни. Позиция создателя «сказа» – это апелляция к здравому смыслу и призыв взглянуть на российскую действительность как она есть, отбросив фильтры и шоры национальной мифологии. Позиция, которая стала вновь значимой, ценной и поучительной в современной России.

Список сокращений

Лесков-7 – Лесков Н.С. Собрание сочинений: В 11 т. / Под общ. ред. В.Г.Базанова, Б.Я.Бухштаба, А.М.Груздева, С.А.Рейсера, Б.М.Эйхенбаума. Т.7 / Подгот. текста и примеч. Б.Я.Бухштаба. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1955.

Лесков-11 – Лесков Н.С. Собрание сочинений: В 11 т. / Под общ. ред. В.Г.Базанова, Б.Я.Бухштаба, А.М.Груздева, С.А.Рейсера, Б.М.Эйхенбаума. Т.7 / Подгот. текста и примеч. И.Я.Айзенштока. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1959.

Славянофильство – Славянофильство: Pro et contra: Творчество и деятельность славянофилов в оценке современников: Антология. 2-е изд. / Сост., вступит. ст., коммент., библиогр. В.А.Фатеева. СПб.: Издательство Русской Христианской гуманитарной академии, 2009.

Библиографический список

1. <Аксаков И.С.> МОСКВА, 15 ноября // Русь. 1880. №1. 15 ноября. С.1–6.
2. <Аксаков И.С.> МОСКВА, 22 ноября // Русь. 1880. №2. 22 ноября. С.1–4.
3. <Аксаков И.С.> МОСКВА, 3 января // Русь. 1881. №8. 3 января. С.1–3.
4. <Аксаков И.С.> МОСКВА, 14 марта // Русь. 1881. №18. 14 марта. С.2–3.
5. <Аксаков И.С.> Наша статья, помещенная в номере 17 «Руси» <...> // Русь. 1881. №18. 14 марта. С.3.
6. Аксаков И.С. «Пора домой!» // Славянофильство. С.113–116.
7. <Аксаков И.С.> Сочинения И.С. Аксакова. 2-е изд. Т.2: Славянофильство и западничество. 1860–1886: Статьи из «Дня», «Москвы», «Москвича» и «Руси». СПб.: Типография А.С.Суворина, 1891. VIII, 832, IV с.
8. Безносков Э.Л. «Сказ о тульском косом левше» как народный эпос // Безносков Э.Л. «Потому что искусство поэзии требует слов...». М.: ООО «Лингвистика, 2011. С.119–139.
9. <Богаевская К.П.> Хронологическая канва жизни и деятельности Н.С.Лескова. Составила К.П. Богаевская // Лесков-11. С.799–834.
10. Бухштаб Б.Я. Примечания // Лесков-7. С.495–568.
11. Бухштаб Б.Я. Об источниках «Левши» Лескова // Бухштаб Б.Я. Литературоведческие исследования. М.: Современник, 1982. С.72–101.
12. Видуэцкая И.П. Николай Семенович Лесков. В помощь преподавателям, старшеклассникам и абитуриентам. М.: Издательство Московского университета, 2000. 96 с.
13. Горелов А.А. Лесков и народная культура. Л.: Наука, 1988. 294 с.

14. Зорин А.Л. Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 416 с.
15. Измайлов А. Лесков и его время // Н.С.Лесков: Классик в неклассическом освещении. Аким Волынский Н.С.Лесков. Александр Измайлов. Лесков и его время / Подгот. текста О.Л.Фетисенко и А.А.Александрова; преамбула к коммент. А.А.Александрова; коммент. О.Л.Фетисенко. СПб.: Издательство «Владимир Даль», 2011. С.157–440.
16. Киреевский И.В. О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению в России // Киреевский И.В. Критика и эстетика / Сост., вступит. ст. и примеч. Ю.В.Манна. 2-е изд., испр. и доп. М.: Искусство, 1998. С.266–314.
17. Лесков Н.С. Левша // Лесков-7. С.26–59.
18. Лесков Н.С. О русском левше (Литературное объяснение) // Лесков-11. С.219–220.
19. Лесков Н.С. Об Иродовой темнице (Письмо в редакцию) // Лесков-11. С.242–243.
20. Лесков Н.С. Письма // Лесков-11. С.249–607.
21. Лесков Н.С. Старинные психопаты // Лесков-7. С.448–491.
22. Лесков Н.С. Собрание сочинений: В 12 т. Т.2. М.: Правда, 1989. 416 с.
23. Литвин Э.С. Фольклорные источники «Сказа о тульском косом Левше и о стальной блохе» Н.С.Лескова // Русский фольклор: Материалы и исследования. Т.1. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1956. С.125–134.
24. Лотман Ю.М. «Договор» и «вручение себя» как архетипические модели культуры // Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3 т. Т.3. Таллинн: Александра, 1993. С.345–355.
25. Майорова О.Е. Два письма Н.С.Лескова / Публикация О.Е.Майоровой // Русская речь. 1991. №1. С.29–38.
26. Майорова О. Опыт реинтерпретации «Очарованного странника» Н.С.Лескова // Русско-французский разговорник, или / ou Les Causeries du 7 Septembre: Сборник статей в честь В.А.Мильчиной / Ред.-сост. Е.Лямина, О.Лекманов, М.: Новое литературное обозрение, 2015. С.352–363.
27. Майорова О. Маркеры русскости в имперском пространстве: Парадоксы рассказа Н.С.Лескова «На краю света» // Новое литературное обозрение. 2017. №2 (144). С.45–59.
28. Маркадэ Ж.-К. Творчество Н.С.Лескова: Романы и хроники / Пер. с фр. А.И.Поповой, Е.Н.Березиной, Л.Н.Ефимова, М.Г.Сальман. СПб.: Академический проект, 2006. 478 с.
29. Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. Т.2: К-П. М.: Издательство Всесоюзной книжной палаты, 1957. 387 с.
30. <Новикова О.А.> О.К. Ирландское затруднение // Русь. 1881. №8. 3 января. С.8–9.
31. Панченко А.М. Лесковский Левша как национальная проблема // Панченко А.М. О русской истории и культуре. СПб.: Азбука, 2000. С.396–400.
32. Песков А.М. «Русская идея» и «русская душа»: Очерки русской историософии. М.: ОГИ, 2007. 104 с.

«ЛЕВША» Н.С.ЛЕСКОВА И РУССКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ МИФОЛОГИЯ

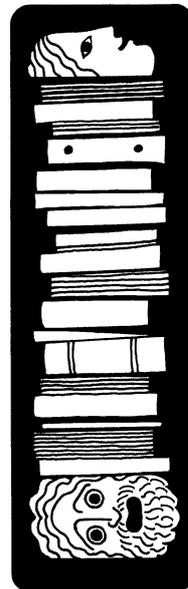
33. Ранчин А.М. Трансформации агиографического кода в «Очарованном страннике» и принцип амбивалентности в поэтике Н.С.Лескова // *Slovéne/Словѣне: International Journal of Slavic Studies*. 2017. V.6. No2. P.413–443.
34. Столярова И.В. Лесков и Россия // Лесков Н.С. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т.1: Сочинения. 1859–1862. М.: Terra, 1996. С.7–100.
35. Страхов Н.Н. Поминки по И.С.Аксакову // *Славянофильство*. С.438–447.
36. Трубачев С. Аксаков, Иван Сергеевич // *Русский биографический словарь* / Издан под наблюдением председателя Императорского Русского Исторического Общества А.А.Половцова. Т.1: Аарон – император Александр II. СПб.: Типография И.Н.Скорородова, 1896. С.97–100.
37. <Уваров С.С. Предисловие> // *Журнал Министерства народного просвещения*. 1834. Ч.1. С.III–VII.
38. Успенский Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей: Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского. М., Издательство Московского университета, 1982. 248 с.
39. Фаресов А.И. Умственные переломы в деятельности Н.С.Лескова // *Н.С.Лесков в воспоминаниях современников* / Сост., подгот. текста, коммент. Л.И.Соболева; предисл. А.М.Ранчина. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С.214–244.
40. Хомяков А.С. Письмо об Англии // Полное собрание сочинений Алексея Степановича Хомякова. 3-е изд. Т.1. М.: Университетская типография, 1900. С.105–139.
41. Хомяков А.С. Стихотворения и драмы / Вступит. ст., подгот. текста и примеч. Б.Ф.Егорова. Л., 1969. («Библиотека поэта». Большая серия. 2-е изд.).
42. Grimstad Knut Andreas. *Styling Russia: Multiculture in the Prose of Nikolai Leskov*. Bergen: University of Bergen, 2007. 257 p.
43. McLean Hugh. *Nikolai Leskov: The Man and His Art*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1977. 780 p.
44. Sperrle Irmhild Christina. *The Organic Worldview of Nikolai Leskov: Studies in Russian Literature and Theory*. Evanston: Northwestern University Press, 2002. XIII, 288 pp.

Всякую войну легко начать,
но крайне трудно кончить.

Гай Саллюстий Крисп

Тот, кто находится высоко, должен
так же подчиняться обстоятельствам,
как флюгер на башне.

Генрих Гейне

Владимир Печатнов

НЕОЖИДАННЫЙ АЛЛЕН ДАЛЛЕС

УДК
929

В публикации представлены новые документы из архива Совета по внешним сношениям (Нью-Йорк) и личного архива Аллена Даллеса, относящиеся к 1944–1946 гг. Они рисуют образ этого деятеля, весьма непохожий на расхожее представление о Даллесе как неизменно злобном ненавистнике СССР и оголтелом реакционере, одержимом идеей борьбы с коммунизмом. Даллес образца 1944–1946 гг. предстает весьма трезвым и прагматичным политиком, признающим необходимость нахождения модус вивенди с Советским Союзом на основе взаимного признания сфер интересов и дистанцирующимся от крайних апологетов начинавшейся холодной войны. Эти документы показывают, что взгляды Даллеса прореагировали определенную эволюцию, прежде чем он стал одним из главных организаторов тайной войны против Советского Союза в качестве директора ЦРУ в 1950-х гг.

The publication presents new documentary evidence from the papers of the Council on Foreign Relations and Allen Dulles's personal papers at Princeton University which pictures Dulles in 1944–1946 as a sober and pragmatic foreign policy expert quite different from the popular image of a rabid Cold Warrior bent on destruction of the Soviet Union from the end of World War II onwards. In fact Allen Dulles of that time was still in favor of finding some modus vivendi with the USSR based on mutual recognition of spheres of influence. He distanced himself from the Cold War hawks and proposed some practical ways of post-war settlement. These documents demonstrate that Dulles's views had undergone some evolution before he became one of the main organizers of covert war against the Soviet Union as a Director of Central Intelligence Agency in 1950-s.

Ключевые слова: Аллен Даллес, Управление стратегических служб, Совет по внешним сношениям, Вторая мировая война, послевоенное урегулирование, холодная война.

Key words: : Allen Dulles, Office of Strategic Services, World War II, Cold War, Council on Foreign Relations, post-war settlement.

E-mail: vopechatnov@gmail.com

«Аллен Даллес» – при этом имени у российского читателя старшего возраста сразу возникает злобещий образ основателя американского шпионажа и лютого ненавистника советского государства, одержимого идеей разрушения СССР. В Интернете и бульварном отечественном дискурсе до сих пор гуляет так называемый «план Даллеса», направленный на подрыв духовных скреп русского народа – патриотизма, исторической памяти и самопожертвования. Вот что якобы замышлял Даллес в победном 1945 году:

«Посеяв там хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности верить. Как? Мы найдем своих единомышленников, своих союзников в самой России. Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного народа, окончательного, необратимого угасания его самосознания.

Будем вырывать духовные корни, опошлять и уничтожать основы духовной нравственности. Мы будем братья за людей с детских, юношеских лет, главную ставку будем делать на молодежь, станем разлагать, развращать, растлевать её. Мы сделаем из них циников, пошляков, космополитов» [1].

Профессиональные российские разведчики и историки уже давно заметили здесь подлог – хотя бы потому, что настоящие мастера «плаща и кинжала» не изъясняются подобным кровожадно-пафосным слогом и вообще предпочитают не раскрывать своих замыслов. Более правдоподобен другой образ Даллеса – персонажа знаменитых «Семнадцати мгновений весны», где актер Вячеслав Шалевич создал образ циничного и хладнокровного резидента американской разведки времен Второй мировой войны в Берне.

Настоящий Аллен Даллес был уважаемым членом американского послевоенного истеблишмента, состоявшего из деловых людей – крупных юристов, банкиров, промышленников, дипломатов и военных, которые направляли внешнюю политику США, чередуя государственную службу с частным бизнесом. Внук одного государственного секретаря США (Джона Фостера), племянник другого (Роберта Лэнсинга) и брат третьего (Джона Даллеса), Аллен Даллес, корпоративный юрист, дипломат и разведчик, был плотно встроен в эту среду избранных. Больше всего в ней ценились профессиональная репутация и связи среди власть имущих, практический опыт и прагматический деловой подход к любым проблемам, будь то восстановление Германии или сдерживание Советского Союза.

Конечно, Даллес, как и подавляющее большинство его собратьев по сословию, был убежденным противником коммунизма. Но это отнюдь не исключало трезвого взгляда на Советский Союз и необходимости считаться с реальностью, в том числе и с интересами противника. Кроме того, взгляды Даллеса тоже менялись со временем, отражая общую эволюцию мышления американской элиты в 1940-х годах от союза с СССР к холодной войне. Поэтому Даллес образца 1944 года заметно отличался от Даллеса – директора ЦРУ времен холодной войны.

Сохранившиеся в архивах США документы позволяют наглядно представить подлинного Даллеса в процессе неформального общения с доверенной аудиторией. Первый из предлагаемых читателю документов – это запись выступления Даллеса на заседании Нью-Йоркского Совета по внешним сношениям в сентябре 1944 года. Созданный еще в 1921 году и здравствующий и поныне, Совет представляет собой уникальное сочетание закрытого элитарного клуба и аналитического центра. Все эти без малого сто лет он служил кузницей кадров американской дипломатии и внешнеполитической экспертизы. Совет по традиции приглашает на свои регулярные закрытые заседания видных политиков и дипломатов со всего мира, осуществляет исследовательские проекты, издает самый авторитетный в стране внешнеполитический журнал «Foreign Affairs». Но самое главное – он служит площадкой доверительного обсуждения внешнеполитических проблем и подходов к их решению в узком кругу «инсайдеров». Аллен Даллес, как и его старший брат Джон, был связан с Советом почти всю свою взрослую жизнь: сначала – в качестве простого члена, а затем – ведущего эксперта и члена Совета директоров. В начале Второй мировой войны он стал активным участником главного проекта Совета, осуществлявшегося в сотрудничестве с Госдепартаментом, – «Исследования войны и мира», представлявшего собой многотомную серию закрытых аналитических докладов по всем основным проблемам ведения войны и послевоенного урегулирования. Именно с этой аналитической работы Даллес и вернулся в разведку по приглашению другого члена Совета – полковника У.Донована, который возглавил вновь созданное Управление стратегических служб – предшественника ЦРУ. Даллес с его классическим образованием и языковой подготовкой (диплом с отличием) хорошо знал Европу, а особенно – Швейцарию, где во время Первой мировой войны служил молодым дипломатом. Поэтому его не случайно отправили в столицу нейтральной Швейцарии Берн – главный тогда пункт слежения за соседней Германией и европейской политикой в целом. Новый резидент УСС раз-

НЕОЖИДАННЫЙ АЛЛЕН ДАЛЛЕС

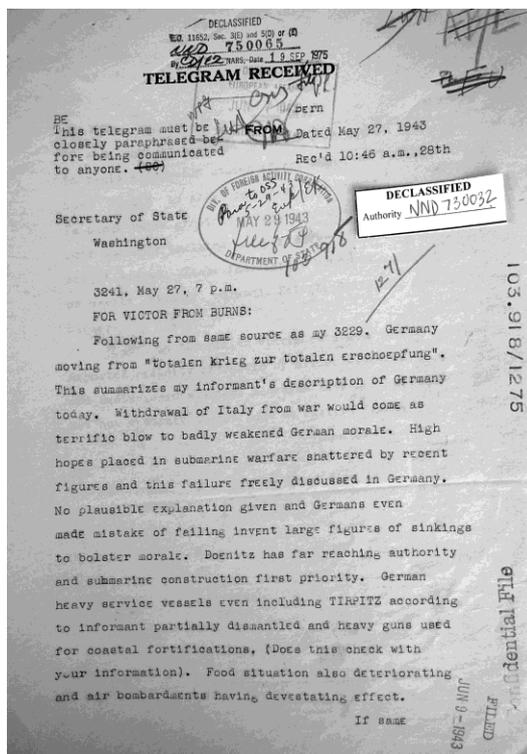
вернул там активную деятельность, став одним из основных источников информации по Германии и связующим звеном с европейским движением Сопротивления. Обо всем этом, приехав в отпуск в Нью-Йорк после двухлетнего отсутствия, он и рассказал друзьям и коллегам по Совету на званом ужине в его честь, благо конфиденциальность и принятые в нем строгие правила неразглашения обсуждаемого располагали к непринужденной откровенности. Записи подобных выступлений велись сугубо для внутреннего потребления и стали доступны историкам только недавно. Документ говорит сам за себя, отметим лишь несколько наиболее интересных моментов.

Даллес с удовольствием рассказывает о повседневной работе разведчика – конспирации, вербовке агентов, добычании и передаче информации. Не случайно годы спустя он напишет целую книгу под названием «Ремесло разведки», которая станет настольной не только для американских профессионалов. Не менее интересны и его политические оценки ситуации в основных европейских странах – Франции, Италии и Германии. Они отличаются взвешенностью и реализмом, свойственным и закрытым донесениям Даллеса из Берна в штаб-квартиру УСС,

Резидент УСС в Берне А.Даллес

многие из которых уже рассекречены и опубликованы [2]. В этих шифровках начала 1944 года, некоторые из которых докладывались президенту Ф.Рузвельту, Даллес с тревогой сообщал об усилении влияния СССР в Западной Европе на фоне затягивания вторжения союзников во Францию [3, с.516–519, с.557–558]. После успешного начала операции «Оверлорд» эта тревога пошла на убыль, и в своем выступлении в Совете Даллес выказывает весьма спокойное отношение к коммунистам и другим левым силам, с которыми УСС тоже приходилось иметь дело. Он также дает весьма точную оценку ситуации во французском Сопротивлении, признавая ключевую роль де Голля, вызывавшего большую

Донесение А.Даллеса из Берна (1943 г.)

неприятель в Белом доме. Более пессимистичен анализ Даллесом положения в Италии, что также соответствовало действительности. Особенно пристально американская разведка следила за обстановкой в Германии, где она имела неплохих информаторов. Интересен рассказ Даллеса об обстоятельствах заговора 20 июля и отношениях внутри нацистского руководства. Обращает на себя внимание его трезвый прогноз ситуации в Германии по окончании войны и весьма жесткий настрой в отношении управления оккупированной Германией, который не вяжется с расхожим

представлением о сговоре Даллеса с нацистской военной верхушкой во время знаменитого «бернского инцидента» – его секретных переговоров с генералом СС Карлом Вольфом весной 1945 г. по вопросу капитуляции немецких сил на севере Италии. Запись этого выступления Даллеса и его ответов на вопросы интересна еще и тем, что она передает атмосферу, в которой проходили заседания Совета.

1.

**ЕВРОПЕЙСКИЕ ПРОБЛЕМЫ: ВЗГЛЯД ИЗ БЕРНА
 (Совет по внешним сношениям, 26 сентября 1944 г.)**

Со времени моего возвращения в Америку многие друзья расспрашивали меня о моем двухлетнем заключении в Швейцарии. К своему пре-

НЕОЖИДАННЫЙ АЛЛЕН ДАЛЛЕС

быванию там я отношусь по-другому и рад поделиться своими впечатлениями с друзьями здесь в Совете.

Я покинул Соединенные Штаты в ноябре 1942 года. Мне удалось добраться до Барселоны, а затем до Портбоу у мыса Цербера¹. Еще до отъезда меня предупредили, что предстоит вторжение на севере Африки и что мне вряд ли удастся пробраться в Швейцарию. 9 ноября в Портбоу я получил известие о начале вторжения и решил все-таки прорываться, если придется – то с помощью маки. Поездом я добрался до Анемейс – маленькой деревушки на франко-швейцарской границе. Здесь мой паспорт проверили французские власти и немец в гражданском, о котором я был заранее предупрежден. Это местный представитель гестапо, который проверяет всех пересекающих границу. Он очень внимательно изучал мой паспорт, делая для себя много заметок. Тем не менее ничто не говорило о том, что мне не разрешат проехать. Однако вскоре суб-префект сообщил мне, что, к сожалению, ему придется интернировать любого американца или англичанина, оказавшегося на этой территории. Этот приказ, пояснил он, вступил в силу с 9 утра сегодняшнего дня. Я произнес прочувствованную речь, взывая к теням Лафоллета и Першинга, причем мой французский язык был как никогда беглым. Мы оба прослезились, но он сказал, что должен подчиниться приказу. Тогда я потребовал встречи с начальником местной жандармерии и обратился к нему с еще более прочувствованной речью, не имевшей, однако, никакого воздействия. Тем не менее он взял мой паспорт и удалился узнать, что можно сделать. Когда до отхода моего поезда оставалось всего десять минут, я отправился на его поиски, хотя французы советовали мне проявить терпение. И тут он подошел ко мне и протянул мой паспорт со словами: «Проезжайте. Вы же видите, что наше сопротивление не более чем символично». Похоже, французы уже освоили такие случаи и просто ждали, пока германский агент приступит к своему ланчу, чтобы отпустить меня восвояси.

Вот так я, наконец, добрался до Швейцарии. Моей первой задачей там было помочь французскому Сопротивлению в создании его центров и содействии Сопротивлению. Кроме того, меня заботило положение сопротивления в Германии и Италии. Но сначала расскажу о нашей работе с французами.

Наша работа в Швейцарии осложнялась тем, что нам, естественно, приходилось внимательно учитывать нейтральный статус этой страны.

¹ Порт на франко-испанской границе.

Работа с французским Сопротивлением сначала сводилась к группам на юге Франции, но впоследствии мы стали заниматься и группами, которые начали создаваться на севере страны. Разные французские группы присылали своих представителей в Женеву, где мы обсуждали с ними вопросы организации новых ячеек, их снабжения и другие проблемы. Мы также служили связными между этими людьми и внешним миром. Через нас постоянно шла их телеграммная связь с Алжиром и Лондоном, иногда мы организовывали парашютную доставку денежных средств.

Эти группы прошли через неопишуемые лишения. В основном я имел дело с Верхней Савойей, поэтому под французскими маки я, прежде всего, имею в виду людей именно из этого департамента Франции. Мы с англичанами, которые с нами тесно сотрудничали, предпочитали создавать небольшие группы, поскольку не всегда могли обеспечить большие группы всем необходимым для поддержания морального духа – продовольствием, обувью и оружием. Поэтому мы работали с малыми группами, хотя и их не всегда удавалось снабжать оружием. Маки в тех местах выросли с примерно одной тысячи человек до десяти тысяч. Когда американские войска вступили в долину Роны, эти группы были настолько хорошо организованы и так контролировали ситуацию на местах, что нашим военным не пришлось выделять силы для поддержания порядка, предоставив это дело французам. Бойцы Сопротивления были дисциплинированы и хорошо организованы. Среди них практически не было проявлений жестокости, даже по отношению к немцам. Главные из тех, с которыми мы работали, относились к FFI и FTP². Если они типичны для всего Сопротивления, то Франция, я думаю, очень быстро станет на ноги.

Люди из департамента Верхняя Савойя проявляли удивительную жизненную энергию, энтузиазм и организованность. Отмечу, что для них де Голль стал символом победы. Французы не могли от него отказаться, даже если бы захотели. Де Голль может быть капризным, и с ним трудно иметь дело, но для французского народа он стал необходимым услови-

² FFI – *Forces françaises de l'intérieur* – Внутренние французские силы, объединение вооруженных организаций Движения Сопротивления на территории Франции, возникшее в феврале 1944 г. и во многом подконтрольное Французской коммунистической партии (ФКП); FTP – *Francs-tireurs et partisans* – Свободные стрелки и партизаны, вооруженное крыло подконтрольного ФКП Национального фронта, созданное в июне 1941 г. на оккупированной территории Франции.

ем самоуважения. Это не значит, что французы слепо следуют за де Голлем, Напротив, в Верхней Савойе были случаи, показывающие независимость их мышления. Недавно де Голль послал в один из тамошних городов суб-префекта, на что имел право в сложившейся обстановке. Людям, однако, этот назначенец не понравился, и они выставили его уже на вторые сутки. Де Голль принял это без возражений.

Во время своего пребывания я общался со многими французами и с удивлением замечал, что в рассуждениях о политике они пренебрегают своей любимой логикой. Они хотят добиться полного разрыва с Третьей республикой, хотя некоторые радикальные социалисты изобретательно доказывают, что с правовой точки зрения можно и нужно обеспечить преемственность нового правительства Франции с Третьей республикой. Они рассуждают таким образом: Национальное Собрание предоставило все полномочия маршалу Петэну, он ими злоупотребил и больше не имеет на них права. Поэтому де Голль вполне может созвать Национальное Собрание, которое может наделить его необходимыми полномочиями на срок действия временного правительства. Таким образом будет соблюдена преемственность французской конституционной жизни со времени падения Франции до сегодняшнего дня. Однако большая часть французов, с которыми я общался, хотят полного разрыва с Третьей республикой.

В целом я бы охарактеризовал движение Сопротивления как радикальное, по типу всех революционных групп, но не особенно опасное. В работе по наращиванию Сопротивления мы нашли необходимым использовать коммунистическую тактику организации ячеек. Этот метод использовали в FTP, хотя в этой организации коммунисты не так сильны, как в целом.

Не хочу рисовать будущее восстановление Франции розовыми красками. Но, на мой взгляд, французы могут всех нас удивить – при условии, что мой опыт в Верхней Савойе типичен и для других мест, а также если будет налицо конструктивный подход к проблемам и сами французы проявят здравый смысл.

Если наша работа во Франции вселяет надежду, то этого нельзя сказать о нашей деятельности в Италии. Итальянцы охвачены чувствами глубокого разочарования и унижения. В Италии нет своего де Голля, а большинство людей лишены жизненной энергии и энтузиазма. Тем не менее нам удалось создать ряд групп сопротивления в долинах, простирающихся от границы со Швейцарией до севера Италии. Жители Альп выделялись своим желанием сражаться и восстановить свою честь. Мы

работали с ними и некоторыми другими, но не всегда успешно. К нам в Швейцарию приезжали представители этих групп, в основном военные, и когда мы узнавали их нужды и местоположение, то сообщали об этом англо-американскому командованию на юге Италии. Если на наши сигналы откликались, то им посылалось оружие и провиант, но часто эти поставки перехватывали немцы.

Если же получатели наших сообщений считали, что итальянцы не готовы к сопротивлению и любая помощь им будет выброшена на ветер, то никакой помощи не оказывалось. Мы не всегда знали, как нам ответить. Впрочем, в долине Аосты³ мы смогли охватить около 60% всего населения.

Немцы гораздо хуже относятся к итальянцам, чем итальянцы к немцам. После капитуляции Италии немцы начали ее систематически грабить, переправляя большую часть этой добычи по железной дороге через Швейцарию. Мы обсуждали этот вопрос со швейцарскими властями и доказывали, что впоследствии им, вероятно, придется нести ответственность за разрешение перевозить награбленное через свою территорию. Не знаю, насколько мы были убедительны с точки зрения международного права. Но мы использовали этот аргумент и смогли остановить хотя бы некоторые из этих перевозок.

В итальянском Сопротивлении были и сильные, отважные люди, которые шли на огромный риск. Два итальянца в Милане, с которым мы были на связи, использовали радиостанцию и посылали информацию нашим войскам на юге из офисного здания. Когда их засекало гестапо, они сначала уничтожили всю документацию до прихода немцев, а потом, поскольку скрываться было уже поздно, покончили с собой, выбросившись из окна.

Хороший агент никогда не попадает в плен, а убивает себя, чтобы не выдать информации своим врагам. Несколько наших агентов были арестованы и заговорили под давлением, но нельзя их за это винить. Сегодня в стандартное оснащение агента входит таблетка, которую можно держать во рту без ущерба для здоровья. Но стоит ее раскусить, как яд выходит наружу и человек быстро умирает. Выдержать пытки способны очень немногие. Иногда мы думаем, что способны на такое, но на практике считанные люди обладают необходимой для сопротивления стойкостью.

³ Автономная область в Альпах на северо-западе Италии.

Результаты, достигнутые нами в Италии, не очень ободряют. Тем не менее поддерживать связь с итальянцами, как и с французами, было нетрудно. Швейцарские власти не проявляли особой бдительности в охране границ с Италией и Францией и даже помогали нам иногда. Они предпочитают вновь иметь эти страны в качестве сильных, а не слабых соседей и потому не против усиления французских и итальянских маки.

Совсем иначе относились швейцарские власти к границе с Германией. Они охраняли ее очень тщательно, и в сочетании с немецким контролем это крайне затрудняло для нас переправку людей в Германию и из нее. Швейцарцы не боялись вторжения с севера, но опасались, что если американцы отрежут большое количество немецких войск в долине Роны, то они могут попытаться вернуться в Германию через Швейцарию.

В Швейцарии было много германских беженцев, в том числе тех, которые провели там несколько лет. Среди них были Уирт, Отто Браун⁴ и десятки других. Мы, естественно, с ними общались, а с некоторыми и работали, но, на мой взгляд, эти и другие беженцы, где бы они ни находились, не будут иметь большого влияния в будущей политической жизни своих стран.

Почти двадцать шесть лет назад мы с Джоном Дэвисом⁵ вместе были в Швейцарии, пытаясь оценить грядущий крах Германии, а потом поехали в саму Германию для изучения обстановки после ее поражения. Тогдашние проблемы были совершенно не похожи на те, с которыми Соединенным Штатам придется столкнуться через шесть, восемь или десять недель, если война закончится так рано. Сегодня Германия – банкрот в моральном и материальном отношении. В ней не осталось никакого морального духа, кроме силы инерции. Мы окажемся в ситуации полного отсутствия организованных политических партий и рабочего движения. Четверть века назад обстановка была плохой, но тогда по крайней мере оставалось некое подобие внутренней организации, существовали организованные политические партии и остатки рабочего движения. Теперь в стране нет практически ничего. Нацисты разорили ее морально и материально. Единственная опора, на которой можно наде-

⁴ *Браун Отто – германский социал-демократ, премьер-министр Пруссии до 1932 г., затем эмигрировал в Швейцарию. После войны пытался создать «Свободное государство Пруссия», но не получил поддержки союзников. Умер в Швейцарии в 1955 г.*

⁵ *Дэвис Джон – американский политик и дипломат. В 1918–1921 гг. – посол США в Великобритании, кандидат в президенты от Демократической партии в 1924 г, один из основателей Совета по внешним сношениям.*

яться что-то построить, это церкви – в той степени, в которой они сохраняют осколки организованной социальной жизни. В Германии, правда, есть коммунистическая партия, которая теплилась на всем протяжении существования гитлеровского режима. Некоторые местные ее группы были полезными для нашей работы в Германии, но в национальном масштабе она не организована.

Остатки правых сил были практически стерты с лица земли после путча 20 июля. О существовании оппозиции Гитлеру в высоких военных кругах было хорошо известно уже давно. В нее входили генерал Остер и полковник Хансон⁶ из секретной военной полиции, оба они были казнены после путча. Там было две группы: одна – с западной, а другая – с восточной ориентацией. Первая рассчитывала на поддержку русских, а вторая обратилась за помощью к западным державам, отчасти, думаю, в надежде создать раскол между Россией и ее союзниками. Обе попытки оказались безуспешными. По моей версии, тогда они решили объединить свои усилия и взять дело в свои руки.

Скорее всего, Гиммлер знал о заговоре 20 июля много, но не все. Все данные говорят о том, что он не мешал плану развиваться, но все-таки был захвачен немного врасплох. Вполне вероятно, что покушение на Гитлера было с использованием взрывного устройства замедленного действия, поскольку был достигнут элемент внезапности. Речи Гитлера, Геринга и Денница по следам событий 20 июля отдают импровизацией – не похоже, что они были заготовлены заранее с полным знанием деталей заговора.

Так или иначе, похоже, что именно Гиммлер пустил слух о том, что Гитлер был ранен, чтобы выявить остатки еще скрывавшейся оппозиции. Это был хитрый прием. Поверив этим сообщениям, несколько немецких генералов и других офицеров собрались обсудить их в Берлине, а комендант Парижа даже начал принимать меры против гестапо⁷. Тут Гиммлер и нанес свой удар. Он смог захватить всю группу заговорщиков, документы и другие материалы, включая список членов правительства, которые должны были быть назначены в случае успеха путча. Группа участвовавших в заговоре немецких офицеров тщательно продумала и этот вопрос. Затем Гиммлер уничтожил всех военных и других попавших

⁶ Точнее – полковник абвера Ганс Остер. Личность второго не установлена.

⁷ Участник заговора генерал Штюльпнагель – командующий оккупационными войсками во Франции – приступил к задержаниям персонала гестапо, СС и СД в Париже сразу после получения первого сообщения о покушении на Гитлера.

НЕОЖИДАННЫЙ АЛЛЕН ДАЛЛЕС

в его ловушку, включая Лейшнера (бывшего министра внутренних дел земли Гессен) и бывшего главу Генштаба генерала Бека⁸.

На мой взгляд, хорошо, что Гитлер остался в живых. Он должен испытать полное поражение Германии, и будет неплохо, если с ним покончат сами немцы, особенно вермахт. Участь Вицлебена⁹ говорит о том, что нацисты разрушили все отношения с военными. Насколько я знаю, Вицлебен был первым фельдмаршалом, казненным самими немцами.

Германия сегодня – это загнанный в угол зверь, который будет драться до последней капли крови, зная, что шансов выжить или улизнуть у него нет. Не знаю, когда наступит конец, но последние судороги могут быть отчаянными. Как я уже сказал, у Германии сейчас нет никакого морального духа, есть только сила инерции. Она поддерживается Геббельсом и линией пропаганды. Сначала она твердила о «неуязвимых границах», потом о «секретном оружии», а сейчас о «народной войне».

Что касается секретного оружия, проблемой которого мы также занимались в Швейцарии, то рад сообщить, что американцы и британцы с самого начала отнеслись к ней очень серьезно. С марта прошлого года мы начали получать сигналы о том, что немцы работают над ракетами. Вскоре мы узнали о первых испытаниях и базе в Пенемюнде. Информация от агентов в Германии показывала, что немцы сумели создать ракету для полётов в стратосфере, но не смогли решить проблему снабжения ее кислородом. Затем мы прослышали, что ракетам придаются крылья, но не могли проверить эту информацию. Однако мы передали ее по назначению и получили указание продолжать поиски. Время от времени мы получали списки вопросов на нескольких страницах – настолько детальных, что я даже не пытался в них разобраться. Но с помощью сотрудничавших с нами швейцарских ученых, с которыми мы обсуждали полученную от агентов информацию, нам удалось передать сведения, оказавшиеся полезными. Суть была в том, что ФАУ–2, получив крылья, стала ФАУ–1. Благодаря этой информации и сведениям из многих других источников союзники не были застигнуты врасплох, когда подверглись первым атакам летающих бомб. Наше продвижение во Франции лишило немцев большей части платформ, с которых немцы их запускали.

Думаю, что, когда Германии придет конец, мы обойдемся без перемирия и, надеюсь, что мы не станем его изобретать. По-моему, будет

⁸ Вильгельм Лейшнер занимал эту должность до прихода нацистов к власти; Людвиг Бек – генерал-полковник, начальник генштаба сухопутных сил в 1935–1938 гг.

⁹ Эрвин фон Вицлебен – генерал-фельдмаршал, казнен в 1944 г.

разумно попробовать создать местные органы власти в Баварии, Саксонии и других местах. Для управления железными дорогами и распределения продовольствия потребуются какие-то центральные органы, но, на мой взгляд, немцы еще несколько поколений будут не способны иметь работающий рейхстаг или другой вид центрального правительства.

Я не предлагаю разделить Германию на несколько отдельных государств. Но считаю, что будущее центральное правительство (за исключением его каких-то зачаточных форм) должно быть создано оккупирующими войсками и контролироваться ими. Если, к примеру, в результате естественного развития Рейнланд-Пфальц захочет отделиться от Германии или Бавария стать членом австрийской федерации, то такие перемены можно будет поддержать, но только при условии естественного развития событий.

Самый жгучий вопрос, который нам придется решать, сводится к следующему: огромный регион от Рейна до Вислы и от Адриатики до Эгейского моря в конце войны окажется без руководства. Сможем ли мы спасти его весь для западной культуры? Если нет, то какая его часть подпадет под доминирование России? Превратится ли этот регион в новые Балканы и станет тем самым источником конфликта между Востоком и Западом?

Примерно через неделю я должен вернуться в Швейцарию. Проблемой, которую я поднял, придется заниматься многим из нас. Поэтому я хочу пригласить присутствующих к ее обсуждению с тем, чтобы получить ваши мнения. В заключение скажу, что очень немногие швейцарцы, с которыми я общался последние два года, верят, что Россия и западные державы смогут когда-либо найти основу для решения проблем этой территории.

Вопрос: Каково происхождение слова маки?

Ответ: Маки – это вид кустарника, который растет на Корсике. Корсиканские бандиты использовали эти кусты для маскировки. Сейчас этим термином обозначается движение Сопrotивления.

Вопрос: Каковы шансы на восстановление Австрии как независимого государства?

Ответ: Такой план был озвучен на Московской конференции и других совещаниях. Скорее всего, это будет трудная задача. Мы пробовали собрать некоторых австрийцев для формирования комитета, но не смогли найти подходящих. Австрийцы разбежались кто куда, и Вена сейчас, насколько я знаю, один из самых обезлюдивших городов мира. Там мож-

но найти хорватов, словенцев, французов и других, но австрийцев очень мало.

Вопрос: Вы сказали, что война с Германией может закончиться через шесть–десять недель. Это Ваша собственная оценка?

Ответ: Нет, это разные мнения швейцарцев. По наиболее консервативной оценке война не закончится раньше будущей весны.

Вопрос: Какой информацией вы располагаете об эффективности союзных бомбардировок Германии?

Ответ: По степени разрушений на первом месте, наверное, Берлин и Гамбург, которые разрушены на 50–60%. Мюнхен, Ганновер и другие города тоже понесли большой урон. Но если брать какой-то один наиболее эффективный рейд, то это будет бомбардировка Лейпцига, которая дала наибольший результат.

Вопрос: Удалось ли союзникам перекрыть бомбежкой перевал Бреннер¹⁰?

Ответ: Было несколько попыток, но ни разу не удалось перекрыть его более, чем на десять суток. Немцы очень предусмотрительно складировали у всех опорных пунктов все необходимое для ремонта мостов после бомбардировок. Мы не раз пытались подорвать эти склады, но нельзя сказать, что очень успешно.

Вопрос: Что стало с французскими пленными в немецких лагерях? Живы ли они и смогут ли принять участие в Сопротивлении против немцев?

Ответ: Хорошо, что Вы подняли этот вопрос. Призыв Эйзенхауэра к французам и другим пленным в Германии подняться на борьбу с нацистами говорит о том, что нам, видимо, удалось тайно снабдить их оружием и другим снаряжением. Если не будет холокоста и французских пленным не расстреляют, то они, на мой взгляд, могут быть полезны в организации волнений в Германии. Смертность заключенных французских пленников, по моим сведениям, не выше нормы. С ними обращались лучше, чем с русскими, которые ужасно пострадали, особенно в первый год. Французы, угнанные на работу в Германию, также могут быть полезны для союзных армий. Французское подполье имеет своих агентов во всех таких группах, поэтому сопротивление может быть начато очень быстро. Мы слышали, что командование гестапо обсуждает вопрос о ликвидации большей части русских пленников. Рассматривается вариант транспортировки их с места на место и ликвидации по дороге.

¹⁰ Горный перевал в Италии на границе с Австрией.

Вопрос: Какая доля немцев поддерживает Гитлера в Германии?

Ответ: Думаю, что процентов 30–40 – больше всего в сельской местности, не подвергавшейся бомбардировкам, а также среди женщин, которые до сих пор верят Гитлеру, когда он говорит, что победа еще возможна.

Вопрос: Есть ли у вас сведения о напряженности внутри руководства нацистской партии в свете недавней чистки и неудач в войне?

Ответ: Я не знаю о чем-то необычном. Геринг, который, по-моему, потерял свое бывшее значение, еще сравнительно популярен, особенно в сельских районах.

Вопрос: Можно ли считать Гимmlера полностью лояльным Гитлеру или он может его сменить?

Ответ: Гитлер по-прежнему имеет значительную поддержку, и Гимmlер прекрасно знает, что, дабы удержаться у власти, он должен стоять рядом с тем, кто действительно пользуется поддержкой. Если бы Гимmlер решил теперь баллотироваться даже в живодера, он не получил бы в Германии ни одного голоса.

Вопрос: Вы сказали, что некоторые германские военные пытались пойти на сделку с Россией. А среди политических деятелей есть такие, кто повернулся бы в сторону России, чтобы ускользнуть от союзников?

Ответ: Думаю, что Геббельс мог бы попробовать, а возможно, и другие единственно для того, чтобы спасти свою шкуру. Но думаю, что им бесполезно даже пробовать.

Вопрос: Что стало с германским генштабом и может ли эта группа попытаться заключить с нами перемирие?

Ответ: Генштаб сейчас возглавляет генерал Гудериан. Он не армянин, как можно подумать, а отпрыск старинной прусской фамилии, которая когда-то звалась Гудерианус. Одно время он был в немилости у Гитлера из-за неосторожной телеграммы, посланной в декабре 1941 года. В то время немцы пытались взять Москву и Гудериан получил приказ бросить свой танковый корпус на Тулу. Он телеграфировал Гитлеру о том, что, если будет действовать по этому приказу, его танки замерзнут. Но Гитлер настоял на своем. Гудериан пошел в наступление, и его танки замерзли. Говорят, что тогда он послал Гитлеру еще одну телеграмму: «Я перешел в наступление и мои танки замерзли. Что мне делать дальше?» За это чувство юмора он получил годичный отпуск, но после путча Гитлеру пришлось призвать его снова. Он беспощаден и хотя может попросить перемирия, но тогда ему, видимо, придется сначала всадить пулю в Гитлера и Гимmlера.

Вопрос: Насколько многочисленно гестапо?

Ответ: Трудно сказать. С учетом Ваффен-СС, наверное, около миллиона, а если исключить армию, то, наверное, останется 3–4 тысячи. Есть целые дивизии СС во главе с генералами-эсэсовцами, но они действуют под командованием вермахта в составе армейских корпусов. Я расспрашивал об этом некоторых людей, но так и не получил ясного объяснения о месте командования СС в структуре вермахта.

Вопрос: Скажите, как вы подбираете своих агентов?

Ответ: Разве я сказал, что выбираю агентов? Не думаю, что это самый удачный термин. Тем не менее и в Швейцарии, и в Германии много людей, с которыми мы консультируемся. У многих из них есть друзья в своих странах, которые были полезны для тех или иных заданий. Многие немцы, конечно, уже давно покинули Германию и больше туда не возвращались; но некоторые стойкие антинацисты там остались. Менее стойкие худо-бедно сотрудничали с нацистами, когда дела на фронте шли хорошо, а сейчас утратили всякий энтузиазм и вернулись к своим прежним взглядам.

Работа с такими людьми в наших делах всегда сопряжена с неопределенностью. Надо исходить из того, что в некоторых ты обязательно ошибешься; надо также научиться воспринимать свидетельства того, что тот или иной человек ненадежен и, положившись на него, ты сделал ошибку.

Главное, что тревожит немцев, надолго уехавших в Швейцарию, это социальная обстановка в Германии после войны. У людей, с которыми я общаюсь, нет иллюзий насчет неизбежных территориальных потерь, и их не слишком волнует, что произойдет с границами Силезии или Восточной Пруссии. Они, прежде всего, хотят знать, останется ли Германия частью культуры Запада.

Вопрос: Знаете ли Вы что-нибудь о том, как контакты Черчилля и других с Папой Римским могут повлиять на обращение союзников с Германией?

Ответ: Нет.

Вопрос: Кардинал Фаулхабер¹¹ еще жив?

Ответ: Да, он жив и активно действует. Не хочу вносить религиозный мотив в нашу беседу – хотя сам я протестант – но не ошибусь, если ска-

¹¹ *Микаэль фон Фаулхабер – католический епископ Мюнхена с 1917 по 1952 гг. Критиковал некоторые аспекты политики нацистского режима, но признавал его легитимность, поддерживал связи с фашистскими властями.*

жу, что католическая церковь в Германии пользовалась некоторыми преимуществами по сравнению с протестантами. Поэтому священники типа кардинала Фаулхабера и другие помельче могли читать такие проповеди, за которые протестантский клерик угодил бы в концлагерь. Нацистам в своей церковной политике всегда приходилось оглядываться на Рим. Многие протестантские священники активно призывали к сопротивлению нацистам. Если бы мне в период оккупации Германии пришлось подбирать людей на административные посты, я бы обратился к местному священнику за советом о том, насколько надежны и искренни в своих антинацистских взглядах те или иные кандидаты.

Вопрос: Если использовать церкви как основу для восстановления германского общества, пригодится ли такой человек, как Нимеллер¹²?

Ответ: Этот вопрос не раз обсуждался, и пришли к выводу о том, что было бы ошибкой привести его в политику.

Вопрос: А что стало с Шахтом¹³?

Ответ: По имеющимся сведениям, после путча его поместили под усиленную стражу. Насколько я знаю, последние два года он не был в Швейцарии.

Вопрос: Стоит ли обращаться за советом по кандидатам на ответственные посты в период оккупации к местным коммунистам?

Ответ: Да, вполне. Все те коммунисты, которые действовали эффективно, хорошо знают людей в своих районах.

Вопрос: Вы сказали, что вопрос о создании центрального правительства Германии следует отложить и лучше начать с органов местного управления. Возможно, это более разумно, но может ли экономика ждать, пока будет решена проблема создания центрального правительства?

Ответ: Проблемами германской экономики придется заняться незамедлительно, но я считаю, что они должны решаться оккупационными властями. Конечно, некоторые немцы будут уже через несколько лет говорить, что они вполне способны справиться сами и требовать вернуть им контроль над своей судьбой. Но я думаю, что нам не надо спешить с

¹² Мартин Нимеллер – протестантский пастор, критик нацизма, проведший много лет в концлагерях.

¹³ Ялмар Шахт – рейхсминистр экономики (1936–1937), рейхсминистр без портфеля – один из главных организаторов военного производства в нацистской Германии. За подозреваемую связь с заговорщиками 20 июля был отправлен в концлагерь. Оправдан Нюрнбергским трибуналом в 1946 г.

НЕОЖИДАННЫЙ АЛЛЕН ДАЛЛЕС

созданием центрального правительства под контролем самих немцев. Возможно, следует выбрать новый центр вместо Берлина, который, по моему, следует стереть с лица земли как символ пруссачества, милитаризма и других темных сторон германской истории.

Вопрос: Возникнут ли на Ваш взгляд проблемы с западными границами Германии? Например, требует ли что-то для себя Франция?

Ответ: Думаю, что они могут потребовать право на территорию, прилегающую к своей границе, но, по моему, было бы ошибкой передавать сколько-нибудь значительную германскую территорию Франции. Лучше подождать и посмотреть, какие настроения могут возникнуть, например, в Рейнланд-Пфальце или Баварии относительно отделения от Германии или – в случае с землей Рейнланд-Пфальц – относительно таможенного союза с Францией.

Вопрос: Может ли итальянская кампания закончиться вскоре?

Ответ: Думаю, что вряд ли.

Вопрос: Могут ли итальянцы на севере помочь нам, ударив немцам в тыл?

Ответ: Да, если нам удастся снабдить их как следует.

Вопрос: Знаете ли Вы о взглядах русских на германское урегулирование?

Ответ: Нет, не знаю. Думаю, что они известны только самим русским.

Вопрос: Не кажется ли Вам, что после поражения Германии мы столкнемся в Италии с той же проблемой, что в Германии? Мы уже убедились, что Италия не справится с ситуацией, опираясь на слабое административное управление, не имея армии и страдая от последствий войны.

Ответ: Нет, я так не считаю. Как бы ни была плоха ситуация в Италии, мир не рухнет, если не будет найдено быстрое решение итальянской проблемы. В случае же с Германией основная проблема иная и у нас не будет времени на оттягивание ее решения [4].

Второй из публикуемых документов представляет собой текст выступления Даллеса на закрытой конференции, организованной Принстонским университетом осенью 1946 года. Как и Совет по внешним сношениям, престижный Принстонский университет занимал особое место в жизни обоих братьев Даллесов. Это была их альма-матер, связь с которой они поддерживали всю жизнь. Одни из самых именитых выпускников университета, они давали ему деньги, входили во влиятель-

ный Попечительский Совет, оказывали юридическую помощь, участвовали в университетских проектах. В 1946 году Принстон отмечал свое двухсотлетие и Аллен Даллес принял приглашение принять участие в одном из юбилейных мероприятий. В ту пору он на время отошел от разведывательного поприща, тем более что УСС уже было ликвидировано, а ЦРУ еще не создано, и вернулся к частной юридической практике в семейной юридической фирме «Салливэн энд Кромвель» – одной из самых влиятельных в стране, стоявшей на стыке большого бизнеса и политики. Но он не порывал связи с внешней политикой, в том числе и по линии Совета по внешним сношениям, где входил тогда в совет директоров.

Это выступление, хранящееся ныне в личном архиве Даллеса (в том же Принстоне), интересно, прежде всего, тем, что дает представление о его взглядах в момент сползания США к холодной войне, когда жесткий курс в отношении СССР уже наметился, но еще не утвердился окончательно. Уже разлетелась по правительственным кабинетам знаменитая «длинная телеграмма» временного поверенного США в Москве Дж.Кеннана с изложением основ будущей «стратегии сдерживания», уже прозвучала фултонская речь Черчилля, в Пентагоне уже прикидывали возможности войны с СССР, а накануне принстонской конференции президент Гарри Трумэн с шумом уволил последнего соратника Ф.Рузвельта министра торговли Г.Уоллеса за критику своего жесткого курса в отношении вчерашнего союзника. А что думал в это время Аллен Даллес, который воздерживался от публичных заявлений? Предлагаемый документ – одно из немногих сохранившихся свидетельств его подлинного настроения в этот критический переходный период. Сразу же бросается в глаза, что Даллес не спешит присоединиться к американским «ястребам», поставившим крест на дальнейших переговорах с Советским Союзом. Он еще мыслит не в категориях конфронтации, а как «примирить политику западных держав и России», пытается нащупать пути договоренностей с Москвой по ключевым проблемам послевоенного урегулирования в хорошо знакомой ему Европе. Фактически он предлагает решать эти проблемы на основе взаимного признания сфер интересов СССР и Запада.

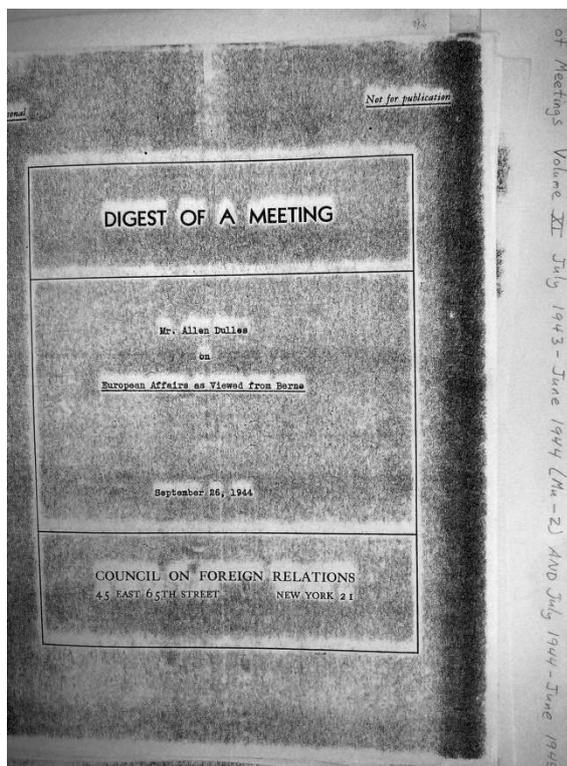
Даллес не верит в неизбежность железного занавеса и явно дистанцируется от двух западных соблазнов первых послевоенных лет – не выводить американские войска из советской зоны оккупации Германии

для оказания давления на Москву и использовать немецкие людские и военные ресурсы против СССР. Он убедительно показывает, что оба эти варианта не решат существующих проблем, а лишь осложнят и без того напряженные отношения с Москвой. Даллес признает законность и обоснованность главного стратегического интереса СССР – исключить угрозу своей безопасности со стороны Германии и возможность использования Германии Западом против Советского Союза. Но предлагаемые им пути решения этой проблемы – децентрализация, «глубокая федерализация» и радикальная демилитаризация Германии – оказались нежизнеспособными и главным образом – по вине самого Запада. Вашингтон и Лондон не пойдут на серьезное ослабление Германии, не удержавшись от искушения использовать ее ресурсы (в том числе военные) в борьбе с СССР. Такая позиция никак не могла «придать России подлинное ощущение безопасности», о необходимости которого говорил Даллес, и привела, как он и опасался, к замораживанию раскола Германии и Европы на долгие годы («чем дольше он будет продолжаться, тем труднее его будет преодолеть»).

Более реальным оказался даллесовский прогноз по двум другим кризисным пунктам на линии от устья Эльбы до Адриатики – Австрии и Триесту. Окончательное урегулирование этих проблем произошло примерно так, как предлагал Даллес, хотя на это потребовалось почти десять лет. Интересная деталь связана со своеобразным «эхом Кроссворда», прозвучавшим в размышлениях Даллеса по Триесту: бывший резидент УСС в Берне приводит дополнительный довод в оправдание своих секретных контактов с Карлом Вольфом весной 1945 года, которые, приведя к капитуляции немецких войск на севере Италии, помимо прочего, ускорили продвижение англо-американских войск и помогли им войти в Триест практически одновременно с армией Тито.

Интересен и проницательный долгосрочный прогноз Даллеса о грядущей борьбе между Востоком и Западом «за душу Германии», и особенно концовка его выступления, в которой он задается вопросом о том, к чему могут привести попытки найти модус вивенди с Москвой – окончательному расколу Европы и мира между двумя системами, «которые не могут долго жить вместе» или «возникновению такого взаимопонимания и даже обоюдной эволюции, которые станут основой единой мирной системы».

В то время для большинства коллег Даллеса ответ на этот вопрос был уже ясен: железный занавес и борьба до победного конца – краха СССР через его изматывание в холодной войне. А Даллес не только сохраняет здесь знак вопроса, но и допускает крамольную мысль о возможном преодолении этого соперничества через сближение систем на основе встречного движения. Идея конвергенции в устах будущего директора ЦРУ кажется маловероятной, но вряд ли это была случайная оговорка. В разных вариантах эта концепция в годы войны обсуждалась во внутренних американских дебатах, в том числе в Совете по внешним сношениям. Наиболее последовательно ее отстаивал один из пассажиров знаменитого «философского парохода», ставший гар-

Титульный лист записи выступления А.Даллеса в Совете по внешним сношениям 26 сентября 1944 года

вардским профессором, Питирим Сорокин, на одном из заседаний Совета в 1944 году [5]. Уже после войны на закрытых обсуждениях в Совете Даллес занимал весьма умеренную позицию по отношению к СССР. В частности, осенью того же 1946 года он был одним из немногих сторонников публикации оптимистического доклада исполнительного директора Совета Дж.Франклина о перспективах отношений с СССР, который большинство руководства Совета сочло чуть ли не просоветским и не

выпустило в свет [6].

Этот переходный период скоро пройдет, и Даллес действительно станет одним из главных организаторов тайной войны против СССР. Но это уже другая история.

2.

Выступление на конференции по развитию международного сообщества, посвященной 200-летию Принстонского университета (12 октября 1946 г.)

Нас попросили рассмотреть препятствия к международному сотрудничеству и предложить, как их можно преодолеть. Признаюсь, это была не моя идея, и я не претендую дать компетентный ответ на этот вопрос. Чтобы сделать обсуждение более конкретным, я предлагаю сосредоточиться только на части проблем отношений между великими державами – США, Великобританией и Россией, возникающих вдоль линии от устья Эльбы до Триеста, которую иногда называют железным занавесом. Здесь, как и в других частях света, суть проблемы состоит в том, чтобы найти способ примирить политику западных держав и России без отступления или отказа от принципов.

Вместо старой системы баланса сил в Центральной Европе возникла – по крайней мере на время – система, основанная на четком географическом разделении мощи. Как боксерам в клинче, нам требуется начать с нового листа и попытаться найти выход из ситуации, чреватой опасностью, покуда эта линия сохраняется.

Как и со многими другими броскими фразами, название «железный занавес» скорее вводит в заблуждение. Нельзя провести железный занавес через густонаселенное сердце Европы. Эта линия не проходит по географическим или экономическим барьерам и по большей части разделяет народы, которые веками были объединены историческими, экономическими и культурными узами. Эта линия может быть только искусственным барьером между народами и соперничающими сферами влияния. Как таковая, она представляет угрозу мирному развитию Европы и будет порождать опасные для дела мира конфликты.

Я знаю, что есть люди, искренне считающие, что надо примириться с идеей о том, что эта разделительная линия является постоянной и что все пространство к востоку от нее Западная Европа может списать как

находящееся в зависимости от России. Лично я не вижу, почему мы должны смириться с этой идеей. Перефразируя Библию, можно сказать, что европейский дом, расколотый надвое, не устоит. Та часть этой линии, которая проходит через Германию и Австрию, была согласована дипломатическим путем между Рузвельтом, Черчиллем и Сталиным. Другая – итало-югославская ее – часть возникла в результате гонки на опережение между англо-американскими войсками, с одной стороны и югославскими и русскими – с другой, стабилизировавшись примерно там, где они встретились.

Зоны оккупации в Австрии и Германии начали согласовываться, когда англо-американские войска еще не вторглись в Европу, за исключением южной оконечности Италии. Тогда никто еще не знал, где именно на европейском континенте встретятся войска Востока и Запада. Поэтому понятно, почему Рузвельт и Черчилль согласились с русскими относительно нынешних зон оккупации. В то время они, видимо, полагали, что продвинули эту линию так далеко на восток, как только позволяли тогдашние позиции сил Запада. Потом оказалось, что при крахе Германии сначала произошел прорыв на Западном фронте. Это случилось отчасти потому, что наши войска были более свежими и моторизованными, чем русские, а отчасти потому, что немцы перед лицом разгрома предпочитали западную оккупацию русской. В результате наши войска вышли далеко за пределы демаркационной линии в Саксонии и заняли западную Чехословакию. Несомненно, мы могли продвинуться еще дальше, если бы это было политически целесообразно.

Но что бы мы выиграли в результате временной американской оккупации Берлина и Праги? Наши русские союзники лишились бы удовлетворения от достижения своих законных целей, заработанных огромными жертвами их побед на Восточном фронте. Это не могло породить у них ничего, кроме недобрых чувств. К этому добавилась бы потеря нашего престижа в результате отступления к ранее согласованной демаркационной линии, которую мы обязались уважать. Кстати, в тех районах Саксонии, куда мы сначала вошли, а потом оставили, местное население воспринимало наше отступление как результат русского давления, а не следования ранее взятым обязательствам.

В одном мало замеченном случае оказалось возможным ликвидировать соперничающие зоны оккупации и проделать дыру в так называемом железном занавесе, а именно – в Чехословакии. Американские и

большая часть русских войск ушли из этой страны. Возможно, русские сочли, что Запад не станет или не сможет использовать Чехословакию против них или что она может стать политической и идеологической базой их проникновения на Запад. А возможно, они решили, что полезно иметь нейтральную зону между Западом и Востоком. В любом случае, тот факт, что Чехословакия была сравнительно быстро освобождена от иностранных оккупационных войск, является одним из немногих ободряющих признаков в общей мрачной картине отношений между Западом и Россией.

Да, в правительстве Чехословакии преобладают коммунистические элементы, она опирается на Россию и в большинстве вопросов следует за ее политическим руководством. Однако данные говорят о том, что она остается демократически организованной страной с относительной свободой в управлении своими делами. Политическое и экономическое развитие этой страны, занимающей стратегическое положение между Востоком и Западом, будет показателем более широких тенденций, развивающихся к северу и югу от чехословацкого острова. Вдоль этой разделительной линии от Адриатики до Гамбурга расположены три основные проблемы в отношениях между великими державами – Триест, Австрия и Германия.

Русские были, мягко говоря, разочарованы, когда англо-американские войска вошли в Триест и заняли его раньше их. Я принимал участие в переговорах, приведших к капитуляции немецких сил на севере Италии. Русские были информированы о ходе этих переговоров, но были против них, поскольку считали, что мы затеяли сепаратную сделку с немцами. Ответ на это ясен: никаких политических переговоров мы не вели; речь шла только о безоговорочной военной капитуляции немецких сил. Если бы эти переговоры закончились неудачей, то русские или югославские силы вошли бы в Триест первыми. Когда же капитуляция была подписана, дорога на Трест для английских и американских армий стала открыта.

Предлагаемое решение – сделать Триест вольным городом – в принципе разумно. Триест должен обслуживать бассейн Дуная, поскольку как морской порт он не нужен ни Италии, ни Югославии. Он важен для них скорее эмоционально, чем реально. К тому же свободный порт может стать своеобразным изолятором в этом перекрещивании соперничества великих держав, но только при условии, что этот его статус будет гарантирован. Данциг, находившийся в похожем уязвимом положении, стал

факелом мировой войны. Триест может стать опасной пешкой в силовой игре, если великие державы не сделают его действительно свободным городом и не примут на себя серьезную ответственность за то, что любое действие, нарушающее статус Триеста, покушается на мир.

Второе место вдоль этой линии, где испытывается политика великих держав – это Австрия. Теоретически решение этой проблемы ясно: все оккупационные державы – США, Россия, Франция и Великобритания – должны начать постепенный вывод своих войск с тем, чтобы оставить там лишь немногочисленный, желательнo гражданский, персонал для помощи австрийскому правительству в течение одного–двух лет. Очевидно, Австрии потребуется помощь для экономического и политического восстановления, но в этом должны участвовать и Россия, и западные страны без попыток монополизировать свою роль.

Согласится ли Россия последовать в Австрии чехословацкому прецеденту? Для нее это будет не так просто. Австрия сама по себе настроена весьма антикоммунистически, и Россия может опасаться, что она станет слишком «демократической». Однако если учесть, что Россия к востоку и югу от Австрии занимает прочные позиции, с которых она еще не скоро уйдет, ее стратегическое положение гораздо более выигрышно, чем у западных держав. Маленькая Австрия, если она станет независимой и свободной, не будет представлять никому никакой угрозы. К сожалению, русские склонны рассматривать австрийскую проблему в тесной увязке с германской и вряд ли пойдут на свертывание оккупации Австрии до выяснения окончательного урегулирования в Германии. Здесь кроется главная проблема, с которой сталкиваются великие державы в Европе, и главное препятствие к созданию европейского общества, в котором было бы возможно сотрудничество между Востоком и Западом. Со времени капитуляции Германии прошло уже полтора года, а прогресса в германском урегулировании по-прежнему нет. Что касается американской политики в этом вопросе, то она отличается непоследовательностью и неопределенностью. Начав с полной мешанины, мы сделали большой шаг вперед после речи госсекретаря Бирнса в Штутгарте¹⁴ и теперь занимаем более конструктивную позицию. Я не хочу критиковать наш персонал в

¹⁴ 6 сентября 1946 г. в Штутгарте госсекретарь Дж.Бирнс заявил, что США не выведут свои войска из Германии до достижения своих целей, и выступил против международного контроля над Руром.

НЕОЖИДАННЫЙ АЛЛЕН ДАЛЛЕС

Германии, с которым мне довелось работать в начальный период оккупации. Им была поставлена невыполнимая задача в почти невозможных условиях. Наверное, они слишком буквально восприняли инструкции – знаменитый приказ 1067¹⁵ – и, как хорошие солдаты, пытались его выполнять вместо того чтобы просить его изменить. Им также мешала противоречивость и нереалистичность потсдамских договоренностей. Суть вопроса состоит в том, сможет ли Европа найти решение своих проблем, если Германия окажется разделенной на две части: одна – коммунизированная и находящаяся под контролем России, а вторая – поставленная на западную демократическую основу под эгидой США, Великобритании и Франции. На мой взгляд, ответ на это скорее негативный.

Такой раздел представляет большую опасность. Политически он будет сугубо искусственным, а экономически – разрушительным. И чем дольше он будет продолжаться, тем труднее его будет преодолеть. Вполне вероятно, что Россия будет продолжать стоять на Эльбе и затягивать мирное урегулирование, покуда она опасается, что западные страны смогут организовать Германию против нее, и покуда она надеется, что, оставаясь там, она сможет коммунизировать всю Германию в качестве своего сателлита. Если этот анализ правилен, то перед западными оккупационными странами стоят две задачи: первая – убедить Россию, что ни одна часть Германии не будет использована против нее, и вторая – что всю Германию не удастся превратить в коммунистическую.

Несомненно, что со времен Мюнхена русские ощущали, что, принеся в жертву Гитлеру Чехословакию безо всяких консультаций с ними, западные страны направили Германию против России. А когда Молотов и Риббентроп подписали соглашение о разделе Польши, у Великобритании и Франции были все основания считать, что Россия направляет Германию против Запада. Задача мудрой государственной политики – прекратить подобную игру. Мы должны получить Германию, которая не захочет и не сможет быть использована Западом против России или Россией против Запада.

Наша задача усложняется тем экспериментом, который проводит Россия в Восточной Германии по насаждению там коммунистической

¹⁵ *Инструкции военного командования США об обращении с Германией лета 1945 г., предусматривавшие весьма жесткие меры по искоренению влияния нацизма.*

системы. Судя по всему, пока этот эксперимент имеет только частичный успех. Русские поняли, что германские коммунисты сами по себе не смогут победить на выборах даже в своей зоне, поэтому они заставили их объединиться с социалистами. Но и при этом они получили ничтожное большинство. Предоставленная самой себе, Германия, конечно, не примет коммунистической системы. Но русские не собираются предоставлять ее самой себе. Они надеются, что с образованием коммунистической Восточной Германии с правительством в Берлине, находящимся в глубине советской зоны, появится возможность распространить коммунистическую систему на всю остальную Германию. Это логично объясняет, почему они выступают за единую, а не федеральную Германию.

Сейчас мы мало чем можем повлиять на развитие событий в советской зоне. Но ту двойную задачу, о которой я сказал, мы можем начать выполнять в своих зонах. Мы должны убедить Россию, что ей не нужно коммунизировать Восточную или Западную Германию для своей защиты. Мы также должны убедить ее, что, в конечном счете, ей не удастся достичь этих целей. Для того, чтобы убедить русских, что коммунистическая Германия не нужна им для защиты, нам следует проводить в своих зонах такую политику, которая придаст России подлинное ощущение безопасности.

Порой приходится слышать о планах использования людских ресурсов и потенциала Германии в военных целях для того, чтобы сделать ее барьером против коммунизма. Возможность использования избыточных людских ресурсов Германии в военных целях явно привлекает некоторых людей. Это было бы не просто ошибочно и вредно, но что еще хуже – глупо и тщетно. Если говорить о военной мощи, то, что бы мы ни создали в западной части Германии, будет недостаточно, чтобы остановить русских силой, если они решат двинуться на запад. Кроме того, Россия имеет право требовать и добиваться защиты от любого военного использования нами германского потенциала. Мы имеем такое же право добиваться, чтобы Россия не использовала немцев против нас. Как сказал госсекретарь Бирнс, Германия не должна быть ни пешкой, ни партнером. Лучшее средство достижения этой цели – сделать так, чтобы у Германии не было ни армии, ни офицерского корпуса, ни генерального штаба. А для поддержания порядка достаточно полицейских сил, подконтрольных местным властям, а не центральному правительству. Лично я считаю, что мирное развитие Германии должно основываться на глубоком феде-

НЕОЖИДАННЫЙ АЛЛЕН ДАЛЛЕС

рализме – более основательном, чем предусмотренный в Конституции США.

Сегодня Россия отвергает идею федеральной Германии в надежде на то, что с помощью контроля над центральным правительством ей удастся расширить свое влияние на всю страну. Но если убедить ее в невозможности создания единой коммунистической Германии, то она может понять, что федеральная демилитаризованная Германия может стать альтернативным решением, дающим ей максимальную защиту.

Столь часто и порой незаслуженно проклинаемый Версальский договор имел, на мой взгляд, два основных недостатка. Во-первых, он позволил сохранить центральное германское правительство, а во-вторых, оставлял этому правительству контроль над ядром сильной военной машины. Обе эти ошибки следует исправить в нашей нынешней германской политике. Власть в Германии должна быть передана землям, а Пруссию следует расчленить на несколько более мелких образований. Центральная власть в Германии должна быть строго ограничена и распространяться только на сферы, необходимые для сохранения экономического единства, – торговлю, денежное обращение и т.п.

Помимо убеждения русских в том, что их безопасность и защита могут быть обеспечены без коммунизации Германии, необходимо доказать им, что они не смогут превратить ее в коммунистическую страну. Это отчасти зависит от эффективности той политики, которую мы, англичане и французы, будем проводить в части Германии, находящейся под нашим контролем. Речь идет об испытании жизнеспособности демократической системы по сравнению с коммунистической русской системой. Ответ в конечном итоге дадут 60–70 миллионов немцев, больше половины которых живут в западных зонах. Мы не должны приступать к этому испытанию с идеей о том, что нам надо соревноваться с русскими в переманивании немцев на свою сторону. Таким образом, мы будем играть в немецкую игру, а это не пойдет на благо мира и восстановления Европы. В то же время своей политикой мы можем показать немцам, что Запад способен предложить им большую надежду на достойное будущее, больше шансов достичь благосостояния и обеспечить восстановление разрушенного, чем Россия. Пока нам это плохо удается, и продолжение того же самого грозит привести к коммунизации Германии. Уже имеются сведения о том, что немецкие рабочие начинают перебираться из западных зон в восточную, поскольку у русских для них есть работа. На западе

слишком много безработных, а если вы предложите немцу выбор между правом на работу и свободой, то он скорее выберет пропитание, чем политические права. При создании демократической системы в западной Германии мы сталкиваемся с большими препятствиями: огромными разрушениями, развалом экономики, голодом, нехваткой сырья для обеспечения немцев работой, моральным и политическим крахом, горьким разочарованием поражения. Все это порождает аномалии вплоть до нигилизма и может создать плодородную почву для коммунизма. Но, с другой стороны, ясно, что имея свободу выбора, немцы предпочитают демократическую западную систему коммунистической. Наша задача состоит в том, чтобы дать немцам шанс доказать, что даже из той духовной и материальной разрухи, которую Германия представляет собой сегодня, можно построить свободное и мирное общество.

Вопрос о том, возможен ли мир в мире, разделенном на две половины – демократическую и коммунистическую, остается открытым. Пока ответ на него не будет найден, невозможно сказать, удастся ли преодолеть преграды к сотрудничеству великих держав и создать мировой порядок на мирной основе. Мы не найдем ответа с помощью какой-то волшебной формулы, на которой можно построить договор между Россией и западными странами. Мы можем прийти к решению только путем конструктивного подхода к конкретным проблемам, расположенным на линии Триест–Гамбург, о которых я говорил. Конечно, это только часть целого комплекса не менее острых проблем, с которыми мы так же сталкиваемся на Дарданеллах, Ближнем и Дальнем Востоке. И в каждом пункте, где соприкасаются интересы России и западных держав, мы должны выработать такие решения, которые не делят страны на победителей и побежденных, а оставляют им возможность свободно выбрать свой образ жизни, свою форму правления, свою социальную систему. В этом смысл чехословацкого прецедента. Пока невозможно предугадать, что будет конечным результатом этих усилий – создание разделительной зоны между двумя противоположными и динамичными системами, которые не могут долго жить вместе, или возникновение такого взаимопонимания и даже обоюдной эволюции, которые станут основой единой мирной системы. Противоборствующие верования могут остынуть¹⁶. Разумеется, в проведении такой политики нам нельзя отступать и жертвовать принци-

¹⁶ Фраза вставлена от руки.

НЕОЖИДАННЫЙ АЛЛЕН ДАЛЛЕС

пами свободного либерального демократического существования или правом других народов на выбор такого пути, хотя в некоторых регионах мира у нас сейчас нет возможности воплощать эти принципы в жизнь. В конечном итоге есть два правила, в которых мы твердо убеждены: во-первых, выживают наиболее жизнеспособные и сильные цивилизации, во-вторых, история учит, что тирания не может быть вечной [7].

Библиографический список

1. URL: <http://www.mk.ru/editions/daily/article/2005/01/20/-zlovesch200843allea.html#plan-d> (дата обращения 05.05.2018).
2. From Hiler's Doorstep: The Wartime Intelligence Reports of Allen Dulles, 1942–1945. Ed. by N.Petersen. N.Y., 1996.
3. Путь к Великой Победе: СССР в войне глазами западных современников: документы и материалы / под ред. акад. А.В.Торкунова; авт.-сост.: В.О.Печатнов, М.М.Наринский, И.Э.Магадеев М.: ООО «Аквариус», 2015. 926 [1] с.
4. Digest of A Meeting, 26 September 1944. Mr.Allen Dulles. European Affairs as Viewed from Berne // Seeley Mudd Manuscript Library, Princeton University, Papers of Council on Foreign Relations, Records of Meetings, box 440, folder 3.
5. Russia in the Post-War World. November 16, 1944 // Seeley Mudd Manuscript Library, Princeton University, Papers of Council on Foreign Relations, Records of Meetings, box 440, folder 3.
6. U.S.Relations with Russia (1944–1946) // Seeley Mudd Manuscript Library, Princeton University, Papers of Council on Foreign Relations, Records of Groups, box 136, folder 3.
7. Outline of Remarks. Princeton University Bicentennial Conference on Development of International Society, October 12, 1946 // Seeley Mudd Manuscript Library, Princeton University, Papers of Allen Dulles, Ser.5, Subject Files, box 106, folder 29, Soviet Union, 1945–1947.

Государственные деятели отличаются от политиков тем, что первые думают о будущем страны, а вторые – о предстоящих выборах.

Уинстон Черчилль

Великое искусство всякого политического
деятеля не в том, чтобы плыть против течения,
но обращать всякое обстоятельство
в свою пользу.

Фридрих Великий

Жорес Медведев, Рой Медведев

РОССИЯ ЧЕРЕЗ ШЕСТЬ ЛЕТ

РЕДАКЦИОННАЯ ПОЧТА

УДК
323(47)

В предвыборном Послании Федеральному Собранию 1 марта 2018 года Владимир Путин обещал России «Большой прорыв». Программа Большого прорыва должна, прежде всего, обеспечить независимость России и ее союзников от многочисленных санкций и провокаций, нараставших волной с 2014 года. Задачи, поставленные Путиным на ближайшие шесть лет, столь велики, что их будут решать с директивным привлечением частных капиталов. Именно таким путем финансировалась зимняя Олимпиада в Сочи в 2014 году, две трети расходов на строительство объектов которой составили частные инвестиции. Традиционные методы увеличения доходов бюджета являются общими для всех стран и будут, безусловно, применены и в России. Это, прежде всего, повышение разнообразных налогов с доходов, продаж, прибылей и собственности. Дополнительные средства в бюджет привлечет повышение пенсионного возраста. Традиционными для увеличения доходов бюджета являются повышения акцизов на бензин и дизельное топливо, а также на табачные изделия и алкоголь. Не исключено, что будут сокращаться субсидии по коммунальным услугам. В России будут, очевидно, применяться и меры, специфичные именно для нее. Это прежде всего особые меры по возвращению многомиллиардных капиталов, утечка которых на офшоры и в западные банки в период олигархического капитализма не была остановлена и после 2000 года.

The main direction of the economic programme for the next six years is the economic and technological breakthrough with simultaneous increase in the wellbeing of the population, increase in the birth rate and life expectancy, development of medical care, education and science and accelerated growth in the production and export sectors of the economy.

However, the financial part of this programme will require the increase of taxes, rising the pension age, reduction of military spending, reduction of subsidies, import substitution. Implementation of the "Putin's Programme" needs careful and detail planning in order to remove its contradictions.

Ключевые слова: директивы президента; бюджет; возвращение капиталов из офшоров; резервы Путина.

Key words: Russia's future; Putin's Programme; technological (digital) change; increase of living standards.

E-mail: zhmedvedev@yahoo.co.uk

Большой прорыв?

В предвыборном Послании Федеральному Собранию 1 марта 2018 года Владимир Путин обещал России «Большой прорыв»:

«...скорость технологических изменений нарастает стремительно, идет резко вверх. Тот, кто использует эту технологическую волну, вырвется далеко вперед. Того, кто не сможет этого сделать, она – эта волна – просто захлестнет, утопит» [1].

Эта же мысль отчетливо прозвучала и в Инаугурационной речи 7 мая уже избранного на следующие 6 лет президента, повторившего свое предвыборное обещание «экономического, технологического прорыва...».

Не только как историки, но и как люди, прожившие долгую жизнь, мы помним похожие по значению, с учетом времени, слова другого российско-советского лидера, произнесенные им 4 февраля 1931 года на Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности:

«Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут» [2].

Эта грандиозная программа была с огромным напряжением осуществлена двумя пятилетками по обязательному и детально разработанному плану, выполнение которого было законом и приоритетом для всей страны. За десять лет вошли в строй тысячи новых заводов, промышленных комбинатов, фабрик, шахт и электростанций. Крестьянская Россия была преобразована в индустриальную державу.

В XX веке мы были свидетелями нескольких успешных экономических прорывов. Можно вспомнить «Новый курс» Франклина Рузвельта в 1933–1938 годах, поднявший США из разрухи экономического кризиса и «Великой депрессии». Быстрыми были возрождения Германии и Японии в 1946–1950 годах из руин поражения в войне. Восстановление экономик Франции, Голландии, Бельгии, Норвегии, раздробленных и разграбленных после их оккупации в 1940 году, опиралось, однако, на щедрую помощь «Плана Маршалла», объявленного США в 1947 году.

Программы экономических прорывов не всегда оказывались успешными. «Большой скачок» Мао Цзедуна, начатый в Китае в 1958 году, обернулся катастрофой для населения этой великой страны. Неудачей окончилась и выдвинутая в 1957 году Хрущевым программа «Догнать и

перегнать Америку» по производству сельскохозяйственных продуктов. Всем помнится и печальная судьба горбачевской «Перестройки». Провалившиеся в 1990-х годах программы «шоковой терапии», ваучерной приватизации, залоговых аукционов по раздаче госсобственности частным владельцам и, наконец, финансовая пирамида ГКО, приведшая к дефолту, были попыткой прорыва от социализма к капитализму, принятой Борисом Ельциным. Они обрушили благосостояние населения и экономику всей страны.

Большой прорыв президента Путина имеет, однако, лучшие шансы на успех, хотя и не все его обещания можно реализовать в столь короткий срок. Разработанной и обязательной экономической программы новых реформ пока нет. Подписанный 7 мая указ президента «О национальных целях и стратегических задачах развития РФ на период до 2024 года» [3] – это не жесткий обязательный план, подкрепленный финансированием, конкретными проектами и экономическими расчетами, а лишь намерения и поручения правительству.

Экономические реалии прорывов

Экономические программы и человеческие факторы известных истории прорывов не были одинаковыми. Петр Первый, поднявший промышленный потенциал России на невиданную для того времени высоту, достиг успеха своих реформ путем насилия и принуждения к труду крепостных крестьян и всех других сословий общества. Экономическая и военная мощь империи возрастала, тогда как уровень жизни населения, не превышавшего в период 1700–1725 годов 20–25 миллионов человек, снижался.

Преобразования экономики в период сталинских пятилеток достигались принуждениями и массовыми репрессивными кампаниями. Развитие крупной промышленности происходило на основе насилия и экспроприаций, наиболее известными из которых были раскулачивание состоятельных крестьян и конфискация финансовых ресурсов и собственности мелких предпринимателей, создавших в период НЭПа в 1922–1929 годах тысячи полезных и успешных производств и торговых предприятий в потребительской сфере. Многие заводы, включая легендарный Московский автомобильный ЗИС и Сталинградский и Челябинский тракторные заводы, создавались путем комплексного импорта оборудования из США и под руководством американских инженеров.

«Новый курс» Рузвельта имел успех, благодаря вмешательству государства в экономические проекты. Для ликвидации безработицы была законодательно введена сокращенная 35-часовая рабочая неделя и начата обширная программа общественных работ, прежде всего по строительству магистральных шоссе, железных дорог и мостов. Был отменен золотой стандарт доллара¹. Правительство могло печатать любые суммы долларов, не обеспеченных золотом. Введена минимальная зарплата рабочих. Ограниченный период государственного социализма оказался спасительным для американского капитализма.

Неудачи других прорывов также имеют объективные объяснения.

«Большой скачок» Мао Цзедуна кончился провалом, так как он не был обеспечен научно-технической программой, финансовыми, материальными и кадровыми ресурсами. Это же относится и к «перестройке» Горбачева.

**Исторические испытания
российской науки
и технологии**

Первая электронная вычислительная машина была создана в США в 1945 году. В то же время в Советском Союзе кибернетику объявили буржуазной и идеалистической псевдонаукой. Разделение многих научных отраслей на «буржуазные» и «социалистические» продолжалось до 1954 года. В компьютерных технологиях Советский Союз отставал от США на два технологических поколения. Последнее эмбарго на продажу в СССР американских компьютеров вводилось президентом США Джимми Картером в 1980 году. По производству и применению компьютерных технологий Россия в настоящее время отстает не только от США и Японии, но и от Китая.

Распад СССР и образование на его территории 15 новых государств привели к многочисленным разрывам ранее единой промышленной экономики и финансовой системы. От возникшей в 1992 году в Российской Федерации гиперинфляции очень сильно пострадала научная и творческая интеллигенция. Финансирование множества научных и технических разработок было сведено к минимуму или прекратилось. Зар-

¹ Рузвельт снял золотой стандарт в 1934. Но его восстановили в 1944, когда доллар стал мировой валютой и обеспечивал европейские валюты в конце войны. Второй раз снял золотой стандарт президент Никсон – это было результатом кризиса, связанного с войной США во Вьетнаме.

платы ученых не индексировались несмотря на скачки инфляции. неизбежно началась массовая эмиграция научных работников, в первую очередь молодых. Потери российской науки, обозначаемые понятием «утечка мозгов», исчисляются сотнями тысяч научных работников. Советские специалисты в области атомных и ракетных технологий, особенно из бывших союзных республик, находили применение в Индии, Пакистане, Северной Корее, Израиле, Иране и некоторых других странах.

Вместе с тем в Россию шла иммиграция ученых из многих стран СНГ, прежде всего из Украины, Беларуси, Казахстана, Грузии и Армении. Миллионы квалифицированных специалистов и рабочих, не только русских, уезжавших из стран СНГ, помогли увеличить научно-технический и промышленный потенциал Российской Федерации во многих важных отраслях. Однако в новейших цифровых технологиях, которые до недавнего времени имели глобальный характер и распространялись независимо от государственных границ, Россия, при признаках новой «холодной войны» и введении разнообразных эмбарго, обнаружила много проблем. Программа Большого прорыва должна, прежде всего, обеспечить независимость России и ее союзников от многочисленных санкций и провокаций, нараставших волной с 2014 года.

**Финансовые ресурсы
для большого прорыва**

Любая программа, которая предусматривает рост благосостояния населения, увеличение рождаемости и продолжительности жизни, увеличение пособий матерям и рост пенсий

пожилым и инвалидам, развитие медицинского обслуживания, образования и науки и улучшение экологии городов, требует обширного дополнительного бюджетного финансирования и ускоренного роста производственного и экспортного секторов экономики. Это же относится и к планам развития транспортных магистралей. Принятые уже в настоящее время Государственной Думой бюджеты на 2018–2020 гг. не рассчитаны на прорыв и являются планово дефицитными. Они предусматривают заимствования на внешних финансовых рынках.

Но с учетом новых директив президента Путина планируется пересмотр бюджета на 2019 год, доходные и расходные статьи которого будут значительно увеличены. Происходящее в текущем году повыше-

ние мировых цен на нефть создает для этого благоприятную конъюнктуру. Традиционные методы увеличения доходов бюджета являются общими для всех стран и будут, безусловно, применены и в России. Это, прежде всего, повышение разнообразных налогов с доходов, продаж, прибылей и собственности. Дополнительные средства в бюджет привлечет повышение пенсионного возраста, который в настоящее время, 55 лет для женщин и 60 для мужчин, является самым низким в Европе. Традиционными для увеличения доходов бюджета являются повышения акцизов на бензин и дизельное топливо, а также на табачные изделия и алкоголь. Не исключено, что будут сокращаться субсидии по коммунальным услугам. Снижение военных расходов и свертывание программ помощи другим государствам могли бы обеспечить страну дополнительными крупными фондами. Импортзамещение, начатое с 2014 года, будет расширено. На 2019 год планируется введение в строй новых газопроводов и увеличение экспорта газа, как на запад, так и на восток.

В России будут, очевидно, применяться и меры, специфичные именно для нее. Это прежде всего особые меры по возвращению многомиллиардных капиталов, утечка которых на офшоры и в западные банки в период олигархического капитализма не была остановлена и после 2000 года. Будут также значительно уменьшены административные расходы. Обширные аппараты, президентский, правительственный и губернаторские будут сокращены.

Особые резервы Путина

Возглавляя фактически Россию уже более 18 лет, Путин постоянно увеличивал личную власть и ответственность, сохраняя и даже увеличивая в течение всего этого времени высокий уровень доверия и поддержки в обществе. У Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина все было наоборот. Это же можно сказать и о западных лидерах, особенно американских и британских. В современном мире возрастание рейтинга доверия при длительных сроках полномочий демонстрируют лишь Си Цзиньпинь, Назарбаев и Лукашенко. Путин не определил своей идеологии, кроме патриотизма. Путин усилил влияние православной церкви, но не в ущерб другим религиям. Он поощряет в России и умеренный ислам в исламских автономиях России. Путин первым из лидеров России посетил в Москве главный католиче-

ский собор и старообрядческий храм. Путин многократно выражал уважение иудаизму и буддизму. Контраст в этом отношении между Путиным и Дональдом Трампом достаточно очевиден.

Основную оппозицию Путину составляют олигархи. Однако их влияние продолжает снижаться. В 2000 году 70% российской экономики контролировалось олигархическим капитализмом и только 30% правительством. К 2018 году государственный сектор экономики доминировал и приобрел более динамичную структуру корпораций. Однако значительная часть молодежи, незнакомая с проблемами даже недавнего прошлого и воспитанная интернетом и социальными сетями, относится к политике Путина весьма прохладно. Оппозиция Путину с этой стороны не имеет, однако, созидательного потенциала. Коммунистическая и либеральная оппозиции имеют слабую электоральную поддержку и не предлагают альтернативных программ.

Задачи, поставленные Путиным на ближайшие шесть лет, столь велики, что их будут решать с директивным привлечением частных капиталов. Именно таким путем финансировалась зимняя Олимпиада в Сочи в 2014 году, две трети расходов на строительство объектов которой составили частные инвестиции. Строительство грандиозного Крымского моста через Керченский пролив, начатое в 2015 году, осуществлялось частной акционерной компанией «Стройгазмонтаж», главным акционером которой является олигарх Аркадий Ротенберг [4]. Прокладку новых скоростных железнодорожных магистралей осуществляют международные консорциумы.

Для реализации крупных строительных проектов в 2018–2024 годах будут создаваться проектные управления с ответственными администраторами, имеющими чрезвычайные полномочия и работающими независимо от правительства и государственного бюджета. Таким же образом происходила и подготовка к чемпионату мира по футболу в России. Более 70% этих многомиллиардных расходов – это внебюджетные средства. Но они социально-экономически оправданы. Инвестиции международной ассоциации футбола (ФИФА) и туристический поток любителей футбола – это существенный вклад в экономику городов, финансовый и политический. Возникающие инфраструктуры переходят в собственность государства.

Россия сейчас – молодая и древняя страна. В отличие от Ленина, который создавал СССР, отрывая страну от ее царского и дворянского прошлого, Путин отсчитывает историю России от Киевской Руси, ее крещения в 988 году, а может быть и раньше. Большинство западных и

мировых лидеров, определяя свою политику по отношению к Российской Федерации, этого не понимают. То же можно сказать и о многих российских гражданах. Но для некоторых историков это уже очевидно. Патриотическое мировоззрение, распространяясь в массы, объединяет народ вокруг общих духовных и исторических ценностей. Россия – это не только государство, но и самостоятельная цивилизация, одна из нескольких – китайской, японской, арабской, индийской и других, сохранившихся в мире. По мнению американских историков, самостоятельные в прошлом французская, германо-австрийская, английская, греческая, испанская и другие цивилизации слились в последние десятилетия в общую «западную» цивилизацию [5]. Мы не согласны с тем, что «западная цивилизация» существует. Французская, испанская и др. остаются, а «западная» – это американская выдумка. Это не цивилизация, а образ жизни.

2024 год определяется как контрольный лишь потому, что он совпадает с завершением срока полномочий избранного в мае президента РФ. Однако нельзя исключить, что при успехе большого прорыва, даже частичного, полномочия Путина могут быть продлены. Примеры Китая, Казахстана, Беларуси и Азербайджана показывают, что изменения в конституциях осуществляются легче, чем изменения и смена власти. Но главным условием для такого сценария на будущее является успех программы роста благосостояния народа.

Библиографический список

1. Послание президента Федеральному Собранию. 1 марта 2018 года.
URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957>.
2. Сталин И.В. О задачах хозяйственников: Речь на Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности 4 февраля 1931 г. // Сталин И.В. Сочинения. М.: Государственное издательство политической литературы, 1951. Т.13. С.29–42.
3. Указ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». 7 мая 2018 г.
URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/57425>.
4. Левинский А., Маенная Е. Мост наш: как Аркадий Ротенберг получил подряд на стройку века. 16 марта 2015 г.
URL: <http://www.forbes.ru/kompanii/infrastruktura/282637-most-nash-kak-arkadii-rottenberg-poluchil-podryad-na-stroiku-veka>.
5. Quingley C. The Evolution of Civilizations. Liberty Press. Indianapolis, 1979.

Наши авторы

Бызов Леонтий Георгиевич

кандидат экономических наук,
ведущий научный сотрудник Федерального исследовательского
социологического центра (Институт социологии РАН)

Жбанкова Елена Васильевна

доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры региональных исследований
факультета иностранных языков и регионоведения,
МГУ имени М.В.Ломоносова

Орешин Сергей Александрович

кандидат исторических наук, ведущий эксперт
Государственного бюджетного учреждения города Москвы
«Московский дом национальностей»

Розенталь Исаак Соломонович

доктор исторических наук,
академик Российской академии естественных наук

Юдин Кирилл Александрович

кандидат исторических наук, доцент,
преподаватель и научный сотрудник
Ивановского государственного университета

Ранчин Андрей Михайлович

доктор филологических наук, профессор, кафедра истории
русской литературы филологического факультета
МГУ им.М.В.Ломоносова, почетный профессор
Шанхайского педагогического университета

Печатнов Владимир Олегович

доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой истории и политики
стран Европы и Америки МГИМО МИД СССР

Медведев Жорес Александрович

кандидат биологических наук, биохимик-геронтолог,
почетный член Биохимического общества,
член Американского геронтологического общества,
историк, публицист

Медведев Рой Александрович

кандидат педагогических наук, историк, писатель

Our authors

Byzov Leonty Georgievich

Ph.D. in Economics, leading researcher
at the Institute of sociology of the Russian Academy
of Sciences of the Federal research sociological center

Zhbankova Elena Vasiljevna

D.Sci., historian, Associate Professor, Professor,
Dpt. of Area Studies, Foreign Languages
and Regional Studies of The Moscow State University

Oreshin Sergei Aleksandrovich

Ph.D. in History, leading expert of a state budget institution
"The Moscow House of Nationalities"

Rosental' Isaak Solomonovich

D.Sci., historian, Academician
of Russian Academy of Natural Sciences

Yudin Kirill Alexandrovich

Ph.D., historian, Associate Professor
of Russian History department Ivanovo State University

Ranchin Andrey Mikhailovich

D.Sci., philologist, Professor, Chair of History of Russian Literature,
Philological Faculty of Moscow State University,
Honorary Professor of Shanghai Pedagogical University

Pechatnov Vladimir Olegovich

D.Sci., historian, Professor,
Head of Chair of European and American Policy
of Moscow State Institute of International Relations (University)

Medvedev Zhores Aleksandrovich

Ph.D. in Biology, biochemist-gerontologist,
the honorary member of the Biochemical Society
and of the American Gerontological Society, historian, publicist

Medvedev Roy Aleksandrovich

Ph.D., pedagogical sciences, historian, writer

ПОДПИСКА И ПРОДАЖА

Подписной индекс 39363 – по объединенному каталогу «Пресса России» (подписка возможна с любого месяца)

Подписка на электронную версию журнала оформляется через Научную электронную библиотеку: www.elibrary.ru

УДОБНЕЙ ВСЕГО ЖУРНАЛ КУПИТЬ В РЕДАКЦИИ

Кроме того журнал «Россия XXI» можно заказать с доставкой по всей России или купить в книжном интернет-магазине «Русская деревня». тел. 8-495-922-60-36 сайт www.hamlet.ru

Журнал появился в киосках РОССПЭНа по 2 адресам:

- ул. Б. Дмитровка, д.15 тел.8-495-694-50-07;
- ул. Дмитрия Ульянова, д.19 тел. 8-499-126-94-18

ISSN 0869–8503

**Учредитель: Международный общественный фонд
«Экспериментальный творческий центр»
(Центр Кургиняна), МОФ-ЭТЦ**

**Журнал зарегистрирован 20 января 1993 года.
Регистрационное свидетельство №011074.
© «Россия XXI», 2018.
Цена свободная.**

**Адрес редакции:
123001, Москва, Садовая-Кудринская, 22/21, стр.1-2
Телефон (495) 691-74-79, факс (495) 694-17-54
E-mail: russia21@ecc.ru
<http://www.russia-21.ru>**

**Перепечатка допускается по соглашению с редакцией,
ссылка на «Россию XXI» обязательна.**

**Подписано в печать 15.06.2018. Формат 60x88 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная №1. Объем 11,75 печ. л.
Тираж 1500 экз. (1 завод 300 экз.) Заказ №**

**Отпечатано в АО «ИПК «Чувашия»,
428019, г.Чебоксары, пр. И.Яковлева, 13.**

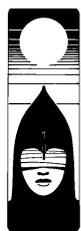
3. 2018 may-june

Theory and Practice of the Political Games

Leontiy Byzov

Ideological Schisms and Presential Election, 2018.
On Results of Studies Made by the Russian Academy
of Sciences Institute of Sociology and the All-Russian
Center for Public Opinion Studies _____ **6**

National Doctrine

Sergei Oreshin

All-Caucasian Statehood in the Revolution and Civil War Years:
Ideas, Projects, and Attempts of Their Realisation _____ **24**

Elena Zhbankova

For What and What Physical Education Does the USSR
Proletariat Need? _____ **44**

Pages of History

Isaak Rosental'

On Some Tendencies of the World War I, Revolution and
Bolshevism Comprehension by Contemporaries _____ **68**

Kirill Yudin

“Wrecking Activity” on Facilities of the USSR Defense
Industry (the Late 1920s – the Earlier 1940) _____ **98**

Labels and Myths

Andrey Ranchin

“The Left-Hander” by N.S.Leskov and the
Russian National Mythology _____ **114**

Topical Archive

Vladimir Pechatnov

Unexpected Allen Dulles _____ **144**

Readers' Letters

Zhores Medvedev, Roy Medvedev

Russia in Six Years _____ **176**

РОССИЯ XIX